

ИСТОРИЯ ИНКВИЗИЦИИ

Annotation

Книга американского исследователя Генри Чарльза Ли (1825-1909), основанная на обширном документальном материале, рассказывает о возникновении и деятельности инквизиции в Средние века. На страницах издания предстают живо описанные знаменитые процессы над Яном Гусом, Савонаролой, Жанной д'Арк, гроссмейстером тамплиеров Жаком де Молэ, 'Синей Бородой' – Жилем де Рэ и др. Для широкого круга читателей.

- [Генри Чарльз Ли](#)
 - [Предисловие](#)
 - [ПРОИСХОЖДЕНИЕ И УСТРОЙСТВО](#)
 - [Глава 1. ЦЕРКОВЬ](#)
 - [Глава 2. ЕРЕСЬ](#)
 - [Глава 3. КАТАРЫ](#)
 - [Глава 4. КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ ПРОТИВ АЛЬБИГОВ](#)
 - [Глава 5. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ](#)
 - [Глава 6. НИЩЕНСТВУЮЩИЕ МОНАХИ](#)
 - [Глава 7. УСТАНОВЛЕНИЕ ИНКВИЗИЦИИ](#)
 - [Глава 8. УСТРОЙСТВО ИНКВИЗИЦИИ](#)
 - [Глава 9. СУДОПРОИЗВОДСТВО ИНКВИЗИЦИИ](#)
 - [Глава 10. СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ](#)
 - [Глава 11. ЗАЩИТА](#)
 - [Глава 12. ПРИГОВОР](#)
 - [Глава 13. КОНФИСКАЦИЯ](#)
 - [Глава 14. КОСТЕР](#)
-

Генри Чарльз Ли

История инквизиции. том 1

Предисловие

Книга «История инквизиции» американского ученого Генри Чарльза Ли признана одним из лучших, полных и обстоятельных изданий, посвященных такому интересному и противоречивому периоду в истории Церкви, как инквизиция. Этот труд, некогда вызвавший настоящую сенсацию в Европе, – глубокое и беспристрастное изучение причин зарождения инквизиции, биографий ее служителей, архивных документов разных стран и времен. Предлагаемое издание будет интересно не только любителям истории, но и все тем, кого привлекает изучение политики и законов управления государством. Бесконтрольная, безапелляционная, самодержавная, не знавшая другого закона, кроме единственного: так я хочу, так я велю, и пусть будет моя воля, инквизиция долгие века была символом абсолютной власти, орудием борьбы со свободой совести, вероисповедания, и особенно – со свободой мысли.

В данной редакции текст книги немного сокращен – убраны авторские комментарии Ли не относящиеся прямо к истории инквизиции, а также ссылки на архивные документы, вряд ли интересные широкому кругу любителей истории. Частично сохранен стиль речи и особенности перевода начала XX века.

Генри Чарльз Ли, как и большинство историков, относит к Средним векам период от краха Западной Римской Империи до эпохи Высокого Возрождения, т.е., от V в. до начала XVI в. Поэтому в его труде совершенно не отражена деятельность инквизиции в XVI-XVIII вв., т.е. в Новое время.

Книга состоит из трех томов:

«Происхождение и устройство»

«Инквизиция в различных христианских землях»

«Частные случаи инквизиционной деятельности»

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И УСТРОЙСТВО

Глава 1. ЦЕРКОВЬ

В X-XX вв. Церковь стала владычицей всего христианского мира. Для поддержания своего положения Церковь нуждалась в централизации власти. Римская кафедра захватила всемирную юрисдикцию и подчинила своей воле волю епископов. Смиренный служитель алтаря был лишь орудием, при помощи которого папские декреты и епископские распоряжения проводились в народ. Чтобы удержать верующих на правом пути, Церковь могла прибегнуть к духовным судам, которые были при каждой епископской кафедре. В жизни человека было сравнительно мало таких вопросов, которые не затрагивали бы его совести, следовательно, не вызывали бы вмешательства духовного суда.

Забота о сохранении чистоты душ вызывала постоянное наблюдение за действительными или мнимыми заблуждениями каждого; а это предоставляло Церкви возможность вмешиваться в частную жизнь человека. Лицо духовного звания было подсудно только своим духовным судам, которые не могли вынести смертного приговора; кроме того, всегда можно было на решение духовного суда принести жалобу верховному судилищу Рима, а подобная апелляция часто была равносильна полной безнаказанности. В подобном же исключительном положении находилась и недвижимость духовных лиц, которая занимала значительную часть наиболее плодородных земель Европы.

Сделавшийся почетным в середине XI столетия и ставший обязательным после упорной столетней борьбы celibat (безбрачие католического духовенства), резко отделив священников от мирян, всецело закрепил за Церковью ее обширные владения и предоставил ей бесчисленную армию служителей, честолюбивые стремления которых не выходили за пределы ее интересов. За это служители Церкви получали уверенность в завтрашнем дне и освобождались от всех мелочных забот о хлебе насущном; от них требовалось лишь одно — не выходить из повиновения.

В феодальном обществе возвышение и переход из одного сословия в другое были почти невозможны. Правда, и в Церкви происхождение облегчало доступ к высшим должностям, но все же в ней можно было выдвинуться благодаря энергии и природным дарованиям, несмотря на низкое происхождение. Воинствующая Церковь была подчинена суровой дисциплине; все ее служители сражались за одну и ту же идею, были вооружены грозным оружием, поражающим не только тело, но и душу. Приказания ее главы принимались как веления самого Бога.

Папа Иннокентий III провозглашал, что власть духовная настолько выше власти светской, насколько душа выше тела; он провозгласил папу наместником Христа, помазанником Бога, «тем, кто судит всех и не судим никем».

В ряды служителей Церкви устремлялось немало способных людей. Они меньше заботились о спасении душ, чем о неприкосновенности Церкви, о ее привилегиях и о приумножении ее богатств. Самые высшие должности в церковной иерархии обычно занимались людьми, которые ставили мирские блага выше идеалов христианства.

Начиная от самого скромного приходского священника и кончая высшими прелатами, духовные должности могли попасть в руки людей честолюбивых, себялюбивых и суетных, горячо желающих власти, но не думающих о налагаемой ею ответственности.

Папа Иннокентий III

Руанский собор 1050 г. отмечает, что честолобивые люди всеми правдами и неправдами стараются собрать как можно больше денег, чтобы при их помощи получить от князя и его придворных желаемую епископскую кафедру. Но собор не предлагал против процветавшей в Церкви симонии никакого средства. Непотизм был лишь другой формой того же подкупа. «Если бы,- говорит богослов XI в.,- все те, кто возвысился в силу своих семейных связей, были вынуждены покинуть свои места, то это вызвало бы страшный кризис в Церкви». Кроме того, на политику Церкви постоянно оказывали влияние и другие, еще более низкие, мотивы.

В эпоху грубого насилия высшие церковные звания раздавались людям, искушенным в интригах, или таким, воинственные наклонности которых обеспечивали безопасность их церквям и вассалам.

Прелаты и бароны одинаково были буйны, одинаково суетны. Прелатом такого типа был вормсский епископ Лупольд. Во время войны между императорами Филиппом и Отгоном IV Лупольд со своими войсками сражался за первого, и, когда его солдаты отказывались грабить церкви, он уверял их, что «совершенно достаточно оставить в покое только кости мертвых».

Один парижский ученый богослов той поры открыто заявил: он никогда не поверит, что может попасть в рай какой-либо германский епископ, так как все они, кроме меча духовного, носят еще и меч воина.

Все свидетельства этой эпохи подтверждают, что прелаты того времени отличались склонностью к хищению и насилию. Они были подсудны только одному Риму; но нужно было дойти до самых крайних пределов отчаяния, чтобы решиться жаловаться на них в Рим; даже и в случае подачи жалобы безнаказанность обвиняемого была более чем вероятна: во-первых, трудно было доказать виновность; во-вторых, дела тянулись бесконечно долго, и, в-третьих, всем прекрасно была известна продажность римской курии. Обвинения против прелатов легко могли кончиться печально для самого обвинителя.

Епископ Тюля, Маге Лотарингский, посвященный в 1200 г., проявил такие хищнические наклонности, что уже через два года

капитул обратился к папе Иннокентию с просьбой о его смещении. Епископ весь ушел в охоту, разврат и пиры; любимой его наложницей была его родная дочь, прижитая им с одной монахиней из Эпиналя. Но прошло целых десять лет в расследованиях и апелляциях, прерываемых всевозможными проявлениями произвола, прежде чем епископ был смещен. В 1217 г. он подговорил убить своего преемника.

Св. Бернар рассказывает, что нередко на епископские кафедры назначались совершенно еще дети; но быстро эти дети делаются наглыми и высокомерными, начинают торговать алтарями и выворачивать карманы верующих.

Выполняя так свои обязанности, епископы лишь следовали примеру пап, которые были благодаря своему лихоимству грозой христианских церквей.

В 1160 г. тамплиеры жаловались Александру III, что все их труды в интересах Святой Земли сводятся почти на нет благодаря страшному лихоимству папских легатов и нунциев.

Англия после позорного изъявления королем Иоанном покорности папе была особенно изнурена папскими поборами, в три раза превышавшими доход короля.

Всякий протест, всякое сопротивление подавлялись отлучением от церкви. Злоупотребление правом апелляции в Рим со стороны священнослужителей началось с IX в., как только это право было установлено. Когда линкольнский епископ XIII в. увидел, что все его усилия исправить подчиненное ему духовенство напрасны благодаря апелляциям в Рим, где виновные всегда могли откупиться, он перед самим папой воскликнул: «О, деньги, деньги! Чего только не можете вы сделать, в особенности у папского престола в Риме!»

Всемирная юрисдикция Рима вполне допускала злоупотребления. Папа в своем положении верховного судьи мог передать, кому угодно, часть своей повсеместно признанной власти; мало того, папская канцелярия не особенно разборчиво раздавала грамоты людям, которым она передоверяла судебные права папы, подтверждая в то же время, что всякое неисполнение их решений влечет за собой отлучение от церкви. Эти грамоты продавались открыто всем, кто мог заплатить за них. Папские грамоты давали тем, кто действительно или мнимо владел ими, полную свободу творить беззакония, сводить личные

счета и набивать свои карманы. В довершение всего эти грамоты подделывались в самых широких размерах. Луций III в 1185 г. приказал строго преследовать шайки подделывателей папских грамот, которые действовали в Англии. Подделыватели грамот были преданы анафеме буллой «В теле Господнем», и это тяготело над ними до отмены этой буллы в 1773 г.

Римская курия была предметом ужаса для всех, кто приходил с ней в столкновение. В середине XIII в. линкольнский епископ открыто говорил Иннокентию IV и его кардиналам, что римская курия – источник всякого бесчестия и что благодаря ей звание священнослужителя стало позорным и бесславным во всем христианском мире.

Папа Иннокентий IV

Многие епископы по примеру пап пользовались всяким удобным случаем, чтобы стричь свою паству. Богослов XIII в. говорит о епископах: «У них три крючка, на которые они ловят рыбу в мутной воде: во-первых, исповедник, который заботится о душах; во-вторых, диакон, архидиакон и другие духовные лица, которые блюдут

интересы прелатов всеми законными и незаконными средствами; и, наконец, сельский священник, при назначении которого принимается во внимание умение обирать бедных и драть с них последнюю шкуру в пользу своего господина... Раньше хоть несколько стеснялись присваивать себе имущество богатых и бедных, но теперь это делается открыто на глазах у всех посредством всевозможных подлогов и разных новых хитрых способов вымогательства. Служители прелатов – это винный фильтр, который доставляет прелатам добычу разбоя, а себе оставляет осадок греха».

Но главным источником доходов прелатов и главной причиной бедствий народа был духовный суд. Так, например, продажные епископские ставленники заключали и расторгали браки только для того, чтобы наполнять свои карманы. Повод к расторжению брака всегда легко находили в запутанных законах, касающихся степеней кровного родства.

Другим источником вымогательств было отлучение от Церкви. Если кто-нибудь отказывался подчиниться незаконному требованию, его отлучали от Церкви, но уже после этого он должен был уплатить не только то, что с него раньше незаконно требовали, но еще и штраф за снятие с него отлучения. Всякое промедление в исполнении решения духовного суда влекло за собой отлучение от Церкви с целым рядом вытекавших отсюда поборов.

Если кому-либо из служителей Церкви представлялось выгодным измыслить какое-нибудь кляузное дело, то пользовались всяким пустым случаем. Когда священнику давали бенефиций, то с него брали клятву, что он зорко будет следить за всеми ошибками своих прихожан и виновных будет преследовать и подвергать штрафам; на него возлагали обязанность следить, чтобы ни одна ссора, ни одна тяжба не оканчивались миром. Правда, особым декретом было объявлено, что подобные клятвы священников не имеют значения, но епископы продолжали требовать их.

Продажность многих епископских судов была существенной причиной бедствий народа и его неприязненных отношений к Церкви. Папский двор и в этом служил примером для других: папе Евгению III

ставят в заслугу, что тот прогнал одного приора, который предложил ему золотую марку, чтобы он принял его дело к своему рассмотрению.

Епископ был единственным лицом в епархии, имевшим право проповедовать; приходской священник не был достаточно образован для этого, и церковные правила не позволяли ему выступать с проповедью без особого на то разрешения его непосредственного начальства. Но буйные и воинственные прелаты той эпохи совершенно не были подготовлены к делу проповеди. Проповедь оставалась почти всецело в руках еретиков, пока, к великому неудовольствию епископов, не начали своей деятельности монахи проповедники.

Инквизитор Изарн прямо утверждает, что ересь никогда бы не распространилась, если бы явились в противовес ей хорошие проповедники.

Низшее духовенство в нравственном отношении не стояло выше епископов. Почти все бенефиции зависели от епископов. В XII-XIII вв. бенефиции или продавались открыто, или раздавались по протекции, причем о способностях и нравственных качествах кандидата никто не спрашивался.

Папа Александр III узнал, что коventрийский епископ раздавал церкви детям, не достигшим еще десятилетнего возраста; но он ограничился предписанием, чтобы приходы поручались викариям, пока назначенное лицо не достигнет четырнадцати лет.

Римская курия сама широко злоупотребляла раздачей духовных должностей. Запрещенное каноническими правилами совместительство, как и все злоупотребления, было для римской курии источником дохода; последняя всегда была готова не бескорыстно дать свое разрешение владеть несколькими церквями или приходами.

Из папской канцелярии при Иннокентии IV вышли в течение первых трех месяцев 1245 г. 332 бумаги, из которых одна пятая заключала разрешения совместительства, выданные шестидесяти пяти лицам; значительная часть остальных является также обходом канонических законов.

Бенефиций, купленный за наличные деньги, являлся местом, из которого следовало извлекать как можно больше доходов, не стесняясь ни лихоимством, ни всевозможными происками.

Одним из наиболее частых поводов к недовольству, мятежам и жалобам был десятинный налог, делавшийся прямо невыносимым благодаря хищничеству сборщиков. Но отказ платить десятину рассматривался как проявление ереси.

Создается в XI-XIII вв. новая форма симонии: торговля таинствами. Широкое поле для всевозможных вымогательств давала исповедь, которая сделалась в это время обязательной и превратилась в монополию священников. Некоторые исповедники отпускали грехи за цыпленка или бутылку вина.

Нередко священник отказывался венчать или хоронить, требуя уплаты денег вперед; даже причастие давали за пожертвования.

Многие священники преступали правило, по которому, за исключением особых случаев, нельзя было служить более одной обедни в день; желавшие соблюсти внешнюю благопристойность, повторяя зачин, разделяли одну обедню на целых шесть частей и получали за каждую из них отдельную плату.

Часто священник отказывал умирающему в последнем напутствии, от которого зависело спасение души его в загробном мире, если ему не давали за это чего-либо из вещей умирающего. Часто пугали умирающих муками ада, если они не оставляли своего состояния по духовному завещанию на благотворительные цели. Значительная часть церковного имущества была собрана именно таким путем, и жалобы на это раздавались уже с IX в. В некоторых местностях бывали даже случаи отлучения нотариуса от церкви за то, что он составил духовное завещание в отсутствие священника, причем покойника лишали христианского погребения. В оправдание этих злоупотреблений ссылались на то, что этим мешают еретику оставить свое имущество другим еретикам.

Приходские церкви объявили, что никто не имеет права избирать себе по своему усмотрению место погребения. Потребовалось не мало папских указов, раньше чем удалось положить конец этим противозаконным требованиям; но во всех постановлениях Рима за приходскими церквами признавалось право на половину, треть или четверть суммы, завещанной на помин души. В некоторых местностях приходская церковь предъявляла свои права на наследство от всякого

своего прихожанина; это вызвало в 1240 г. по. становление Ворчестерского собора, согласно которому Церковь забирала одну треть имуществ умершего, оставляя две трети его семейству. В Лиссабоне те, кто не завещал Церкви одну треть своего имущества, лишались последнего напутствия.

Самой главной причиной деморализации духовенства и взаимной ненависти между ним и мирянами была личная неприкосновенность лиц духовного звания и их неподсудность светскому суду. Иннокентий III разъяснил, что светская полиция может арестовать и препроводить на епископский двор лицо духовного звания, застигнутое на месте преступления только с разрешения епископа. Относительная безнаказанность привлекала в число служителей Церкви людей, совершенно испорченных и порочных; не бросая своих мирских привычек, они вступали в низшие духовные должности и широко пользовались своей неподсудностью светскому суду, подрывая этим всякое уважение к духовному званию.

Мирянину было почти невозможно найти правосудие в имущественной тяжбе с духовным лицом.

Нередко мирян привлекали одновременно по одному и тому же делу к ответственности перед несколькими духовными судами; каждое судилище в отдельности приговаривало их к отлучению от церкви; от этого можно было избавиться только уплатой крупного штрафа, причем приговоры эти обыкновенно выносились заочно, а судьи не считали даже нужным справляться, вручены ли ответчикам повестки о явке на суд. Знание юридической стороны дела составляло в то время почти исключительную привилегию духовенства; обладая умом, изощренным на схоластических тонкостях, лица духовного звания всегда могли легко восторжествовать над невежеством и беспомощностью своих противников.

Монашеские ордены в XII в. добились неподсудности епископскому суду и отдачи их под непосредственный контроль Рима. Благодаря этому в огромном большинстве случаев монастыри сделались очагами разврата и мятежей; женские монастыри походили на публичные дома, а мужские обратились в феодальные замки, и монахи воевали против своих соседей не менее свирепо, чем самые буйные бароны. В 1182 г. богатое С.-Тройское аббатство было

осаждено мецским и льежским епископами; город и монастырь были сожжены, а жители все перебиты. Часто преступники избегали заслуженного наказания, вступая в монастыри. Собор 1129 г. в Валенсии постановил, что всякий, кто обольстит женщину или ограбит священника, монаха, богомольца, путника или купца, должен быть изгнан или заключен в монастырь. Хроники полны рассказов о том, как такие монахи, не думая обуздывать своих страстей черной рясой, удивляли мир своими жестокостями и выходками.

Печальную славу монахов множило огромное число бродяг и нищих, которые под прикрытием монашеской рясы проникали во все углы христианского мира, питаясь милостыней и обманом, торгуя поддельными реликвиями и показывая ложные чудеса. В тщетной борьбе с этим злом Кельнский собор в начале XIII в. запретил давать кров какому бы то ни было странствующему монаху.

Ввиду полной безуспешности отдельных усилий произвести реформу монашеских орденов, аббат Жанблу в 1190 г. признается, что монашество - позор и язва, предмет непристойных насмешек и горьких упреков в устах всех христиан.

Под руками подобных священников и монахов религия стала к XII-XIII вв. совершенно отличной от той, которую завещали Иисус Христос и апостол Павел.

Догмат оправдания посредством добрых дел, которому Церковь в значительной степени обязана своим могуществом и богатством, по мере своего развития лишил религию ее духовной жизненной силы; религия во многих отношениях превратилась в грубый фетишизм. Грешник верил, что отпущение грехов можно получить повторением «Отче Наш» и «Богородица», соединенных с магическим таинством покаяния, превращенного в шаманское чародейство, при котором нисколько не заботились о состоянии души человека.

Еще более выгодным для Церкви и столь же губительным для веры и нравственности было сильно в то время распространенное верование, что щедрые пожертвования после смерти на сооружение монастырей или на украшение храмов могли загладить жестокости и грабежи всей долгой жизни грешника; таково же было верование, что служба в течение нескольких недель против врагов папы заглаживала

все грехи того, кто поднимал крест на истребление своих же братьев христиан.

Крестоносцы в походе; пилигримы и рыцари

Огромные тысячи воинов с 1095 г. — с призыва к Первому крестовому походу — стекались под знамена папы, чтобы получить за участие в крестовом походе полное отпущение грехов. Крестоносцы освобождались от подсудности светским судам и наравне с лицами духовного звания судились только судом духовным. Когда возбуждалось обвинение против крестоносца, духовный судья, под угрозой отлучения от церкви, вырывал его из рук светского суда, и если он уличался в каком-либо очень крупном преступлении, как, например, в убийстве, то ограничивались тем, что у него отбирали крест и судили его так же снисходительно, как судили духовных. В конце концов это новое злоупотребление было признано светским судопроизводством.

Еще более щедрыми бывали обещания пап, когда затрагивались их личное честолюбие и их личные интересы. Иннокентий IV, проповедуя после смерти Фридриха II крестовый поход против

императора Конрада IV, обещал всем участникам похода более широкое отпущение грехов, чем то, которое давалось за поход в Святую Землю, и объявил, что индульгенция будет распространяться также и на родителей крестоносца. Если же крестоносец не хотел или не мог почему-либо исполнить данного им обета, он мог откупиться, уплатив известную сумму, сообразно со своим положением в армии. Таким путем римская курия получила немало денег.

Эта выгодная система, развиваясь постепенно все шире, стала наконец применяться и в самых незначительных ссорах, которые возбуждались папами как хозяевами Папской области, для подавления восстаний в малых местечках Осимо и Реканати в Анконской марке, для усмирения народа даже в самом Риме.

Вскоре приобретение вечного спасения стало прямо продаваться за деньги всем желающим. Папа Иоанн XII открыл верный источник средств на издержки по своим частным войнам. Он приказал епископам устроить повсюду продажу индульгенций.

Еще большим злом была рассылка по городам и весям продавцов индульгенций. Продавцы считали себя вправе не только обещать вечное блаженство живым, но и давать освобождение уже томящимся в преисподней. В 1215 г. Латеранский собор восстал против подобных приемов. В 1261 г. Майнцский собор отметил вред, наносимый продавцами индульгенций, которые своими мошенническими проделками вызывают к себе всеобщую ненависть. Но злоупотребление продолжалось беспрепятственно, так как торговля индульгенциями была верным источником доходов Церкви на ее расходы по выполнению ее мирских замыслов.

Продажа индульгенций прекрасно характеризует ту отличительную черту религии Средних веков, которую можно назвать жречеством. Необходимым посредником между Богом и человеком являлся священник. Церковные обряды и таинства давали ему господство над массой, превратились в своего рода кумиры, одаренные особой силой, которая не зависела ни от нравственного и духовного состояния тех, кто предлагал их, ни от поведения тех, кому они предлагались. В глазах толпы обряды религии были просто

магическими формулами, которые таинственно служили духовным или телесным нуждам тех, для кого они совершались.

Этот фетишизм глубоко укоренился в умах массы благодаря старанию тех, кому это было выгодно.

Вошедшее во всеобщее употребление ношение при себе амулетов и святых предметов вполне тождественно подобным же явлениям у язычников. Даже иконы и изображения святых и мучеников наделялись таинственной силой.

Святые Дары пользовались особенно сильным уважением. Освященный хлеб имел в глазах народа особую чудодейственную силу. Сила этой магии отнюдь не вытекала из набожности тех, кто к ним прибегал. Употребляя разные чудодейственные средства, мало думали об их святости: бывали такие священники, которые служили литургию в целях волхвования и колдовства; совершая священные обряды, они проклинали своих врагов и верили, что это проклятие вызовет гибель помянутого ими человека. Бывали даже случаи, когда служили обедню для того, чтобы сделать более действенным древний способ насылать порчу. Можно привести бесконечное число примеров, чтобы показать, до какой степени упало в XI-XIII вв. христианство, основанное на язычестве и руководимое недостойным духовенством.

Самый достоверный свидетель положения Церкви в XII в. св. Бернар говорил: «Церковь бедна, ограблена и несчастна, все ею пренебрегают, и она как бы обескровлена. Ее дети думают лишь о том, как бы ограбить ее; они не поддерживают ее, а разоряют; не поднимают, а унижают; не питают стадо, а душат и поедают его; устанавливают таксу за грехи и не думают о грешнике. Кто из епископов не предпочитал бы очищение карманов своих духовных овец исцелению их от пороков?» Современник св. Бернара пишет в 1152 г.: «Церковь быстро идет к падению, и ни одна рука не поднимается, чтобы поддержать ее; нет ни одного священника, достойного стать посредником между Богом и людьми и приблизиться к престолу Всевышнего с мольбой о ниспослании небесной благодати».

Аббат Жанблу (XI в.) сетовал: большинство прелатов достигает власти не по избранию, а по подкупу и расположению князей; они вступают в Церковь не за тем, чтобы водить других, а чтобы кормиться самим; не за тем, чтобы служить другим, чтобы пользоваться самим услугами других; не за тем, чтобы сеять, а чтобы жать; не за тем, чтобы работать, а чтобы сидеть сложа руки; не за тем, чтобы охранять овец от волков, а чтобы самим пожирать их с жестокостью большей, чем волчья. Св. Гильдегард (XI в.) в своих пророчествах противопоставляет мирян и духовенство: «Прелаты грабят церкви; их алчность поглощает все, до чего они прикасаются. Их притеснения доводят нас до нищеты и, унижая их, унижают нас... Прилично ли, что люди, носящие тонзуру, командуют большим числом солдат и водят большие армии, чем миряне?... Сообразно ли с чем-нибудь, чтобы духовное лицо было солдатом, а солдат был духовным лицом?... Бог не заповедал нам, что одни из нас должны иметь зараз и подрясник и плащ, а другие должны ходить голыми; нет, Он приказал, чтобы одни носили подрясник, а другие – плащ. Оставьте же плащ мирянам, столь необходимый им в миру, а духовенство пусть носит подрясник, потребный ему по сану».

Латеранский собор 1215 г. принял очень много канонов, направленных к искоренению главных злоупотреблений. Но четыре года спустя папа Гонорий III в энциклике, обращенной ко всем прелатам христианского мира, говорит: «Служители алтаря хуже животных, роющихся в навозе; слава их – в бесчестии, как слава Содомы. Они – ловушка и бич верных. Многие прелаты растрачивают данные им на хранение деньги и разбрасывают по публичным местам церковные средства; они дают повышения людям недостойным, расточают церковные доходы на людей дурных и превращают церкви в тайные притоны для своих родных. Монахи и монахини нарушают обеты и делаются такими же презренными, как навоз. Поэтому-то и процветает ересь».

Таковы свидетельства духовных лиц. Вальтер фон дер Фогельвейде прекрасно выражает отношение народа ко всем духовным, начиная от папы и кончая приходским священником: «Кафедра св. Петра переживает теперь такое же время, как тогда, когда она была осквернена колдовством Герберта; этот последний

приуготовил место в аду только для себя одного, а ныне правящий папа влечет туда за собой и всех христиан. Зачем медлят громы небесные? Доколе, Господи, продлится Твое долготерпение? Дело Твое обращено в ничто, слово Твое запрещено. Твой казначей крадет Твои небесные богатства, Твои слуги грабят и убивают, и хищный волк стережет Твое стадо».

Вот как отзывается о высоких сановниках Церкви, о белом духовенстве и монахах трубадур Раймон де Корне, отвечая, как эхо, на жалобы Вальтера: «Я вижу папу, отрешившегося от всех своих обязанностей: он хочет разбогатеть, он не заботится о бедных, которым нет даже доступа к нему. Вся цель его – собрать побольше сокровищ, заставить других служить себе, сидеть на златотканых материях. Для этого он пускается в круговую торговлю. За хорошую сумму наличными деньгами он раздает епископские кафедры своим приближенным и посылает к нам сборщиков, снабженных открытыми листами на сбор милостыни, и они продают нам отпущение грехов за меру ржи и за деньги... Не выше стоят и кардиналы; повсюду говорят, что с утра до ночи ищут они, где бы заключить какую-нибудь грязную сделку. Вам угодно епископство, а вам аббатство? Так несите ж скорее им побольше денег: они дадут вам в обмен на них или краевую шапку, или епископский посох. Если вы не знаете ничего из того, что требуется от священника, так это не беда. Знаете ли, не знаете ли, а вы будете получать хорошие доходы. Но смотрите не торгуйтесь; платите, не жалея денег, а то как раз останетесь с носом... А что делают епископы? Они сдирают кожу с богатых настоятелей своих епархий и продают им свои грамоты, скрепленные печатями. Одному Богу известно, когда они отвыкнут от этого. Да они делают дела и похуже! За деньги они постригают первого встречного и наносят, таким образом, вред всем; не только нам, приносимым в жертву этому проходимцу, но и светским судам, которые теряют над ним всякую власть... Клянусь вам, скоро будет больше священников и монахов, чем волопасов. Все падают и дают другим дурные примеры. Эти люди взапуски друг перед другом торгуют таинствами и обеднями. Исповедуя добрых мирян, за которыми нет ни одного греха, они налагают на них огромные епитимьи; и с миром отпускают наложниц священников... Конечно, если судить по внешности, монашеские обеты тяжелы и суровы. Но приглядитесь к ним поближе: поистине,

монахи живут вдвое лучше, чем жили в миру под родительским кровом. Они поступают, как нищие, которые, прикрываясь лохмотьями, обманывают людей и кормятся за их счет. Вот почему так много бездельников и негодяев поступает в монастыри; вчера у них не было куска хлеба, а завтра их шутовской наряд приносит им изрядный доход, извлекаемый из тысячи фокусов, скрытых у них в мешке».

Подобная религия неизбежно должна была породить ересь, подобное белое и черное духовенство должно было вызвать восстание.

Глава 2. ЕРЕСЬ

Церковь, стоявшая так далеко от своего идеала и так небрежно относившаяся к своим обязанностям, очутилась перед новыми опасностями, грозившими подорвать в корне все ее могущество. Новый страшный враг выступил против нее; этим врагом было пробуждавшееся сознание. Непроницаемый мрак невежества X в., наступивший за мимолетным блеском цивилизации эпохи Каролингов, начал рассеиваться в XI в. перед первыми лучами умственного возрождения. И уже с начала XII в. началось широкое развитие, которому суждено было сделать Европу родиной искусств и наук, образования и высокой культуры. В то же время родились Сомнение и критика. Стало колебаться и то слепое благоговение, с которым прежде относились ко всему, исходявшему от Церкви. Сочинение Абеляра «Да и нет», освещавшее противоречия между преданием и папскими декретами, угрожало Церкви большими опасностями, порожденными пробуждением критической способности ума. Все усилия глоссаторов, магистров логики, докторов богословия и теологов-схоластиков и толкователей канонического права не могли вернуть человеческому разуму его былую непоколебимость и спокойную веру в божественность учения воинствующей Церкви. Дух пытливого исследования стряхнул с себя долгий сон и получил могучий толчок в Толедской школе, пришедшей к живому источнику арабской, греческой и еврейской науки. Уже в X в. папа Сильвестр II (Герберт д'Орильяк) прославился как чародей потому только, что изучал запрещенные науки в этом центре умственного движения. Около середины XII в. Роберт Ретинский по просьбе Петра Клунийского перевел Коран, чтобы дать Петру возможность написать опровержение заблуждений ислама. Сочинения Аристотеля, Птолемея, Абубекра, Авиценны, Альфараби и Аверроэса были переведены на латинский язык и переписывались по всему христианскому миру. Крестоносцы также приносили с Востока обрывки античной мысли. Церковь понимала, какую опасность представлял для нее зарождающийся интерес к наукам, поэтому Парижский университет неоднократно запрещал чтение произведений Аристотеля.

Еще более опасным для Церкви было возрождение римского гражданского права; начиная уже с середины XII в. римское право изучалось во всех научных центрах Европы. Эта система основывала свой авторитет на идее непреложной справедливости, представленной Верховным Повелителем, а не на каноне или декретах, не на словах папы или собора и даже не на текстах Священного Писания. Св. Бернар в 1149 г. жаловался, что суд стал отголоском законов Юстиниана, а не законов Бога, т. е. Церкви.

Распространение просвещения и умственный прогресс утвердили контроль разума и уменьшили губительное влияние эмоции и импульса. Но тем не менее безумие легко может овладеть народом и разум может быть заглушен страстью. Проявления безумных душевных движений быстро переходили из одной страны в другую: крестовые походы, усеявшие Палестину костями верующих; самобичевание флагеллантов; бесцельное шатание с места на место шаек пастухов.

*Бичующийся грешник.
Гравюра по дереву Альбрехта Дюрера, 1510 г.*

Условия жизни тогдашнего общества, терзаемого постоянными войнами и давимого тяжелой пятой феодализма, были так ужасны, что у простого человека являлась вера в близкое наступление царства Антихриста. Среди впечатлительной массы, доступной самым крайним порывам и суевериям, вспыхнула война между Церковью и ересью, т. е. между силой консервативной и силой прогрессивной; долго длилась эта война, и ни та, ни другая сторона не одержала в ней полной победы.

Ересь первоначально распространялась среди массы простого народа, а уже затем ее принимали люди благородного происхождения; так было в Лангедоке и Ломбардии. Удары, поставившие существование церковной иерархии в действительную опасность, были нанесены людьми темными, проповедовавшими между бедными и угнетенными, которые чувствовали, что Церковь не выполняла

своего назначения, видели, что служители ее суетны, понимали, что в ее учение вкралось немало заблуждений.

Ереси, привлекавшие к себе толпы последователей, делились на два разряда: секты, твердо сохранявшие все основные положения христианского учения, но отрицавшие священство; и манихеи, или дуалисты. Почти всегда все сведения о них мы черпаем из сочинений противников ереси; за исключением нескольких вальденских трактатов и служебника катаров, вся литература еретиков погибла. Один инквизитор, объясняя причины успеха ереси, отмечает нравственную грязь духовенства, его невежество и заблуждения, бессодержательность его проповедей, презрительное отношение к таинствам и ненависть, которую питали к нему почти все верующие. Излюбленными аргументами еретиков были гордость, алчность и распущенность духовенства и прелатов.

Все ереси, отрицавшие священство, были направлены против злоупотреблений, при помощи которых духовенство старалось удержать за собой господство над душами верующих. Исходным пунктом всех этих ересей было учение Доната, что таинства оскверняются от прикосновения к ним порочных рук, так что священник, живущий в смертном грехе, не может и не должен совершать никаких таинств. В XII в. Альберо, священник из Мерка близ Кельна, учивший, что принесение бескровной жертвы, совершенное порочным или преступным священником, не имеет силы, был вынужден отречься от своих слов, так как отцы Церкви держались противоположного взгляда; тогда он создал новую теорию, по которой таинства, совершаемые недостойным священнослужителем, приносят пользу тем, кто не знает о недостойном поведении священника. Эта теория была признана еретической. Тогда Альберо предложил доказать справедливость своего учения посредством испытания огнем, но его предложение было отвергнуто: колдовство могло бы здесь доставить торжество ложному учению. В 1230 г. папа Григорий IX постановил, что всякий священник, впавший в смертный грех, временно отрешается от исполнения своих обязанностей в отношении лично самого себя, пока не раскается и не получит отпущение греха; но отправляемые им службы имеют силу, так как он не отрешается от

исполнения обязанностей по отношению к другим, если грех его не сделался общеизвестным благодаря его признанию или судебному решению или если он очевиден. Похожего на это учение взгляда еще в 1396 г. держался Иоанн Варенский, священник из Ремуа, но его заставили отречься от своего учения. Альфонс де Спина отметил в 1458 г., что это учение разделяется вальденцами, уиклифитами и гуситами.

Противоцерковные ереси появлялись и ранее. Около 1108 г. на острове Зеланде появился проповедник Танхельм. Он отрицал всю иерархию, начиная от папы и кончая последним священником, учил, что евхаристия (причащение) осквернена прикосновением нечистых рук, и призывал к неплатежу десятины. Центром его деятельности стал Антверпен. Этот город был в то время уже многолюдным, богатым и торговым, но тем не менее в нем был только один священник не пренебрегавший своими пастырскими обязанностями. Население города последовало за Танхельмом. Без труда собрал он войско в три тысячи человек, при помощи которых захватил в свои руки власть в окрестностях. Герцог и епископ были бессильны пред ним. Танхельм с несколькими из своих единомышленников совершил путешествие в Рим, где ходатайствовал о разделении обширной Утрехтской епархии. На обратном пути из Рима он и его спутники были схвачены в Кельне и по приказанию епископа заключены в тюрьму; был созван суд, чтобы судить их. Одни из них оправдались испытанием водой, другие бежали. Трое из последних были пойманы и сожжены живыми в Бонне. Отлученному от Церкви Танхельму удалось добраться до Брюгге, но духовенство добилось его изгнания из города. Верным остался ему только Антверпен, где он продолжал учить до 1115 г., когда один священник разможил ему голову. Но смерть Танхельма не остановила распространения его учения. Католичество в Антверпене окончательно было восстановлено только в 1126 г. Немного позднее Эон де Этуаль выступил в Бретани с проповедью подобной же ереси. И однажды, пораженный словами писания: «грядущий судить живых и мертвых», он возомнил себя Сыном Божиим. Скоро вокруг Зона образовался кружок поклонников, с помощью которых он начал отбирать у церквей богатства и раздавать их бедным. Папский легат в 1145 г. выступил против этой ереси с проповедью в Нанте. Против еретиков послали войска. Многие сектанты, не отрекшиеся от своей

ереси, были сожжены в Алэ, а Эон скрылся в Аквитании. В 1148 г. он явился в Шампань; по распоряжению реймского архиепископа он и ученики его были схвачены и отправлены на Руанский собор. Здесь раскрылось безумие Эона, и его заключили в аббатство С.-Дени, где он скоро умер. Многие его ученики погибли на костре.

Ереси, появившиеся в начале XI в. на юге Франции, где общественные условия были особенно благоприятны для их распространения, оказались более опасными для Церкви. Нигде в Европе образование и роскошь не достигли такого высокого развития, как здесь. Даже в городах, которые пользовались там широкой свободой и были благодаря торговле очень богаты, жители отличались таким высоким образованием и таким просвещением, каких не было нигде в другом месте. Нигде в то же время в Европе духовенство не относилось так небрежно к своим обязанностям и не пользовалось таким презрением народа. Религиозные убеждения прелатов и дворян были довольно шатки, так что повсюду царила сравнительная свобода в вопросах веры. Ни в одной другой христианской стране евреи не пользовались такими привилегиями, как здесь: они даже могли наравне с христианами владеть землей на льготных условиях; их принимали на государственную службу, и благодаря их административным способностям их охотно брали к себе на службу и прелаты, и дворяне; их синагоги процветали, а нарбоннская еврейская школа была известна во всех еврейских общинах. При подобных условиях даже те кто сохранял религиозные убеждения, легко могли выступить обличителями пороков духовенства.

Впервые антисацердотальную (антицерковную) ересь среди столь подготовленного к ее восприятию населения здесь в 1106 г. начал проповедовать Петр Брюйсенский. Прелаты Эмбрена, Гапа и Ди с трудом смогли помешать ему с помощью короля; Петр бежал в Гасконь, где открыто с успехом проповедовал двадцать лет. Преследование возобновилось, и Петр, схваченный в 1126г., был сожжен в С.-Жиле. Его учение было полным отрицанием таинств: крещение детей бесполезно, так как вера другого не может принести пользы лицу, не могущему извлекать выгоду из своей веры; излишни и вклады в церкви, раздача милостыни, обедни, молитвы, совершаемые в

память умерших, так как каждый будет судим по своим заслугам; церкви бесполезны, и их следует разрушить, так как христианин не нуждается для молитвы в освященных местах, Бог внимает достойным всюду; Церковь Христова есть единение и согласие верующих; глупо обращаться с молитвами к неодушевленному предмету- кресту, и лучше совсем уничтожить эту эмблему, напоминающую о жестоких страданиях Иисуса Христа. Петр решительно осуждал таинство евхаристии: «Народы! не верьте епископам, священникам и монахам: по их лживым словам они фабрикуют тело Христово и дают его вам на спасение ваших душ. Они лгут, ибо тело Христово было сделано только один раз Самим Христом на Тайной Вечере, предшествовавшей Его страстям; и оно было дано Им один раз и только Своим ученикам». Петра сожгли как еретика. Его последователи продолжали распространять учение и через пять или шесть лет после смерти Петра аббат Ключийский считал эту ересь настолько грозной, что посвятил ей особый трактат, обращенный епископам Эмбрена, Арля, Гапа и Ди и призывавший их искоренить ее, прибегая к помощи светских владык.

На смену Петра Брюйсенского явился новый ересиарх, Генрих, монах из Лозанны; он покинул свой монастырь и появился в Мансе около 1116 г. Здесь строгостью жизни он вызвал почитание народа. Проповедуя аскетизм и любовь к ближнему, Генрих безжалостно бичевал пороки Церкви. Мансский епископ на публичном диспуте опроверг ересь и принудил Генриха удалиться из его епархии, но не наказал его. После этого Генрих проповедовал в Пуатье и Бордо; схватил его арльский епископ и в 1134 г. отвел на Пизанский собор. Здесь Генриха уличили в ереси и приговорили к тюрьме. Спустя некоторое время его сослали в Лозаннский монастырь, затем разрешили вступить в более строгий цистерцианский орден в Клерво. Затем он оказался на юге Франции, где стал горячим последователем учения Петра Брюйсенского. Успех его проповеди здесь был невероятным. Св. Бернар в 1147 г. отмечает ситуацию в Тулузском графстве: «Голос одного еретика заглушает соединенные голоса апостолов и пророков, созвавших все народы в лоно Церкви Христовой». Был послан папский легат, которого сопровождал св. Бернар и другие церковные деятели. Св. Бернар вызвал Генриха на диспут, но еретик уклонился отчасти потому, что не был уверен в

своей безопасности. Уклонение Генриха от вызова дискредитировало его в глазах очень многих дворян, дотоле ему покровительствовавших, и он был вынужден скрыться. В следующем году еретика схватили и скованного привели к епископу. Как, где и когда он умер, неизвестно.

С этого времени нет упоминаний о секте последователей Генриха. Но, однако, в 1151 г. одна молодая девушка обратила в эту ересь много народу, и ересь тайно существовала в Лангедоке до появления вальденцев, с которыми и слились генрихианцы. В разных странах существовали небольшие группы сектантов, примыкавших к учению Генриха. Кельнские генрихианцы утверждали, что их учение распространено по всему христианскому миру. Генрихианцы потрясли Перигор под предводительством некоего Понса, который своей строгой жизнью и внешней святостью привлек к себе много сторонников даже среди дворян, священников, монахов и монахинь. Кроме отрицания таинств, эти еретики, предваряя св. Франциска, проповедовали нищету как необходимое условие спасения и отказывались брать деньги. Ничего не известно о судьбе Понса и его учеников.

Папа Иннокентий II

Ученик Абеяра Арнольд Брешианский был обвинен в том, что разделял заблуждения своего учителя и неправильно смотрел на крещение детей и на таинство св. евхаристии. Но главная его вина в глазах Церкви состояла в том, что он энергично бичевал пороки духовенства и возбуждал мирян отбирать у церкви присвоенные ею привилегии и богатства. Глубоко убежденный, что главной причиной наблюдаемого в христианстве зла был светский характер духовенства, он учит, что Церковь не должна иметь ни мирских имуществ, ни права суда; что она должна строго ограничиваться отправлением своих духовных обязанностей. Второй Латеранский собор 1139 г. попытался подавить возбужденное Арнольдом брожение в городах Ломбардии; собор осудил его и запретил ему проповедь; но Арнольд отказался подчиниться. В 1140 г. папа Иннокентий II приказал заключить Абеяра и Арнольда в тюрьму, а сочинения их сжечь. Арнольд бежал во Францию, откуда перебрался в Швейцарию, где весьма успешно проповедовал, св. Бернар и здесь неустанно преследовал его. После смерти Иннокентия Арнольд явился в Рим и, по-видимому, в 1146 или 1146 г. примирился с папой Евгением III. Но в 1148 г. Евгений в Брешии осудил Арнольда и угрожал отнятием бенефиция тем из римского духовенства, которые продолжали стоять на стороне последнего. Но римляне потребовали, чтобы папа разрешил Арнольду жить в Риме. В 1152 г. Евгений III убедил императора Фридриха Барбароссу, что Арнольд- его враг.

Когда на папский престол вступил Адриан IV, он в 1154 г. отлучил от Церкви Рим до тех пор, пока не будет изгнан Арнольд; народ почти сразу покинул Арнольда, который удалился в замок одного из своих друзей. В 1155 г. Фридрих Барбаросса вступил в Рим. Покровителям Арнольда было предложено выдать его, и они исполнили это требование. Духовный суд обвинил Арнольда в ереси. Затем его передали, как осужденного еретика, светской власти. Ему было обещано прощение, если он отречется от своих заблуждений, но он категорически отказался от этого. Ему оказали особую милость: повесили, а потом уже сожгли его труп и пепел бросили в Тибр. Деятельность Арнольда имела большое значение как проявление чувства недовольства, которые пробуждали у передовых людей завоевательная тенденция и испорченность Церкви. Его последователи

в течение столетий тайно сохраняли его учение и чтили его память. Тайные общества арнольдистов образовались под именем «Бедных» и приняли учение, что таинства могут совершаться только руками непорочными и не оскверненными преступлением. В 1184 г. арнольдисты были осуждены на Веронском соборе; до XVI в. имя их встречается в списках ересей, запрещенных рядом эдиктов и булл. Впоследствии итальянские арнольдисты слились с вальденцами.

Более серьезным и продолжительным по своим результатам было антицерковное движение, основателем которого в середине XII в. явился Петр Вальдо, богатый лионский купец без особого образования, но страстно желавший познать истины Священного Писания. Для этого он приказал перевести Новый Завет, извлечения из Библии и выдержки из «Творений отцов Церкви», известные под именем «Изречения». Он принялся за их изучение и пришел к убеждению, что не сохранилось апостольской чистоты, переданной в учении Иисуса Христа. Увлеченный евангельским идеалом, он распродал все свое движимое имущество, а деньги раздал бедным. Отныне он посвятил свою жизнь проповедованию Евангелия; к нему стекалось множество последователей, которые проповедовали в церквях, толковали писание на площадях и всюду находили слушателей, тем более внимательных, что духовенство давно уже забросило проповеди. Себя они называли «Лионские Бедные». Бернар Ги относит первые шаги П. Вальдо к 1170 г. Место и год смерти Вальдо не известны.

Начав поучать народ слову Божию и толковать правила религии, призывая людей к покаянию и убеждая их стремиться к вечному спасению, последователи Вальдо не щадили пороков и преступлений духовенства. Лионский архиепископ запретил новым евангелистам проповедовать. Они ослушались и были отлучены от Церкви. Тогда Петр Вальдо обратился к папе с жалобой на архиепископа; папа одобрил его обет нищеты и разрешил проповедовать, если местное духовенство не будет иметь ничего против этого. Бедные продолжали нападать на духовенство с возрастающей энергией. Тем не менее с Церковью они не разрывали и в 1179г. были даже на Латеранском соборе, где предъявили свои толкования Священного Писания и

ходатайствовали о разрешении им проповедовать. Позднее они просили у Рима разрешения основать орден проповедников, но Луций III отказал, а вскоре предал их анафеме на Веронском соборе 1184 г. Они не согласились отказаться от своей миссии и даже не считали себя отделившимися от Церкви. Несмотря на новое отлучение на Нарбоннском соборе, они в 1190 г. согласились на публичный диспут в Нарбонне; решение третейского суда было не в их пользу. Вальденцы полагали, что следует повиноваться священникам, которые ведут апостольскую жизнь, и что только они имеют право разрешать грехи. Богослужение и требы, совершаемые недостойными священниками, не имеют никакого значения. Учение, что исповедь перед мирянином была так же действительна, как и исповедь перед священником, сильно подрывало значение таинства покаяния. Вальденцы отрицали систему индульгенций как выдумку духовенства. Они признавали три существенных требования нравственности, которые являются отличительным признаком их секты: всякая ложь есть смертный грех; всякая клятва, даже и перед судом, запрещена; пролитие крови человеческой всегда недопустимо, даже на войне и по приговору суда. Последнее положение заключало в себе учение о непротивлении злу. Сектанты были вдохновленными миссионерами; они переходили из страны в страну, проповедуя свое учение и находя повсюду радушный прием, особенно среди низших классов, готовых принять учение, сулившее им освобождение от порочного духовенства. Число Лионских Бедных быстро росло по всей Европе; Церковь начала серьезно беспокоиться.

В 1194 г. Альфонс II Арагонский начал преследование еретиков. Вальденцы и все другие осужденные Церковью еретики были признаны государственными врагами, и им было предписано покинуть владения короля не позднее следующего дня после дня Всех святых. Всякий, кто даст им приют, кто накормит их и будет слушать их проповедь, будет судим по обвинению в государственной измене, а имущество его будет конфисковано. Всем священникам было приказано читать королевский указ в церквях по воскресным дням, а всем чиновникам следить за его исполнением. Первый встречный мог безнаказанно ограбить еретика, не выехавшего через три дня после назначенного срока; всякое насилие и беззаконие в отношении него, кроме увечья и убийства, будет рассматриваться не как преступление, а

как поступок, сделанный в интересах короля. Сын Альфонса, Петр II, на национальном соборе в Жероне в 1197 г. подтвердил указ своего отца, дополнив его костром для упорствующих еретиков. Если же какой-либо знатный сеньор отказывался изгнать из пределов своего владения этих врагов Церкви, то было приказано чиновникам и всему населению епархии, без всякой ответственности за причиненные убытки, схватить его в его феодальной замке. Всякий, кто откажется принять участие в этом походе, будет подвергнут штрафу в двадцать золотых монет. Все чиновники обязаны были через неделю явиться к епископу или его наместнику и принести присягу в том, что будут строго исполнять новый закон. На вальденцев смотрели как на очень опасных врагов, которых следует преследовать без всякой жалости. Но многие вальденцы, несмотря на преследование, продолжали считать себя членами римской церкви, хотя в то же время неустанно указывали на ее недостатки, что приводило их сначала к расколу, а затем к ереси.

По мере дальнейшего развития эта секта пришла к отрицанию всех посредников, которых Церковь ставила между Богом и человеком, хотя, впрочем, развитие этого учения не было одинаково у всех вальденцев. Так, например, сожженные в 1212 г. в Страсбурге вальденцы отрицали всякое различие между духовным лицом и мирянином; а ломбардские общины в то же время избирали себе посредников, частью пожизненных, частью временных. Французские и ломбардские вальденцы признавали в эту эпоху, что таинство евхаристии может быть совершено только священником, получившим посвящение. Бернар Ги упоминает три иерархические степени у вальденцев – дьякон, священник и епископ; в одной рукописи 1404 г. сохранился даже вальденский чин посвящения, а когда в 1467 г. образовалась Община Чешских Братьев, то они обратились к вальденскому епископу Стефану с просьбой посвятить им первых епископов. Однако различие между лицом духовным и светским в значительной степени сгладилось. В 1400 г. один из вождей вальденцев заявляет, что власть отпускать грехи имеет один только Бог; все индульгенции и так называемые дела благочестия не имеют силы. Вальденцы признавали, что вера без дел мертва, но добрые дела суть благочестие, раскаяние, любовь к ближнему и справедливость, а не

хождение по святым местам, механическое совершение обрядов, сооружение церквей и почитание святых.

Вальденская церковная организация была очень проста. Мирянин мог исповедовать, крестить и проповедовать; в некоторых общинах в Великий четверг каждый глава семьи причащал своих домашних, освящая для этого хлеб и вино и сам раздавая их. Было, впрочем, и у них правильно организованное духовенство, члены которого, «Совершенные», поучали и исповедовали верующих и обращали неверующих. Они отрекались от всякой собственности и расставались со своими женами; некоторые из них с юных лет сохраняли самое строгое целомудрие; жили они на добровольные подаяния народа. Мирянам разрешалось, уступая обстоятельствам, давать присягу. «Совершенные» должны были скорее умереть, чем клясться. Инквизиторы, жалуясь на то, что еретики очень ловко и хитро отражали их вопросы, признавали, что при этом они всегда думали больше о спасении своих родственников и друзей, чем о самих себе.

Религиозное учение вальденцев было прежде всего нравственное. Один вальденец на суде инквизиции в Тулузе сказал, что наставники учили его «никогда не делать и не говорить ничего дурного; не делать другому, чего не хочешь себе; не лгать и не клясться». Все преследователи признавали, что образ жизни вальденцев достоин похвалы; один инквизитор сообщает: «Эти еретики отличаются нравами и языком, ибо они скромны, воздержанны в речах. Они не проявляют суетности в одежде, которая всегда проста. Они никогда не пускаются в торговлю, боясь, что им придется обманывать и нарушать свое слово; они предпочитают жить личным трудом, как простые рабочие. Учителя их сапожники. Они не копят богатств, довольствуясь необходимым. Они умеренны и в пище и в питье. Они не посещают ни кабаков, ни балов, ни других каких-либо мест развлечения. Они умеют сдерживать свой гнев, всегда найдете вы их за работой; а так как они то учат, то учатся, то у них остается мало времени на молитву. Их можно еще узнать по ясности и скромности их выражений; они избегают в разговоре шуток, пересудов, неприличных выражений, лжи и божбы. Они даже не говорят "истинно" или "несомненно", считая это равносильным клятве». Другой инквизитор заявляет, что он не верит

возводимым на вальденцев обвинениям в распущенности, так как ему ни разу не удалось получить об этом ни одного свидетельства, достойного веры. Ничего подобного не было и в судебных процессах XII-XIII вв. против еретиков, пока инквизиторы Пьемонта и Прованса в XIV и XV вв. не начали вымучивать пытками у своих жертв признания в чудовищных пороках. Даже в конце XIV в. в делах инквизитора, целестинского монаха Петра, действовавшего от Штирии до Померании, нет ни одного указания на безнравственное поведение вальденцев, которые признавали обеты целомудрия и считали обольщение монахини равным кровосмешению. Тем не менее в народе распускали слухи об их половой распущенности. Их обвиняли еще в том, что они лицемерно скрывали свои верования, исправно посещая обедни и бывая на исповеди; но это вполне извинительно для людей, на которых устраивались облавы.

Но главным преступлением вальденцев были их благоговейная любовь к Священному Писанию. Пассауский инквизитор сообщает, что у них был полный перевод Библии на простонародный язык. Этот инквизитор лично видел одного крестьянина, который знал наизусть всю книгу Иова; многие из вальденцев знали наизусть Евангелие и, несмотря на всю простоту, были опасными противниками на диспутах. Мужчины и женщины, молодые и старые, все без устали учили и учились. Вальденцы шли на смерть исключительно за свою любовь к Иисусу Христу и за ревностное исполнение заповедей Бога. При всеобщей нравственной распущенности Средних веков на аскетизм смотрели, как на проявление ереси. В 1220 г. одно духовное лицо из Шпейера было присуждено к сожжению как еретик за то только, что его проповедь побудила нескольких женщин начать вести скромную жизнь.

Различные антисацердотальные секты довольно сильно отличались одна от другой; но большинство из них имели очень мало значения и мало известны. «Обрезанные» были жидовствующие христиане, которые стремились освободиться от римского владычества под сенью Ветхого Завета и отрицали божественность Иисуса Христа, иосифины проповедовали крайний аскетизм и полное половое воздержание. Последователи Ортлиба Страсбургского, с успехом проповедовавшего в 1216 г., были очень близки к вальденцам. Были и

другие секты, от которых сохранились только одни названия и об учении которых сведений не сохранилось.

Глава 3. КАТАРЫ

Отличительной чертой религиозного настроения XI-XII вв. было то, что самая горячая ненависть к Риму основывалась на веровании, которое едва ли можно назвать христианским; это учение распространялось так быстро и сохранялось так упорно, несмотря на все принимаемые против него меры, что одно время оно угрожало даже самому существованию католицизма. В эпоху, когда людские страдания были почти общим уделом, люди были склонны объяснять учением дуализма (вечной борьбы добра и зла) происхождение зла. Широко распространенное и глубоко укоренившееся убеждение, что христианство удалилось от своего прообраза и должно погибнуть, уступив место новой религии, может в значительной степени объяснить то бескорыстное рвение, которое вызвал неодоуализм среди людей бедных и неграмотных.

Еще в первые века существования христианства возникла дуалистическая ересь – манихейство (по имени основателя секты Манеса). Манихеи и преемники их ереси с VII в.- павликиане отождествили добро с духом, а зло с материей. В учении павликиан мы находим два равносильных начала: Бог и Сатана, из которых первый был творцом мира невидимого, духовного и вечного, а второй – мира видимого, вещественного и тленного. Иегова Ветхого Завета – это Сатана, а пророки и патриархи – его темные слуги, и поэтому надо отвергнуть все книги Ветхого Завета. Новый Завет является истинным Священным Писанием, но Христос не был человеком; это был призрак, фантом. Сын Бога, Он только по-видимому родился от Девы Марии, но в действительности сошел с неба, чтобы разрушить культ Сатаны. Переселение души обеспечивает награду добрым и наказание злым. Таинства признавались не имеющими никакого значения, а священники и отцы Церкви – простыми наставниками. Таковы основные положения учения павликиан, которым тождественны основные положения учения катаров – дуалистов XI-XIII вв.

Стела с катарским крестом

Катаризм отрицал весь церковный строй как нечто бесполезное; в глазах его римская Церковь была синагогой Сатаны, спасение в которой было немыслимо. Исходя из этого, он отрицал таинства, обедни, предстательство Девы Марии и святых, чистилище, мощи, иконы, кресты, святую воду, индульгенции и вообще все то, что, по словам священников, обеспечивало верным вечное спасение; катары осуждали десятинный налог и приношения, которые делали для духовенства прибыльным делом присвоенную ими себе заботу о спасении душ. Считая себя церковью Христовой, катары полагали, что они имеют право вязать и разрешать данное Иисусом Христом его ученикам; «утешение», или духовное крещение, смывало все грехи, но молитва не имела никакой силы, если грешник продолжал грешить.

Священное Писание катары переводили на народный язык, но в молитвах они сохранили язык латинский. Для отправления их крайне простого богослужения у них было особое посвященное духовенство, но быстрый рост общин и их ревность в обращении других в свою секту привели в скором времени к необходимости создания

правильной организации и иерархии. Катары называли себя просто «христианами»; над ними стояли избираемые из Совершенных епископ, Старший сын, Младший сын и диакон; обязанности всех их были почти одинаковы; главной обязанностью братии было посещать членов церкви и наставлять их в вере. Таинства были недействительными, если совершались руками, оскверненными грехом. Католическая евхаристия была заменена у них благословением хлеба, происходившим ежедневно за столом. Ежемесячно происходила церемония исповеди, на которой присутствовали все верующие общины. Утешение, которое соединяло душу верующего со Святым Духом и очищало от всякого греха, состояло в наложении рук кем-либо из Совершенных, даже и женщиной. Этот способ принятия в Церковь назывался инквизиторами еретикацией; обыкновенно, за исключением тех, кто желал вступить в число служителей церкви, к этому обряду прибегали лишь перед смертью; часто верующий присоединялся посредством обряда «соединения», обязуясь принять «утешение» перед смертью; торжественная церемония вступления в церковь катаров, при которой неофит давал обет вести чистую и безупречную жизнь, считалась символом отречения от Духа Зла и возвращения души к Богу. Если вступающий находился в браке, то требовалось обязательное согласие обоих супругов.

Наставления, даваемые при еретикации, свидетельствуют о том, что у катаров существовало стремление к аскетизму; и это было неизбежным последствием дуализма, лежавшего в основе их учения. Так как все вещественное было создано Сатаной и являлось поэтому злом, то дух вел против него постоянную борьбу, и катары в своих молитвах просили Бога не щадить их тела, рожденного во грехе, но быть милостивым к их душе, заключенной в телесной оболочке, как в тюрьме. Отсюда вытекало требование избегать всего, что вело за собой воспроизведение животной жизни. Чтобы подавлять плотские желания, катары три дня в неделю ели только хлеб и воду; в году у них было три поста по сорок дней каждый. Браки также были запрещены. Более снисходительные дуалисты, безусловно запрещая брак для Совершенных, разрешали его простым верующим, но среди более строгих телесный брак заменялся духовным единением души с Богом, через обряд «утешения». Катары были убеждены, что половое

сношение является первородным грехом Адама и Евы, посредством которого Сатана продолжает сохранять свою власть над людьми. Осуждение брака, запрещение мяса и возбранение клятвы были главными внешними признаками, на которых основывались при привлечении к суду инквизиции. В 1229 г. два видных тосканских катара публично в присутствии папы Григория IX отреклись от своих заблуждений и торжественно вкусили мяса перед собранием епископов, что и отмечено в официальном протоколе.

Вскоре после основания инквизиции один из обвиняемых, защищаясь пред ее судом в Тулузе, сказал: «Я не еретик, так как имею жену, сплю с ней, имею детей, ем мясо, лгу, клянусь – я верующий христианин». Катары, повешенные в Госларе в 1052 г., даже и у виселицы отказались зарезать цыпленка; в XIII в. это испытание считалось верным средством узнать еретика. Вообще же инквизиторы не тратили времени на подыскивание свидетельств в подтверждение заведомо ложных преступлений «Если вы спросите еретиков – пишет св. Бернар, – то окажется, что они самые лучшие христиане; в речах их вы не найдете ничего предосудительного, а дела их не расходятся со словами. Согласно своему нравственному учению, они никого не обманывают, никого не притесняют, никого не ударяют; щеки их бледные от постоянных постов, они не сидят сложа руки и трудами снискивают себе хлеб». Действительно, катары в большинстве были хорошие крестьяне и трудолюбивые работники, Богословы считали их невеждами и мужиками; во Франции они были известны под именем «Ткачей», так как ересь особенно сильно распространялась среди них: монотонное занятие давало много свободного времени для размышлений. Но хотя масса катаров и была необразованна, их наставники являлись сведущими богословами, и у них была богатая народная литература, бесследно погибшая, за исключением перевода Нового Завета и краткого служебника. По всей вероятности, катары уже в 1178 г. имели переводы Нового Завета на народные языки; под этим годом записан диспут в Тулузе кардинала-легата с двумя катарскими епископами, совершенно не знавшими латинского языка, но очень начитанными в Священном Писании. Формула исповеди, которую они приносили в своих собраниях, показывает, насколько строго умели они предупреждать и подавлять суетность мысли и слова.

Миссионеры катаров по всей Европе призывали к покаянию и обращению: их можно было встретить даже у подножий костров, на которых сжигались их братья. Наружно они выдавали себя за католиков и образцово соблюдали все церковные обряды, пока, заручившись доверием соседей, не начинали тайно трудиться над их обращением. Они раздавали свои листки, в которых сулили прощение грехов тем, кто будет читать их и распространять. Много католических священников перешли в ересь благодаря чтению этих листков.

Ревность к вере катаров проявлялась в строгом соблюдении неофитами наставлений, преподанных им при вступлении в ряды Совершенных. В этом катары были вполне сходны с вальденцами. Инквизиции с трудом удавалось добиться признания у простого верующего, деревенская изворотливость которого часто торжествовала над искусством инквизиторов; но зато легко было обнаружить Совершенного, который никогда не говорил неправды и отказывался принести присягу. Один из инквизиторов не советует спрашивать у подозреваемого прямо: «Не катар ли ты?»,

так как ответом будет простое «да». Но если предложить Совершенному во имя его Бога сказать все о себе без утайки, он расскажет всю свою жизнь. Эта откровенность вела на костер, и никакое другое вероучение не может дать нам такого длинного списка людей, которые предпочитали ужасную смерть на костре вероотступничеству. Во время первого преследования, о котором сохранились известия, в Орлеане в 1017 г. тринадцать катаров из пятнадцати остались непоколебимы пред пылающими кострами; они отказались отречься от своих заблуждений, несмотря на то, что им было обещано прощение, и их твердость вызвала удивление собравшихся. Когда в 1040 г. были открыты еретики в Монфорте, их глава Джеральдо не замедлил явиться по вызову миланского архиепископа и добровольно изложил свое учение, воспользовавшись случаем запечатлеть свою веру ценой жизни. Катары, сожженные в Кельне в 1163 г., с радостным мужеством встретили ужасную смерть. А еретики, открытые в это же время в Оксфорде, решительно отказались покаяться, повторяя слова Спасителя: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царствие Небесное». Во время

крестового похода против альбигойцев, когда был взят замок Минервы, крестоносцы предложили своим пленным на выбор – отречение или костер; нашлось до ста восьмидесяти человек, которые предпочли смерть. Один хорошо осведомленный инквизитор XIV в. говорит, что катары, если они не отдавались добровольно в руки инквизиции, всегда были готовы умереть за свою веру в противоположность вальденцам, которые ради сохранения жизни не останавливались перед притворным отречением от ереси.

Вполне естественно, что катаров-манихеев обвиняли в поклонении дьяволу. Люди думали, что манихеи, признававшие Сатану творцом всего вещественного, призывали его, испрашивая себе земных благ. Но нет ни одного свидетельства, чтобы катары когда-либо колебались в своей вере в Иисуса Христа или стремились к какому-либо иному благу кроме единения с Богом. Таково было верование, быстрое распространение которого по югу Европы испугало Церковь.

Почва для восприятия катаризма была, по всей вероятности, подготовлена старым манихейством, в частности павликианством. Около 970 г. Иоанн Цимисхий переселил павликиан во Фракию. В эпоху Иннокентия III число павликиан в славянских землях Балканского полуострова было огромно. Даже тогда, когда катары стали очень многочисленными в Западной Европе, они обращались к балканским павликианским и богомильским епископам за разрешением возникавших между ними богословских недоразумений и споров.

Вскоре после водворения манихеев в Болгарии влияние их миссионеров сказалось и на Западе. Правда, от этой эпохи дошло мало документальных известий, например, Герберт д'Аурильяк, избранный в 991 г. реймским архиепископом, в своём исповедании веры заявлял, что Сатана творит зло по своей доброй воле, что Ветхий и Новый Завет имеют равное значение, что брак и употребление мяса в пищу разрешены, так что можно заключить, что были и противники этого, так как павликианское учение проникло уже на север до Шампани, и, по-видимому, катаризм свил здесь себе гнездо очень рано. Замок Мон-Вимер, в окрестностях Вертю, долгое время оставался центром ереси.

Немного позднее катары появляются в Аквитании, где они многих совертали в ересь, которая оттуда тайно распространилась по всему югу Франции. В 1017 г. ее обнаружили в Орлеане. В 1206 г. новый очаг ереси был открыт в Люттихе, но эти еретики получили прощение, после того как отреклись от своих заблуждений.

Около 1040 г. были открыты еретики и в Ломбардии в замке Монфорте, близ Асти (еретичкой была и сама графиня Монфорте). В 1046 г. еретики явились в Шалоне; епископ Рожер обратился к люттихскому епископу Вазо с вопросом, что ему делать с ними и не следует ли ему обратиться к светской власти, чтобы погасить ересь в зародыше. Вазо ответил что их надо оставить на волю Бога. «Те, — писал он, — кого мы считаем врагами Бога, могут быть помещены Им на небе выше нас». Вазо уже слышал, что еретики выделялись бледным цветом лица и что духовные судьи, воображая, что всякий бледный человек должен быть еретиком, отправили на тот свет огромное число добрых, но бледных католиков, и это заставило его быть осмотрительным в своем ответе. Однако до самого конца XII в. бледность считалась признаком катаризма: катары могли быть бледными вследствие их известного аскетизма. Уже в 1052 г. ересь появляется в Германии, где благочестивый император Генрих Черный перевешал много еретиков в Госларе. В последние годы XI в. о еретиках слышно мало, хотя вопрос о них поднимался в 1056 г. в Тулузе и в 1062 г. в Безье; в 1200 г. ересь охватила уже всю Ажанскую епархию.

В XII в. это зло стало распространяться по северу Франции. Покровителем еретиков считался граф Иоанн Суассонский; но, несмотря на это, суассонский епископ Лизиард захватил нескольких из них и первый применил к ним, в целях обнаружения их виновности, суд Божий, что стало впоследствии правилом. В 1114 г. в Суассоне чернь ворвалась в тюрьму и сожгла всех заключенных там еретиков в отсутствие епископа; составитель хроники с похвалой отзываясь об этом проявлении благочестивой ревности.

В это же время новый очаг катаризма был открыт во Фландрии. Ересиарх, призванный епископом Камбрэ, открыто исповедовал свои убеждениями его заперли в хижину, которую подожгли со всех сторон,

где он и умер, славословя Бога. У него было много сторонников, особенно среди ткачей. По мере удаления от XI в. случаи обнаружения ереси становятся более частыми. В 1144 г. ее отмечают в Люттихеве, в 1153 г. – в Артуа, в 1157 г. – в Реймсе, в 1163 г. – в Везеле. В 1170 г. катаризм проявляется в Безансоне, а в 1180 г. его снова обнаруживают в Реймсе. В 1208 г. катаризм появился даже в Бретани – в Нанте и С.-Мало.

Во Фландрии ересь пустила глубокие корни между мастеровыми, которые в это время сделали города центрами богатства и прогресса. В 1162 г. реймский архиепископ Генрих во время своего пребывания во Фландрии, составлявшей часть его провинции, нашел там широко распространившееся манихейство. В эту эпоху в каноническом праве не было ясных и точных законов относительно ереси, и архиепископ, хотя и заключил еретиков в тюрьму, позволил им обратиться к папе Александру III; папа проявил милосердие. Но, несмотря на милостивое отношение папы, преследование началось с такой силой, что многие еретики были вынуждены покинуть страну. Ересь была распространена среди всех сословий; были среди еретиков дворяне, крестьяне, духовные лица, солдаты, ремесленники, молодые девушки, замужние женщины и вдовы; много из них было сожжено, но зараза не была уничтожена.

Население германских стран стояло в стороне от религиозного движения, хотя близкое соседство рейнских провинций и Франции вызывало отдельные случаи проявления ереси. От 1100 г. дошло известие о нескольких еретиках в Трире, которые остались безнаказанными, хотя двое из них были священниками; в 1200 г. в том же городе было снова обнаружено восемь еретиков, которых сожгли. В 1145 г. в Кельне была открыта целая община еретиков; некоторые из них были преданы суду, но, пока тянулось дело, чернь захватила пленников и сожгла их. Один из сожженных являлся катарским епископом. В 1163 г. в Кельне были обнаружены восемь мужчин и три женщины, пришедшие сюда из Фландрии, где в это время свирепствовало гонение. Так как они держались в стороне от других и не ходили в церковь, то соседи их, католики, решили, что это еретики, схватили их и привели к епископу; они исповедовали свою веру и

пошли на костер. В это же время другие еретики были сожжены в Бонне. В XII в. в Германии катаров было немного.

Не более процветала ересь и в Англии. Вскоре после начала преследования во Фландрии в 1166 г. были обнаружены в Англии тридцать человек, мужчин и женщин, которые проповедовали свое учение. Король Генрих II, желавший подчеркнуть свою верность Церкви, собрал под своим председательством собор епископов в Оксфорде, чтобы выяснить вопрос о религиозных воззрениях этих лиц. Последние признались во всем и были присуждены к наказанию кнутом, заклеены знаком ключа на лице и изгнаны из страны. Вскоре после этого на Кларендонском заседании Генрих запретил принимать еретиков под страхом разрушения дома, где им давали кров; он потребовал от шерифов присяги, что они будут строго соблюдать этот закон и примут подобную же присягу у всех управляющих имениями баронов, у всех рыцарей и у всех владельцев свободных земель. Англия оказалась страной негостеприимной для ереси. Только в конце столетия было обнаружено несколько еретиков в Йоркской провинции, а в начале XIII в. было открыто несколько еретиков в Лондоне, из которых один был сожжен.

Италия, через которую болгарская богомильская ересь проникла на запад, была сильно заражена ею; центром ереси считался Милан; отсюда выходили миссионеры, сюда приходили учиться пилигримы из западных стран; здесь же впервые появилось название патарены, под которым вскоре катары стали известны у всех народов Европы.

Сами себя еретики называли «катары» (по-гречески «чистые»). Имя «патарены», по-видимому, появилось впервые в Милане в середине XI в., во время гражданских войн, возникших вследствие желания пап ввести целибат среди женатого духовенства Милана. В романских наречиях «pates» значит «старое белье»; тряпичники назывались в Ломбардии «патары»; квартал в Милане, населенный ими, назывался «Патария». Во время смут XI в. паписты поддерживали тайные сношения с населением квартала Патария, и поэтому их противники прозвали их патаренами, имя, которое они в конце концов присвоили сами себе. Так как осуждение папами браков

«белого» духовенства считалось своего рода манихейством и так как приверженцы пап поддерживались тайными еретиками, учениками Герардо ди Монфорте, то это название было перенесено на ломбардских катаров, откуда оно распространилось по всей Европе.

Название «Альбигойцы», происходящее от имени города Альби, где еретики были очень многочисленны, впервые было употреблено в 1181 г. и вошло во всеобщее употребление во время крестовых походов Раймунда Тулузского. На официальном языке инквизиции XIII в. слово еретик всегда значит катар, вальденцы же называются своим именем. Обвиняемый допрашивался «по обвинению в ереси с особым пристрастием». Папы, поглощенные войной с Империей и вынужденные часто покидать Италию, обращали мало внимания на еретиков в первую половину XII в., когда их учение привлекало сторонников. В Орвието в 1125 г. им удалось даже захватить на некоторое время власть в свои руки, но после кровопролитной борьбы католики низложили их. В 1150 г. движение было поднято снова Диотесальви из Флоренции и Герардом из Массано; епископу удалось добиться их изгнания, но их место заняли две женщины; их благочестие и любовь к ближним снискали им уважение духовенства и народа, пока в 1163 г. не открылось, что они стояли во главе многочисленной группы еретиков. Многие из последних были сожжены или повешены, другие же изгнаны. Но скоро во главе движения стал Петр Ломбардский и образовал около себя многолюдную общину, в которой было много дворян.

В 1184 г. папа Луций III, поддерживаемый Фридрихом Барбароссой, издал на Веронском соборе строгий эдикт против еретиков. Политическое дробление Италии делало почти невозможным применение общих мер преследования. Подавленная в одном городе, ересь начинала процветать в другом. Вся Северная Италия, от Альп до Папской области, была усеяна гнездами еретиков, которые встречались даже и на юге до самой Калабрии.

В 1198 г. на папский престол вступил Иннокентий III; он начал деятельно бороться против ереси. Иннокентий в марте 1199 г. обратился к жителям Витербо с посланием, в котором подтверждались и усиливались наказания тех, кто будет принимать еретиков или

покровительствовать им. Но, несмотря на это, еретики в 1205 г. произвели городские выборы и избрали представителем города одного отлученного от Церкви. Только в июне 1207 г., когда Иннокентий сам прибыл в Витербо, все патарены удалились из города; папа разрушил все дома еретиков и конфисковал их имущество. Более или менее суровые меры, принятые в Милане, Ферраре, Вероне, Римини, Флоренции, Прато, Пьяченце, Фаэнце и Тревизо, показывают, как широко распространилась ересь в Италии.

Особенно сильной была борьба с катаризмом на юге Франции. В начале XII в. в Альби народ не дал епископу и аббату посадить в тюрьму упорствующих еретиков. В 1119г. под председательством Каликста II в Тулузе проходил собор, вынесший осуждение манихейству; однако собор был вынужден ограничиться одним только отлучением от Церкви. Иннокентий II, собрав в 1131 г. большой собор в Реймсе, не принял на нем никаких мер против еретиков; но уже на втором Латеранском соборе 1139 г. издал эдикт, по которому катары не только отлучались от Церкви, но светской власти предписывалось принимать меры как против них, так и против лиц, им покровительствовавших. В 1148 г. Реймский собор запретил кому бы то ни было пускать на свои земли еретиков, поселившихся в Гаскони, в Провансе или еще где-либо; не разрешалось давать еретикам временного пристанища; нарушение этого постановления влекло за собой отлучение от Церкви и интердикт. Папа Александр III в 1163 г. созвал большой собор в Туре. Собор обратил внимание на ересь, которая, зародившись в Тулузе, распространилась по всей Гаскони. Епископам было приказано предавать анафеме всех, кто дозволит еретикам селиться на своих землях или будет что-либо продавать им или сам покупать у них; князьям предписывалось заточать еретиков в тюрьмы, а имущество их конфисковать. На съезде в Ломбере (близ Альби) в 1165 г. состоялся публичный диспут между представителями католической церкви и «хорошими людьми»; на диспуте присутствовали архиепископ Нарбоннский, несколько епископов и сильных сеньоров. Съезду этому придавали значение крупного государственного дела. Обе стороны избрали третейских судей. Ход диспута известен из многих католических источников; из этого события видно, что ересь уже ускользнула из власти местных церквей

и еретики нисколько не скрывали своих убеждений; католические богословы были вынуждены уступить своим противникам и согласиться делать ссылки только на Новый Завет. Бессилие Церкви обнаружилось еще в том, что съезд, разбив все положения еретиков, должен был ограничиться лишь запрещением дворянам Ломбера оказывать им покровительство. В 1166 г. собор в Кабестене подтвердил заключения Ломберекого съезда.

Тот факт, что, осуждая учение еретиков, Церковь не могла коснуться их самих, ясно свидетельствует, что у нее не было средств вести борьбу со столь сильным врагом. И дворяне, и простой народ не хотели быть ее орудием, а без их помощи все церковные проклятия были пустыми словами. Катары поняли это и в 1167 г. созвали свой собор в С.-Феликс-де-Караман, близ Тулузы. Председательствовать на соборе прибыл из Константинополя епископ Никита, их высшее духовное лицо; прибыли также делегаты и из Ломбардии. На этом соборе были избраны катарские епископы на вакантные кафедры Тулузы и Валь-д'Арана, Каркассона, Альби и территории Франции к северу от Луары; на последнюю кафедру был избран Роберт Сперонский, позднее укrywшийся в Ломбардии, где он дал свое имя секте сперонистов. Кроме того, на этом соборе были избраны комиссары для разграничения Тулузской и Каркассонской епархий. Все дело велось так, как будто это был собор независимой и признанной церкви, предназначенный заменить собой старую римскую Церковь. И действительно, катарекая церковь, опиравшаяся на любовь и уважение народа, могла тогда надеяться на возможность своего главенства.

Успех ее в последующее десятилетие был так велик, что, действительно, мог породить в ней самые широкие иллюзии. Раймунд Тулузский, вполне пользовавшийся властью независимого государя, должен был по требованию Папы Александра III после 1177 г. остановить распространение ереси; но большинство жителей его городов, независимых и привыкших к самовластию, были катары; многие из его рыцарей и сеньоров тайно или явно покровительствовали ереси; простой же народ презирал духовенство и уважал еретиков. Раймунд не мог уничтожить добрую половину своих подданных.

Решившись сохранить внешние приличия, Раймунд обратился к Людовику VII и Генриху Клервоскому, настоятелю ордена цистерцианцев. В своем обращении он в самых мрачных красках описал положение вещей в своих владениях: духовенство развращено; церкви пусты и в развалинах; таинства в презрении; дуализм торжествует над тринитаризмом (учением о Троице). Все наиболее видные из его подданных и вся лучшая часть простого народа перешли в ересь. Духовных наказаний больше не боялись; можно было добиться чего-нибудь положительного только силой.

Английский король Генрих II, бывший еще и герцогом Аквитанским, поддержал Людовика VII, и оба монарха договорились вместе пойти на помощь Раймунду. Однако короли лишь послали к Раймунду посольство, в состав которого вошли кардинал-легат, архиепископы Нарбонны и Буржа, Генрих Клервоский и другие прелаты; они обратились также с просьбой к графу Тулузскому, виконту Туреньскому и к дворянам оказать помощь посланным. Озабоченный дворянским заговором, Раймунд, охотно оказывая покровительство прелатам-миссионерам, и не думал поддерживать их силой оружия.

Были составлены и розданы миссионерам длинные списки еретиков; во главе стоял Петр Моран, очень богатый и влиятельный старик, пользовавшийся огромным уважением среди еретиков; его наметили первой жертвой преследования. Долго тянулось дело, пока удалось уличить его в ереси; но тогда, чтобы спасти свое состояние от конфискации, он отрекся от ереси и согласился перенести тяжелое и унижительное наказание публичного бичевания; ему приказали вернуть Церкви все ее занятые им земли и отдать ей все нажитые процентами деньги и обязали уплатить графу Тулузскому пятьсот фунтов серебра в качестве выкупа за оставленные ему земли.

Эти энергичные меры произвели на всех большое впечатление, и множество катаров согласилось вернуться в лоно Церкви; но обращения эти были весьма неискренни. Легат решил уничтожить двух ересиархов, катарских епископов Валь-д'Арана и Тулузы, но был

вынужден дать им охранные листы, чтобы они согласились явиться к нему, и ограничился лишь отлучением их от Церкви. Посольство вернулось во Францию, не сделав, по свидетельству хроник, ничего; правда, оно добилось, что Раймунд Тулузский издал указ об изгнании еретиков, но этот указ не выполнялся.

Собравшийся в 1179 г. третий Латеранский собор отметил, что патарены открыто совращают верных по всей Гаскони, Альбигойе и графству Тулузскому; он призывал светскую власть силой заставить их отказаться от своих заблуждений, предавал анафеме еретиков и всех тех, кто давал им пристанище и оказывал покровительство. Собор объявил крестовый поход против всех врагов Церкви; это был первый случай применения этого грозного оружия против христиан, и с того времени Церковь стала пользоваться в своих частных распрях услугами этой всегда легко собираемой армии. Прощение всех грехов на два года было обещано всем, кто поднимет оружие на защиту святого дела; Церковь брала их под свое покровительство и обещала вечное спасение всем, кто падет в борьбе за ее интересы; понятно, подобные обещания привлекли под знамена церковной рати массу воинов, на душе которых лежали всевозможные преступления и которые не требовали от Церкви за свою службу жалования.

Генрих Клервоский, ставший кардиналом Альбано, в качестве папского легата был послан проповедовать и вести крестовый поход. Он собрал значительные силы, во главе которых в 1181 г. вторгся во владения виконта Безье и осадил крепость Лавор, куда со многими видными катарами скрылась дочь Раймунда Тулузского, виконтесса Аделаида. Лавор был взят. Виконт Роже де Безье смирился и клятвенно обещал не поддерживать больше еретиков. Катарские епископы Раймунд де Бэмиак и Бернар Раймунд, которые были заключены в тюрьму, отреклись от ереси и получили хорошие приходы в Тулузе; много и других еретиков проявили раскаяние, но все они позднее вернулись к своим заблуждениям. Крестоносцы были созваны лишь на короткое время, и уже на следующий год кардинал-легат вернулся в Рим, только увеличив ожесточение в землях еретиков, опустошенных его войсками. Раймунд Тулузский в то время был поглощен войной с арагонским королем и в крестовом походе не участвовал.

Брабансонцев Латеранский собор признал еретиками наравне с катарами. Поддержка, оказываемая им Раймундом VI Тулузским, была причиной враждебного к нему отношения Церкви не менее, чем его покровительство еретикам. Это были вольные банды, которые наводили ужас на мирных граждан. Разнообразие названий, под которыми они были известны – брабансонцы, геннегаусцы, каталонцы, арагонцы, наваррцы, баски и т. д.- показывает, как широко было распространено зло и как всякая отдельная провинция старалась отнести на счет соседей происхождение этих разбойничьих шаяк. Эти банды составлялись из лентяев, гуляк и вообще из подонков общества, которые всплывали наверх благодаря постоянным волнениям, происходившим в ту эпоху. Люди эти открыто жили в стране и являлись ко всякому, кто давал им жалование или возможность безнаказанно грабить. Народ смотрел на них хуже, чем на еретиков, и считал их атеистами. На юге был объявлен против них крестовый поход одновременно с походом против еретиков.

Но, несмотря на все суровые меры, зло продолжало существовать, так как условия, его породившие, оставались в силе, и вечно воевавшие со своими соседями феодальные сеньоры нуждались в услугах этих наемников веры и совести.

После неудачи крестового похода 1181 г. в течение четверти столетия катарская ересь сравнительно свободно распространилась в Гаскони, Лангедоке и Провансе. Декрет папы Луция III, данный в Вероне в 1184 г., был первой попыткой основать инквизицию; но этот декрет не оказал непосредственного влияния; правда, в 1195 г. папский легат, созвав в Монпелье местный собор, подтвердил необходимость строгого исполнения канонов Латеранского собора относительно еретиков и разбойников, имущество которых должно быть конфискуемо, а сами они обращаемы в рабство; но все эти постановления оставались мертвой буквой, так как дворянство и не думало уничтожать часть своих подданных в угоду духовенству. Не было предпринято ни одного серьезного преследования ереси.

Во время затишья еретики проповедовали и обращали в ересь открыто без всякой помехи. Они были полновластными хозяевами в

округах Альби, Каркассона и Лорагэ (в Лангедоке), вся область между Бордо и Безье была заражена ересью. Еретиков было много в Анжу, в Аквитании и Бургундии. Один немецкий инквизитор утверждает, что в Ломбардии, Провансе и в других странах было больше еретических богословских школ, чем истинно католических, что еретики вели публичные диспуты, на которые народ стекался толпами, что они проповедовали на площадях, полях, в домах и что никто не осмеливался остановить их, боясь их многочисленных и могущественных покровителей. У еретиков были правильно организованные епархии; у них существовали не только мужские школы, но и женские, и однажды в одном женском монастыре все монахини перешли в катаризм, не бросив монастыря и не переменяв своей одежды.

Редко переживала Церковь такое опасное положение, как то, в котором она находилась, когда тридцативосьмилетний Лотарио Конти надел папскую тиару. В своей вступительной речи Иннокентий III заявил, что его главной заботой будет уничтожение ереси, и, несмотря на свои бесконечные столкновения с императорами и королями, он до самой своей смерти оставался верен этой задаче.

Глава 4. КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ ПРОТИВ АЛЬБИГОЙЦЕВ

Папа Иннокентий III решительно приступил к уничтожению множавшейся ереси.

Уже с давних пор провинция Невер была известна как страна наиболее зараженная. Главным центром ереси являлся город Шаритэ – один из первых городов, куда в 1123 г. послали инквизитора. В Труа были в 1200 г. сожжены восемь катаров; в 1204 г. сожжено несколько еретиков в Брэве.

Прочное существование ереси на юге Франции больше всего беспокоило римскую курию. Страной с 1195 г. правил Раймунд VI Тулузский. Это был самый могущественный вассал короля Франции. Нарбоннское герцогство давало ему звание первого светского пэра Франции; среди его собственных вассалов было четырнадцать графов. Раймунд VI находился в близком родстве с королевскими домами Кастилии, Арагона, Наварры, Франции и Англии. Могущественный граф сам не был еретиком, но безразлично относился к тому, что одни из его баронов придерживались ереси, другие снисходительно относились к ней и, не признавая притязаний Церкви, при случае грабили её. В 1195 г. собор в Монпелье предал анафеме тех князей, которые не будут преследовать еретиков и наемников по постановлению Латеранского собора. Раймунд не пожелал восстанавливать против себя своих подданных и разорять свои владения, чтобы сделать население своего графства послушным Церкви.

Крестовый поход против альбигойцев

Состояние Церкви во владениях Раймунда вызывало негодование Иннокентия III. Один летописец того времени передает, что на несколько тысяч еретиков приходилось только несколько католиков. Римская церковь опасалась потерять южные провинции Франции, хотя катары никогда силой не распространяли свою веру; но Церковь не могла разделять с кем-либо свое господство над душами людей и поэтому преследовала инаковерующих.

Иннокентий III, вступивший на папский престол 22 февраля 1198 г., уже 1 апреля предписал архиепископу Оша со всей строгостью преследовать и наказывать не только еретиков, но и всех, кто имеет с ними сношения или подозревается в этом. Иннокентий также послал 21 апреля во Францию двух комиссаров призвать всех католиков отвлечь от Церкви угрозу катаризма и вальденства. Упорные еретики должны быть изгнаны и лишены всего своего имущества; светские власти за отказ или небрежное преследование еретиков подлежат духовным наказаниям. За борьбу с ересью было обещано отпущение грехов. Все, кто будет иметь какие-либо сношения с еретиками, должны быть наказаны как еретики.

Летом 1202 г. посланные папой два цистерцианских монаха из Фонфрау – Петр де Кастельно и Рауль наказаниями и угрозами принудили магистрат Тулузы отречься от ереси и изгнать еретиков. Однако местные прелаты – архиепископ Нарбоннский, епископ Безье – не оказывали и им никакого содействия.

Папа вновь предпринял энергичные меры против еретиков и назначил легатом Арнольда Ситоского, генерала цистерцианского ордена. В конце мая 1204 г. Иннокентий предоставил чрезвычайные полномочия «разрушать повсюду, где были еретики, все, подлежащее разрушению, и насаждать все, подлежащее насаждению» своим прелатам Арнольду и монахам Фонфрау. Прелатам зараженных ересью провинций повелевалось во всем повиноваться легатам. Всякий не раскаявшийся еретик должен быть передан в руки светской власти и осужден на смерть; имущество его должно быть конфисковано; королю Филиппу-Августу и его сыну Людовику Львиное Сердце и всем сеньорам, если они будут помогать в подавлении ереси, было обещано полное отпущение грехов; даже и беспокойные элементы населения побуждали к участию в подавлении ереси посулами богатой наживы и полного прощения грехов. Иннокентий убеждал Филиппа-Августа поднять меч на катаров; папа признавал за ним право захвата и присоединения к своим владениям земель всех вельмож, которые откажутся помочь в борьбе против еретиков. Но Филипп-Август из политических соображений дважды оставил призыв папы без ответа. Тогда в июне 1206 г. Иннокентий обратился к Петру Арагонскому и обещал ему все земли, которые он завоюет у еретиков; через год он предложил ему и все их имущество. Петр захватил замок Эскюр, принадлежавший папе, но занятый катарами. Положение в Лангедоке, несмотря на все усилия папы и легатов, не изменилось.

В 1206 г. в середине лета все три папских легата съехались в Монпелье и решили отказаться от своей миссии. Случайно оказавшийся в Монпелье епископ Осмы Диего де Азеведо посоветовал легатам идти на проповедь босыми и нищими, как апостолы. Легаты согласились на это; Диего и его спутник приор Доминик де Гузман присоединились к ним. Арнольд вернулся в Сито, чтобы набрать

миссионеров; а два других легата вместе с Диего и Домиником в Карамане целую неделю вели диспуты с ересиархами Бодуэном и Тьерри и обратили весь простой народ, но владелец замка решительно отказался изгнать двух ересиархов. Осень и зима прошли в подобных же диспутах. В начале весны 1207 г. Арнольд наберёвал себе много добровольных помощников; три месяца ходили они с проповедями, находя тысячи еретиков и единицы верных; обращения были редки. Катары не чинили насилия над монахами-проповедниками.

Петр де Кастельно покинул своих товарищей и отправился в Прованс восстанавливать мир между дворянами в надежде объединить их для изгнания еретиков. Так как Раймунд Тулузский отказался повиноваться легату, монах отлучил его от Церкви и наложил интердикт на его владения. Монахи обвинили Раймунда в тайной принадлежности к ереси.

Грамотой от 29 мая 1207 г. Иннокентий подтвердил Раймунду решение легата и предупредил, что отлучение от Церкви и запрещение могут быть сняты, если граф удовлетворит все предъявленные ему требования; если же он будет медлить, то лишится областей, полученных им от Церкви, а если и это не возымеет на него действия, то папа призовет всех христианских князей разделить между собой его владения, чтобы можно было навсегда очистить их от ереси. Иннокентий ставил в вину Раймунду, что он не сдержал клятвы очистить свою страну от еретиков, нанес оскорбление христианской религии, допустив евреев на общественные должности, ограбил церковь и оскорбил несколько епископов; продолжает пользоваться услугами наемных банд; увеличил дорожные пошлины. Раймунд, правда, заключил мир с дворянами Прованса, и отлучение было снято с него.

Однако все средства принудить графа энергично преследовать еретиков в его владениях оказались безуспешными. Тогда Иннокентий послал 17 ноября 1207 г. грамоты ко всем могущественным, сеньорам Франции, которые патетически изображали успехи ереси и бесплодность всех усилий обратить еретиков на путь истины. Всем, кто откликнется на этот призыв, было обещано такое же отпущение грехов, как и крестоносцам, шедшим на освобождение Гроба

Господня. Церковь брала под свое покровительство земли тех, кто поднимет оружие на ее защиту, и уже заранее отдавала им земли еретиков. Всем заимодавцам новых крестоносцев предписывалось отложить взыскания по их долговым обязательствам без права требовать за это время проценты, а духовным лицам, которые подняли бы оружие, разрешалось заложить свои доходы за два года вперед. Однако и на этот раз Филипп-Август уклонился от крестового похода против еретиков юга Франции, ссылаясь на сложности в отношениях с Англией. Рыцари и сеньоры также не спешили принять крест.

Граф, обеспокоенный грозящим ему крестовым походом, заранее обещая Церкви покорность, встретился с легатами в С.-Жиле; но Раймунд отказался выполнить все требования легатов. Легаты уехали. Утром 16 января 1208 г. на переправе через Рону легат Петр Кастельно был убит. Церковники поспешили обвинить в организации убийства графа Раймунда.

Иннокентий поторопился воспользоваться этим преступлением в интересах Церкви; 10 марта он разослал ко всем прелатам зараженных ересью провинций послания, в которых предписывалось предавать анафеме убийц Петра и их покровителей (понимать надо – Раймунда) и налагать запрещения на все места, оскверненные их присутствием. Все вассалы Раймунда были освобождены от принесенной ими присяги, и всякому желающему католику разрешалось свободно основываться в его владениях. Если он пожелает просить прощения, то в доказательство своего раскаяния он должен прежде всего уничтожить еретиков. Такие грамоты были посланы Филиппу-Августу и всем его главным баронам; папа убеждал их поднять крест за спасение Церкви; ради этого папа добивался перемирия на два года между Францией и Англией. На созванном Арнольдом Ситоским капитуле цистерцианского ордена единогласно постановили проповедовать крестовый поход. Под знамена крестоносцев становилось немало таких, которые искали случая пограбить да погулять и снискать себе неприкосновенность или не платить долги.

Филипп-Август предоставил своим баронам полную свободу действий, а сам под предлогом натянутых отношений с королем

Англии и императором Германии отказался от личного участия; но в то же время он заявил папе, что никто не имеет права конфисковать владения Раймунда, если не будет обвинен в ереси; если же он будет обвинен, то назначить наказание будет делом сюзерена, а не Святого Престола. На призывы папы откликнулись многие могущественные феодалы Франции, Германии, Ломбардии; даже некоторые славянские князья шли с родины катаризма сражаться против него. Папа надеялся, что армия крестоносцев из рыцарей и подонков Европы наконец уничтожит катарскую ересь.

Раймунд попытался предотвратить опасность. Он по совету своего дяди Филиппа-Августа решил покориться папе и отправил послов в Рим узнать об условиях мира и просить о присылке новых легатов, так как прежние были очень дурно расположены к нему. Иннокентий потребовал, чтобы он в доказательство своего чистосердечного раскаяния передал в распоряжение Церкви семь своих наиболее важных крепостей; если к тому же он докажет свою невиновность, ему обещали прощение. Раймунд принял эти условия и оказал самый лучший прием новым представителям Церкви, Мило и Феодосию; последние также проявляли в отношении него дружеское расположение; но легаты получили от папы тайные инструкции прельщать его радужными обещаниями, оторвать графа от еретиков, а когда крестоносцы одержат верх над катарами, поступить с ним по своему усмотрению.

Раймунд передал Феодосию семь замков, консулы Авиньона, Нима и С.-Жиля присягнули, что не будут оказывать Раймунду повиновения, если он не подчинится всем будущим приказаниям папы. После этого 18 июня 1209 г. он примирился с церковью на самых унижительных условиях. Ему было приказано искоренить ересь, удалить всех евреев от занимаемых ими общественных должностей и распустить наемников; он должен был вернуть церквям имущества, которые у них отняли, сделать дороги безопасными, отменить произвольные дорожные пошлыны и свято соблюдать Мир Божий. Ценой всех этих жертв Раймунд получил только разрешение принять участие в крестовом походе и присутствовать при покорении своей страны.

Мило в тайном донесении папе обвинил Раймунда в клятвопреступлении и нарушении обетов. Разрешение от грехов вскоре было взято обратно; его вновь отлучали от Церкви, а на его владения наложили запрещение под тем предлогом, что он в течение шестидесяти дней, когда принимал участие в крестовом походе, не изгнал всех еретиков. Город Тулуза подвергся особой анафеме за то, что не выдал крестоносцам всех своих граждан, обвиняемых в ереси. Правда, позднее Раймунду ненамного отсрочили выполнение принятых им на себя обязательств; но его заранее осудили, и только полное его падение могло удовлетворить легатов.

Между тем крестоносцы собрались 24 июня в Лионе; ситоский аббат утверждал без особого преувеличения, что их было до двадцати тысяч всадников и до двухсот тысяч пеших, считая крестьян и простолюдинов. К ним обратился папа со словами: «Вперед, храбрые воины Христа! Спешите навстречу предтечам Антихриста и низвергните служителей ветхозаветного змия. Доселе вы, возможно, сражались из-за преходящей славы, сразитесь теперь за славу вечную. Вы сражались прежде за мир, сразитесь теперь за Бога. Мы не обещаем вам награды здесь, на земле, за вашу службу Богу с оружием в руках; нет, вы внидете в царствие небесное, и мы уверенно обещаем вам это!» Под верховным командованием Арнольда Раймунд повел крестоносцев против своего племянника, виконта Безье. Виконт выразил свою покорность легату, но последний отверг ее; тогда виконт поспешил укрепить свои крепости и поднять свои войска, чтобы остановить вторжение.

Эта война, объявленная ее зачинщиками религиозной, принимала характер войны национальной. Покорность Раймунда и готовность виконта Безье выразить покорность лишили Церковь благовидного предлога для враждебных действий; но жители севера горели нетерпением закончить завоевание, начатое еще за семь веков перед этим Хлодвигом, а население юга — и католики, и еретики-единодушно решило сопротивляться. Подданные Раймунда постоянно убеждали его сопротивляться и во всем и всегда выказывали верность ему и его сыну до окончательного падения Тулузского дома.

Крестовый поход начался вторжением на земли виконта Безье, Раймунда Роже. Крестоносцы штурмом захватили Безье в июле 1209 г. после отказа жителей выдать еретиков по списку епископа. Произошла резня, почти беспрецедентная в летописях Европы: ни грудные младенцы, ни дряхлые старики не были пощажены. Семь тысяч человек было убито в церкви св. Марии Магдалины, где они искали убежища. Легаты определяли число убитых приблизительно в двадцать тысяч. Легат Арнольд заявил: «Убивайте всех (еретиков и католиков); Бог уж их разберет!»

Через девять дней после разрушения Безье крестоносцы предводимые Раймундом, явились под стенами неприступного Каркассона и осадили его. Вслед за тем вероломно был захвачен и внезапно умерщвлен в плену Раймунд Роже. Чтобы спасти Каркассон от полного разрушения, жители согласились сдаться и отдать все свое имущество крестоносцам. На этот раз не требовали выдать его жителей-еретиков и никто не был сожжен. При осаде города особо отличился крестоносец граф Монфор.

После взятия Каркассона крестоносцы решили, что они уже отслужили сорок дней,- срок, достаточный для получения отпущения грехов, и с нетерпением порывались домой. Легат же полагал, что покоренная страна должна быть занята и устроена таким образом, чтобы в ней не могла более свить себе гнезда ересь. Комиссия из двух епископов и четырех рыцарей под председательством Арнольда решила отдать завоеванные земли Монфору. Легат приказал ему от имени Св. Престола взять завоеванные земли. Монфор согласился при условии, что ему будет оказана поддержка, так как по окончании крестового похода он остался приблизительно с четырьмя с половиной тысячами человек, преимущественно бургундцев и немцев, которым должен был платить двойное жалование.

В августе воодушевленные победами легаты предписали епископам потребовать от всех рыцарей, дворян и городских советов их епархий клятвенное обязательство уничтожить ересь. Но началась партизанская война; небольшие отряды, находившиеся на службе у Монфора, были взяты в плен, и вскоре его действительная власть не

простиралась дальше его копья. Положение Монфора стало очень опасным. Все же, несмотря на все затруднения, ему удалось покорить несколько замков, упрочить свое господство в стране альбигойцев и распространить его на графство Фуа.

Иннокентий в письме Монфору в ноябре выражал радость, что крестоносцы вырвали пятьсот городов и замков из когтей ереси. Он подтверждал права Монфора на Безье и Альби, призывая его уничтожить ересь. Папа предписал всем аббатам и прелатам Безьерской, Нарбоннской, Тулузской и Альбигойской епархий удержать в пользу Монфора все имеющиеся у них на хранении деньги упорствующих еретиков.

Весной 1210г. силы Монфора увеличились с прибытием новых отрядов «пилигримов», как называли себя искатели приключений, принимавшие участие в войне против альбигойцев. Так как срок, который они отбывали по обету, был очень короткий, Монфор решил воспользоваться их присутствием, чтобы вернуть обратно потерянные области и приобрести еще что-нибудь. Его многочисленные походы обычно кончались взятием замка, причем гарнизон захваченного замка избивался, а не принимавшим участия в сражении предлагали выбор между подчинением Риму и костром. Монфор не менее страстно желал расширить свои владения, чем восстановить католичество. Уже осенью 1209 г. легат потребовал от граждан Тулузы под угрозой запрещения и отлучения от Церкви выдачи его посланным всех, кого они объявят еретиками. Жители Тулузы утверждали, что среди них нет еретиков, что все внесенные в списки готовы засвидетельствовать свою невиновность и что в силу принятых около двадцати лет назад законов против еретиков они сожгли их много и продолжают сжигать всех, кого открывают; тулузцы обратились по этому делу к папе.

Иннокентий приказал снять тяготившее на жителях Тулузы отлучение от Церкви. Он предписал архиепископам Нарбонны и Арля созвать собрание прелатов и дворян, чтобы судить Раймунда по его же просьбе. Если обвинение графа в соучастии в убийстве Петра де Кастельно и покровительстве еретикам не будет доказано вполне ясно, то на Раймунда следует наложить покаяние, и только после этого можно будет признать его добрым католиком и вернуть ему его замки.

Раньше чем исполнить предписание папы и снять запрещение, Арнольд потребовал от горожан уплаты тысячи тулузских ливров; когда ему была уплачена половина этой суммы, он дал городу свое благословение; но так как уплата второй половины замедлилась, он снова наложил на город запрещение, которое горожанам удалось снять с большим трудом.

Раймунду назначили в сентябре 1210 г. день, когда он должен был явиться в С.-Жиль и оправдаться. Но на суде в С.-Жиле от Раймунда не приняли оправдания, так как он не сдержал своих неоднократных клятвенных обещаний быстро искоренить ересь; поэтому его клятву в таком серьезном деле, как обвинение в ереси и убийстве легата, отвергли, как и присягу его свидетелей. Его отлучили снова от Церкви. Иннокентий в письме к Раймунду в декабре 1210 г. высказывал сожаление, что граф до сих пор еще не сдержал своего обещания уничтожить ересь, и предупреждал его, что если он не выполнит этого, то его владения будут отданы крестоносцам. Графам Комменжа, Фуа и Гастону Беарнскому повелевалось оказать помощь Монфору под угрозой обвинения их как соумышленников еретиков. Дворяне Лангедока были разрознены, и их уничтожали поодиночке. Чтобы собрать вокруг себя своих подданных ввиду неизбежной войны, Раймунд опубликовал условия, которые ему предложили на соборе в Арле в феврале 1211 г. Согласно этим условиям, вся страна отдавалась под надзор легатов и Монфора; на всех жителей — католиков и еретиков, знатных и простых — накладывалось позорное клеймо рабства, Раймунда же обязывали на всю жизнь удалиться в изгнание в Св. Землю. Опубликование этих условий Раймундом возбудило гнев всего народа, который собрался около своего повелителя, готовый сопротивляться.

Прилагая все усилия, чтобы отвратить окончательное падение, Раймунд все же безуспешно продолжал вести переговоры с легатами и Монфором. 3 мая 1211г. Монфор вторгся в область Раймунда, взял несколько его замков и решил осадить Тулузу. Как только жители Тулузы узнали о предстоящей осаде, они немедленно отправили послов к крестоносцам просить пощады; при этом они указывали на то, что помирились с Церковью. Им ответили, что город будет

осажден, если они не вышлют Раймунда и не поклянутся, что не будут иметь с ним сношений. Тулузцы отвергли эти предложения и приготовились дать отпор. Город был хорошо укреплен и имел сильный гарнизон. Осаждающие, неся страшный урон от вылазок тулузцев, отступили 29 июня под покровом ночи, оставив раненых и больных. Опустошив окрестности и истребив их жителей, Монфор покинул место своего поражения и отправился опустошать земли графа Фуа.

Мужественное отражение тулузцами беззаконного вторжения было истолковано как преступное расположение к ереси. Иннокентий снова отлучил Раймунда и его столицу от Церкви за то, что жители «преследовали» Монфора и крестоносцев. Ободренный успехом, Раймунд перешел в наступление. Но осада Кастельнодари окончилась поражением; кончались в пользу Монфора и следовавшие за ней сражения. По всему христианскому миру продолжали проповедовать крестовый поход, и войска Монфора часто пополнялись новыми отрядами пилигримов.

Весна и осень 1212 г. принесли ряд успехов Монфору; владения Раймунда ограничивались только Монтобаном и Тулузой, которая, переполненная женщинами, была, в сущности, в осаде, так как засевшие в соседних замках крестоносцы производили набеги до самых городских стен. Монфор просил папу признать за ним право на вновь завоеванные земли. Ответ папы был неожиданным: «Граф (Раймунд) провинился перед Церковью, почему он и был отлучен от нее, а владения его предоставлены первому пришедшему; но потеря большинства их является уже наказанием, к тому же граф, подозреваемый в ереси и убийстве легата, ни разу еще не был осужден». Необходимо назначить над ним суд, иначе на Церковь падет обвинение в обмане, потому что она продолжает пользоваться замками, данными ей только в залог. В заключение Иннокентий потребовал от легатов полного и точного отчета по делу Раймунда.

Легаты Феодосии и епископ Риезский сообщили папе, что они якобы неоднократно вызывали Раймунда на суд, но он и не думал оправдаться в тех преступлениях, которые совершил против некоторых прелатов и церквей. Легаты созвали собор в Лаворе, укрепленном

месте близ Тулузы, бывшем в руках Монфора. По просьбе короля Петра Арагонского Монфор объявил перемирие на восемь дней, чтобы ничто не могло помешать собору.

Победитель мавров под Навас-де-Толоса в июле 1212 г., Петр считался в то время авторитетным защитником веры; он покровительствовал Раймунду и своим собственным вассалам. Он не мог оставаться безучастным к росту могущества Монфора. Завоеванные земли заселялись французами; в стране вводился французский государственный строй. Петр послал посольство к папе с жалобой на действия легатов, которые он считал произвольными, несправедливыми и несогласными с интересами Церкви. Он прибыл в Тулузу с твердым намерением действовать в пользу своего родственника графа Раймунда. Он заявил о верховных правах Арагонского дома над домом Тулузским.

Послы Петра получили от Иннокентия указ на имя Монфора, которому предписывалось вернуть все области, завоеванные не у еретиков, а Арнольду было приказано не затягивать обещаниями индульгенций войну в Тулузском графстве. Когда в январе 1213 г. в Лаворе собирался собор, Петр просил о снисхождении к лишенным имущества сеньорам. Он представил акты формального отречения Раймунда и его сына, а также Гастона Беарнского и графов Фуа и Комменжа; этими актами все они уступали ему свои земли, права и юрисдикцию с тем, чтобы он заставил население исполнять распоряжения папы в том случае, если оно будет упорствовать. Петр просил, чтобы им были возвращены отнятые у них земли, как только они оправдаются перед Церковью. Если окажется невозможным судить Раймунда, то Петр предлагал, чтобы он отрекся от своих прав в пользу сына и удалился в Испанию или Палестину сражаться с неверными, а сын должен заслужить доверие Церкви. Но собравшиеся в Лаворе прелаты были глухи ко всякому предложению восстановить мир. Для их благоденствия и личной безопасности нужно было полное уничтожение Тулузского дома. Легаты в качестве судей спросили прелатов – членов судилища, должно ли допустить Раймунда доказать свою невиновность. Ответ был отрицательный, потому что Раймунд являлся клятвопреступником, в течение последней войны он совершил

много новых преступлений, убивая нападавших на него крестоносцев; тяготевшее над ним отлучение от Церкви, по мнению прелатов, могло быть снято только папой. Легаты сообщали Раймунду, что они не могут предпринять ничего без разрешения папы. Королю Петру прелаты заявили, что поступки Раймунда сделали его недостойным сожаления. Трех других сеньоров прелаты собора обвинили в том, что они совершили великое преступление, защищаясь против крестоносцев; им объявили, что если они удовлетворят церковь и получают от нее разрешение грехов, то их согласятся выслушать. Легат Арнольд Нарбоннский угрожал королю Петру отлучением от Церкви за то, что он живет в мире с отлученными и заподозренными в ереси.

Прелаты, участвовавшие в соборе, старались возбудить гнев папы против Раймунда. Они обвинили графа в сношениях с врагами Иннокентия и даже с мусульманами. Епископы лангедокских епархий уверяли папу, что мир и благоденствие шли по стопам крестоносцев, что религия была восстановлена в стране, раньше разоряемой разбойниками и еретиками. Король Петр был вынужден в марте 1213 г. послать непосредственно в Рим копии с актов отречения, данных привлеченными к ответственности сеньорами; все эти копии были засвидетельствованы архиепископом Таррагонским и его представителями. Иннокентий торжественно объявил, что Раймунду должна быть дана возможность оправдаться и что только по суду он может быть признан виновным. Однако он приказал Петру Арагонскому перестать покровительствовать еретикам и грозил ему в противном случае новым крестовым походом. Полученные ранее Петром папские указы о возвращении владений, принадлежащих не еретикам, были отменены, как неверно истолкованные; а графы Фуа, Комменжа и Наварры были переданы на усмотрение Арнольда Нарбоннского. Город Тулуза мог получить прощение при условии конфискации имущества и изгнания всех, на кого укажет епископ Фульк, непримиримый фанатик; никакой договор, никакое перемирие и никакое обязательство, заключенное с еретиками, не должны соблюдаться. В ожидании решения Рима по всей Франции энергично проповедовали крестовый поход.

Король Петр все еще находился в дружеских отношениях с Раймундом и его сеньорами, отлученными от Церкви, а городской

совет Тулузы присягнул ему в верности. Получив папский указ, Петр сделал вид, что считается с ним, но не прекратил приготовлений к войне. Петр просил Иннокентия подтвердить буллу Урбана II (1095 г.), согласно которой на его "королевство никто, кроме папы, не мог наложить интердикт – временное запрещение совершать богослужение и религиозные обряды, без отлучения от Церкви.

Петр Арагонский объявил войну Монфору в тот момент, когда в распоряжении последнего было очень мало войска, и из Франции не приходили подкрепления. Петр двинулся к замку Мюре в десяти милях от Тулузы, где Монфор оставил незначительный гарнизон, и соединился там с графами Тулузским, Фуа и Комменжа. Король привел из Испании приблизительно тысячу всадников; армия трех лишенных владений графов состояла из тулузской милиции, т. е. из пехоты, совершенно неопытной в военном деле.

Осада Мюре началась 12 сентября 1213 г. Монфор находился в двадцати пяти милях оттуда и располагал небольшой армией, в рядах которой было семь епископов и три аббата, присланных Арнольдом для переговоров с Петром. Монфор вошел 13 сентября в Мюре, который был обложен только с одной стороны; его свободно пропустили, надеясь взять в плен самого вождя крестоносцев. Епископы безуспешно старались вступить в переговоры с Петром. На другой день утром 13 сентября крестоносцы, имевшие не больше тысячи всадников, бросились в атаку. Из-за недисциплинированности арагонских рыцарей армия Петра была разбита, сам он убит, а пехота тулузцев – безжалостно вырезана. Современники сообщают, что крестоносцы не потеряли убитыми и двадцати человек, тогда как их противники потеряли от пятнадцати до двадцати тысяч.

Располагая незначительной армией, Монфор не мог воспользоваться своей победой. Положение его в течение зимы 1214 г. было критическое. После Пасхи ожидали прибытия в Лангедок ста тысяч новых пилигримов. Новый легат, кардинал Петр Беневентский, принял в Нарбонне заявление покорности от графов Тулузского, Фуа и Комменжа, от виконта Нарбоннского и от Тулузы. Все обещали изгнать еретиков и исполнить все требования Церкви. Раймунд передал легату

даже все свои владения и обязался, если ему прикажут, удалиться в любое место, пока ему не разрешат отправиться в Рим. Были удовлетворены все требования Рима, после чего легат отпустил грехи всем принесшим покаяние и объявил их воссоединенными с Церковью.

Но орды крестоносцев, жаждущих добычи и отпущения грехов, наводнили провинции юга. Когда сопротивления лангедокцев были подавлены Монфором, легат созвал в июне 1215 г. собрание прелатов в Монпелье, которое сместило Раймунда и выбрало на его место Монфора; Иннокентий санкционировал это решение, обвинив Раймунда в принадлежности к ереси.

Наследник французского престола Людовик явился в Лангедок. Он не присоединил к французской короне ничего из завоеванного в предшествующие крестовые походы; его пребыванием воспользовались, чтобы упрочить за Монфором светскую власть. В обладание Тулузой вступил Ги, брат Монфора, и срыл ее стены. Были разрушены и стены Нарбонны. Оба Раймунда (граф и его наследник) удалились к английскому двору, где король Иоанн дал им десять тысяч марок за принесенную ему ленную присягу.

В Риме 1 ноября 1215 г. Иннокентий III собрал двенадцатый Вселенский (Латеранский) собор для решения многих церковных и политических вопросов. В приговоре собора, объявленном Иннокентием 15 декабря 1215 г., указывалось на те усилия, каких стоило Церкви очистить от ереси Нарбоннскую провинцию, и отмечалось, что после этого в стране водворился мир и спокойствие. Раймунд был признан виновным в ереси и грабежах, почему и был лишен власти и осужден проводить остальную жизнь в покаянии и в оплакивании своих грехов; ему была обещана ежегодная пенсия в четыреста марок, если он будет послушен Церкви. Жене его оставались земли, следуемые на ее вдовью часть. Все покоренные крестоносцами области, включая Тулузу, гнездо ереси, и Монтобан, были переданы Монфору, как первому борцу за веру. Те же владения Раймунда, которые не были еще покорены, отдавались Церкви, которая должна была вернуть их – все или часть молодому Раймунду, если он

по достижении совершеннолетия окажется достойным этого. Дело графа Раймунда решено в окончательной форме; отныне Церковь называла его только «бывшим графом». Решения, принятые по отношению графств Фуа и Комменжа, ограничивали притязания графа Монфора; но для местного дворянства они были не особенно благоприятны. Решение высшего судилища Церкви послужило призывом к восстанию. Возбужденный до исступления народ юга Франции понял, что спасти его может только вооруженное сопротивление.

Часть родовых земель Тулузского дома, сохраненных для него под охраной Церкви, находилась к востоку от Роны; вот здесь в начале 1216 г. на обратном пути из Рима и остановились отец с сыном, чтобы сделать эту местность базисом своих действий. Немного позже Раймунд старший отправился в Испанию набирать войско; жители Марселя, Авиньона и Тараскона поднялись по зову своего сеньора и горели нетерпением двинуться на французов; к угрозам и проклятиям Церкви они оставались равнодушны и были готовы пожертвовать и имуществом, и жизнью. Отныне роли главных действующих лиц этой великой драмы переходят к городам и к горожанам: битва велась между феодализмом Севера и городскими общинами Юга, которые боролись за свое существование. Религиозный вопрос отодвинулся на второй план.

Снова стали проповедовать крестовый поход. В начале 1217 г. Монфор во главе армии крестоносцев и небольшого отряда, присланного ему на помощь королем Франции, перешел Рону и вторгся в области молодого Раймунда. Но Тулуза восстала и встретила с искренней радостью Раймунда VI, пришедшего с испанскими войсками; графства Фуа и Комменж со всем местным дворянством присоединились к Тулузе и своему старому сеньору. В сентябре 1217 г. Монфор начал вторую осаду Тулузы. Кардинал-легат приказал крестоносцам перебить всех, не щадя ни пола, ни возраста. Город не был укреплен, и дети и женщины день и ночь работали над его укреплением. Осада тянулась девять месяцев. Ги, брат Монфора, и Амори, его старший сын, были серьезно ранены. На другой день Иванова дня (1218 г.) Монфор был убит камнем из метательного снаряда осажденных.

Смерть Монфора послужила сигналом к освободительному движению. Повсюду, где французские гарнизоны не были очень сильны, народ перебил завоевателей и призвал своих старых вождей. Невероятная жестокость крестоносцев очень сильно способствовали тому, что всюду они встречали упорное сопротивление. Одна за другой крепости, еще занятые французами, были отбиты у них, и весьма немногим завоевателям удалось удержаться в стране. Отлучение от церкви, лишение прав наследства, объявленные папой в 1221 г., также не произвели никакого впечатления.

Доведенный до отчаяния сын и наследник Монфора Амори в начале 1222 г. предложил Филиппу-Августу взять себе все его владения и все его права и просил папу Гонория поддержать это его предложение. 14 мая Гонорий написал письмо королю Франции, убеждая его, что это единственное средство спасти Церковь. Скрывавшиеся после изгнания завоевателей еретики и всеобщая ненависть к иностранцам благоприятствовали антицерковной пропаганде. В Лангедоке открыто проповедовалась ересь; еретические епископы дерзко выступали против католических прелатов.

Несмотря на все это, Филипп не собрался в крестовый поход. В июне молодой Раймунд просил Филиппа-Августа, своего сеньора и родственника, вмешаться, примирить его с Церковью и вернуть ему отнятое у него право на наследство. Вскоре после этого в августе 1222 г. умер Раймунд VI. Наследники продолжали борьбу отцов в Лангедоке. Амори и Раймунд VII заключили перемирие летом 1223 г., после чего легат созвал 6 июля 1223 г. собор в Сансе, но перенес его в Париж, так как на нем пожелал присутствовать Филипп-Август, однако 14 июля он умер.

Смерть короля изменила положение вещей. В день коронации новый король Людовик дал легату обещание предпринять крестовый поход; в феврале 1224 г. Людовик принял от Амори условное отречение от всех его прав на Лангедок. Таким образом, у Раймунда появился сильный противник-король Франции.

Тем временем не проходило месяца, чтобы Амори не лишился нескольких замков из тех, которые оставались еще у него; жалование солдатам он платил из денег, оставленных ему в наследство Филиппом-Августом. Вскоре он навсегда покинул страну, для которой он и его отец были бичом Божиим. Теперь перед Раймундом вместо этого истощенного бесконечной войной врага стоял король, располагавший огромными средствами. Уже в феврале Людовик благодарил граждан Нарбонны за верность и обещал через три недели после Пасхи войти в страну во главе армии крестоносцев, чтобы присоединить к короне все земли, утраченные Тулузским домом. В то же время Людовик потребовал, чтобы Церковь гарантировала королевству внешний и внутренний мир, чтобы крестовый поход проповедовался под условием такого же отпущения грехов, как походы в Св. Землю, чтобы те из его вассалов, которые откажутся пойти с ним, были отлучены от Церкви, чтобы епископ Буржа был назначен легатом вместо де Порто, чтобы ему заранее были обещаны земли Раймунда, его союзников и всех, кто будет сопротивляться крестоносцам, чтобы Церковь давала ему ежегодную субсидию в шестьдесят тысяч парижских ливров и чтобы ему была дана полная свобода оставаться в походе или вернуться.

Людовик заранее решил, что эти условия будут приняты, и продолжал свои приготовления; а Раймунд между тем прилагал все возможные старания, чтобы отвести грозу. Генрих III Английский посоветовал Раймунду смириться перед Римом и послать туда послов. Гонорий направил графу послание и обещал в качестве легата прислать Романо, кардинала С.-Анджело, чтобы он уладил дела. Людовика же папа предупредил, что если король будет продолжать угрожать Раймунду, то последний изъяснит перед ним свою покорность. В то же время были посланы предписания Арнольду Нарбоннскому совместно с другими прелатами оказывать давление на Раймунда и добиться от него приемлемых условий.

Людовик дал знать папе, что римская курия может сама устраиваться с Раймундом по своему усмотрению, но что королевские права должны быть приняты во внимание. На Парижском парламенте (верховой судебной палате) 5 мая 1224 г. легат объявил

недействительными индульгенции, выданные за поход против альбигойцев, и признал Раймунда добрым католиком.

Угрозу нового крестового похода в Лангедок отклонили. Теперь оставалось только договориться об условиях умиротворения страны. Раймунд, сопровождаемый своими первыми вассалами, 2 июня, в день Св. Троицы, встретился в Монпелье с Арнольдом и епископами и торжественно заявил, что будет во всех своих владениях сохранять и поддерживать католическую веру; что он изгонит из них всех еретиков по указанию Церкви; конфискует все их имущество, а их самих подвергнет телесному наказанию; установит мир и распустит банды наемников; восстановит права и привилегии Церкви; уплатит двадцать тысяч марок в возмещение убытков Церкви и на удовлетворение Амори при условии, что последний откажется от своих притязаний и вернет все документы, подтверждающие их. Раймунд заявил, что готов всецело подчиниться Церкви. Эти условия были скреплены графом де Фуа и виконтом города Безье. Папа Гонорий III и собранный по его повелению 20 августа 1224 г. в Монпелье собор взяли с Раймунда и его вассалов клятву на этих условиях.

После многих совещаний с Людовиком и с главными сеньорами и епископами легат созвал народное собрание в Бурже в ноябре 1225 г. Туда явился и Раймунд, прося отпущения грехов и примирения с Церковью; он снова предлагал представить оправдание своим действиям и соглашался подчиниться всем требованиям Церкви и восстановить в своих землях повиновение Риму. Он не только соглашался искоренить ересь, но даже просил легата объехать все его города и исследовать в них верование жителей, ручаясь, что все отступающие от католичества будут строго наказаны и что всякий упорствующий город будет наказан.

Прелаты открыто говорили, что никакой почетный мир для Церкви несовместим с поддержкой Раймунда и что необходимо предоставить Людовику десятую часть духовных доходов, если он изъявит готовность предпринять священную войну. Король настаивал, чтобы Гонорий запретил Генриху III Английскому угрожать Франции в течение задуманного крестового похода. Генрих, несмотря на то, что незадолго перед этим заключил союз с Раймундом, согласился на

предложение папы не беспокоить Францию. Чтобы вернее обеспечить успех крестовому походу, Церковь запретила все частные войны до его окончания.

Раймунд до этих пор не начал еще энергично преследовать своих подданных еретиков, так как перед угрозой нашествия внешних врагов он сильно нуждался в поддержке всех своих подданных. Но он был готов на все, лишь бы примириться с Церковью, и даже убеждал легата ввести инквизицию в его владениях. Надвигавшаяся война была более, чем все ей предшествовавшие, национальной: все силы Севера, предводимые королем и Церковью, двинулись на истощенные провинции, сюзереном которых был Раймунд. Он всеми мерами старался отклонить надвигающуюся опасность. Правда, его самый крупный вассал, граф де Фуа, оставался верен ему; но второй за ним по значению граф де Комменж заключил частный договор и шел против него вместе с королем Франции; вступил в коалицию и граф Провансский в то самое время, когда Иаков Арагонский и Нуньес Санчо де Руссильон, боясь Людовика, запретили своим подданным оказывать помощь еретикам.

Крестовый поход готовили крайне энергично. В заседании парламента в Париже 28 января 1226 г. сеньоры обещали королю свою помощь. Людовик начал крестовый поход с условием, что имеет право окончить его во всякое время, и его примеру последовали почти все епископы и бароны. 29 марта Людовик приказал своим вассалам собраться в Бурже 17 мая в полном вооружении и оставаться на юге до тех пор, пока он сам будет там. Людовик выступил из Лиона во главе армии, в которой одних конных было до пятидесяти тысяч человек. Многие вассалы и города Раймунда спешили изъявить покорность, и уже до начала военных действий дело графа казалось проигранным. Но, однако, когда армия подошла к Авиньону, горожане заперли городские ворота. Разгневанный король осадил город. В течение десяти лет отлученный от Церкви Авиньон считался гнездом вальденцев, и поэтому кардинал-легат Романо просил крестоносцев оружием уничтожить ересь. С 10 июня приблизительно по 10 сентября граждане отчаянно защищались, нанося осаждающим крупный урон. К тому же начались распри между королем и некоторыми

могущественными сеньорами. Казалось, что столь блестяще начатый крестовый поход был близок к концу, но как раз в это время осажденные, доведенные до последней крайности, неожиданно согласились сдаться.

От Авиньона Людовик двинулся на запад, всюду получая изъявления покорности от городов и сеньоров. Он находился уже в нескольких милях от Тулузы; но вдруг неожиданно повернул на север, а 8 ноября в Монпансье король также неожиданно умер. Людовик рассчитывал вернуться на следующий год и оставил в покоренных городах и замках гарнизоны под главным начальством Гумберта де Боже, дав ему помощником Ги де Монфора. Они сожгли порядочное число еретиков, чтобы сохранить за войной ее священный характер.

Раймунд, спасшийся как бы чудом от неминуемой гибели, не стал терять даром времени и отвоевал часть своих земель. Тринадцатилетний Людовик IX был коронован в Реймсе, а регентство было предоставлено его матери Бланш Кастильской.

Вступивший 19 марта 1227 г. на папский престол Григорий IX принял под свое покровительство регентшу и ее сына, они обязались вести войну против ереси. На соборе, бывшем в Нарбонне Великим Постом 1227 г., были отлучены от Церкви все, не сохранившие присягу на верность Людовику: народ всюду, где можно было сделать это без большого риска, вернулся к Раймунду. Приказывая епископам строго разыскивать еретиков и предлагая светским властям наказывать их, тот же собор отметил, что даже и в занятых французами землях преследование еретиков значительно ослабло.

В 1227 г. война тянулась без решительных результатов. Раймунд не мог помешать крестоносцам опустошить всю страну вплоть до стен Тулузы. У регентши Бланш было много причин желать заключения мира из-за осложнений отношений с Англией и некоторыми из могущественных баронов Франции. Раймунд также не переставал просить мира. Брак единственной дочери-наследницы Раймунда, Иоанны, с одним из младших братьев Людовика IX, с передачей им и их наследникам владений графа, мог мирным путем принести те же политические выгоды, как и крестовый поход. От искренне

благочестивого Раймунда, который много раз показывал свою готовность применить суровые меры против еретиков, можно было ожидать удовлетворительного разрешения и религиозных вопросов.

Григорий IX был рад положить конец войне, начатой Иннокентием двадцать лет тому назад. Уже в марте 1228 г. он убеждал Людовика IX заключить мир, следуя советам легата. В основу переговоров было положено сватовство; письмом от 23 июня папа уполномочивает легата Романо устранить препятствие к браку, заключавшееся в кровном родстве сторон, если брак Иоанны с одним из братьев Людовика даст стране мир. Другое послание папы от 21 октября, призывавшее прелатов снова проповедовать крестовый поход против альбигойцев, указывает на то, что надо было оказать на Раймунда давление. Французские войска начали страшно опустошать его владения. Наконец, в декабре 1228 г. Раймунд уполномочил аббата Грансельва принять все предложения посредника – Тибо де Шампань. В Мо в присутствии консулов Тулузы предварительные условия были подписаны в январе 1229 г. Великий четверг 12 апреля 1229 г. был днем окончания этой долгой войны.

Раймунд дал присягу преследовать еретиков, их единомышленников и тех, кто дает им пристанище; он не должен щадить никого. Все должны быть наказаны в самое короткое время, а для обнаружения еретиков должна быть основана инквизиция. На нужды этого судилища Раймунд соглашался уплачивать по две марки за каждого, кто будет схвачен в течение первых двух лет, и по одной марке по истечении этого срока. В отношении других еретиков он обещал всецело подчиниться всем приказаниям легата или папы. Его бальи, или местные судьи, должны были быть добрыми католиками; он будет защищать Церковь, всех ее членов и все ее привилегии; он конфискует по решениям духовных судов имущество остающихся отлученными от Церкви в течение года; он возвратит все имения, отнятые у церквей с самого начала смут, и уплатит десять тысяч серебряных марок за разграбленные имущества частных лиц; он будет требовать правильной уплаты десятины; в виде особого штрафа он должен внести пять тысяч марок в пять монастырей, которые ему будут указаны, шесть тысяч марок на укрепление замков, которые

король займет в обеспечение интересов Церкви, от трех до четырех тысяч марок на содержание в Тулузе в течение десяти лет двух магистров богословия, двух докторов канонического права, шести учителей грамматики и свободных искусств. Его покаяние будет состоять в том, что тотчас же после отпущения грехов, не позднее, как через два года, он отправится на пять лет в крестовый поход в Палестину. Несмотря на неоднократные напоминания, Раймунд не исполнил этой епитимьи до своей смерти в 1247 г.

Народ должен был принести присягу, повторяемую каждые пять лет, в силу которой каждый обязывался всеми средствами преследовать еретиков, их сообщников и всех, кто будет давать им приют; кроме того, все должны оказывать содействие Церкви и королю, если будет начато преследование ереси.

Когда были обеспечены интересы Церкви и религии, брак Иоанны с одним из братьев короля был признан проявлением особой благосклонности к Раймунду. Его признали лишенным всех владений, но король милостиво давал ему область старой Тулузской епархии с тем, чтобы после его смерти она перешла к его дочери и к зятю; таким путем это наследство было упрочено за королевским домом. Раймунду были также даны Ажан, Руэрг, Керси (за исключением Кагора) и часть Альбигойи с тем, чтобы эти земли после его смерти перешли к его дочери; обширные пространства между герцогством Нарбоннским и графствами Велэ, Жеводан, Вивье и Лодев король оставлял себе, Маркизат Провансский (владение Империи по ту сторону Роны) был отдан Церкви. Раймунд потерял две трети своих владений. Он должен был разрушить укрепления Тулузы и тридцати других замков без права когда-либо возводить на их месте новые; он должен был передать королю восемь других укрепленных замков и ежегодно в течение пяти лет выдавать ему на их содержание по полторы тысячи марок; он должен был принять энергичные меры против своих упорствующих вассалов. Была объявлена всеобщая амнистия и были восстановлены в своих правах лишенные своего звания рыцари, за исключением еретиков. Раймунд обязывался обеспечить общественное спокойствие и изгнать навсегда грабителей с больших дорог. Все вассалы Раймунда и весь народ его должны были скрепить эти условия своею присягой и

обязаться свято выполнять их. Если в течение сорока дней после объявления он не исполнит какого-либо из принятых им обязательств, то все предоставленные ему земли переходят к королю, его подданные освобождаются от всяких обязательств по отношению к нему, а сам он, как и прежде, подвергается отлучению от Церкви.

Парижский договор оправдал возлагавшиеся на него надежды. Иоанне Тулузской и предназначенному ей супругу, брату Людовика Альфонсу, было в 1229 г. по девять лет. Свадьба их состоялась в 1237 г., и когда в 1249 г. умер Раймунд, они унаследовали все его земли. В 1271 г. они умерли один за другим, не оставив после себя наследников; тогда Филипп III завладел не только графством Тулузским, но и всем югом Франции.

В течение двадцати лет несчастное население Лангедока, остававшееся верным Тулузскому дому, не знало ни минуты покоя. Только чудом во время последнего крестового похода население избежалось от полного истребления, а будущее его рисовалось в самых мрачных красках, так как римская Церковь могла наводнить юг новыми полчищами мародеров под сенью креста.

Борьба веротерпимости против тенденции преследования была поднята и проиграна. После такого красноречивого предупреждения, как падение двух Раймундов, нечего было опасаться, что явятся новые владетельные князья, которые проявят терпимость к еретикам. Церковь, призвав на помощь себе государство, поторопилась извлечь выгоду из общей победы, и вскоре среди тех, кто так долго мешал ей, открыла свои действия инквизиция.

Глава 5. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Быстрое развитие религиозной нетерпимости уже ясно видно в угрозах Апокалипсиса, направленных против вероотступников и еретиков Семи Церквей. Богословие выдвинуло вопросы, на которые у евангелистов не дано ответа. В пылу споров богословы перестали считать христианами тех, кто расходился с ними в вопросах обрядности и учения или в некоторых догматических тонкостях. Люди, занимавшие высокое положение в Церкви, могли давать силу закона своим мнениям; менее же сильные были объявлены отпавшими от католичества, и деление между верными и еретиками становилось все заметнее.

Самым опасным мятежником являлся теоретик, высказывавший сомнения относительно догматической правильности мнений лица высшего, чем он, в церковной иерархии; и если ему удавалось собрать около себя учеников, то он становился главой еретического направления. Там, где еретиков было достаточно много, чтобы образовать свою общину, они не обращали никакого внимания на то, что их отсекали от Церкви. Результатом было то, что этих сектантов стали преследовать с большей жестокостью, чем самых закоренелых преступников. Уже одно то, что они отказались склониться перед признанным авторитетом, являлось тяжким преступлением. Торжество нетерпимости стало неизбежным, когда христианство сделалось государственной религией. Ереси уничтожались без всякого снисхождения, включительно до костра, который был впервые принят на Константинопольском соборе 1143 г., при патриархе Михаиле Оксисте (1143-1146), как мера наказания для богомилов. Нередко инициатива преследования исходила от светской власти.

Преследование катаров в Орлеане в 1017 г. было делом не Церкви, а короля Роберта Благочестивого; позднее были зажжены костры в Милане народом даже против воли архиепископа. В X-XI вв. и даже в начале XII в. отношение Церкви к ереси было колеблющимся: то строго преследовали еретиков, то относились к ним снисходительно;

все зависело от характера прелата, ведшего дело. Около 1145 г. св. Бернар заявил, что светская власть обязана мстить за оскорбления, наносимые Богу ересью. Но папа Александр III в 1162 г. отказался судить присланных к нему реймским архиепископом катаров, сказав, что лучше простить виновных, чем предать смерти невинных.

Таким же неопределенным был взгляд, каким наказаниям подвергать еретиков: их то сжигали живыми, то приговаривали к тюремному заключению. Даже в 1163 г. Александр III, стараясь на Турском соборе остановить грозные успехи манихейства в Лангедоке, предложил светским князьям только заключать еретиков в тюрьму, а их имущество конфисковать; однако в Кельне в том же году катары были приговорены к сожжению на костре специально посланными судьями. В 1157 г. Реймский, а в 1166 г. и Оксфордский соборы постановили клеймить еретикам лица раскаленным железом. Первые мероприятия Иннокентия III против альбигойцев в 1199 г. ограничивались изгнанием и конфискацией; да и эти наказания могли заменяться паломничеством к святыням Рима или Компостелло.

Но по мере того, как разгоралась борьба с ересью, наказания становились более жестокими; однако даже Симон де Монфор в кодексе от 1 декабря 1212г. не присуждает еще еретиков к сожжению, хотя в этом же году в Страсбурге было сожжено восемьдесят еретиков. Петр II Арагонский первый ввел в свод законов эдиктом 1197 г. эту форму наказания. Оттон IV в своей конституции 1210 г. ограничивает наказание еретиков изгнанием их из империи, конфискацией их имущества и разрушением их домов. Фридрих II в своем статуте 22 ноября 1220 г. ограничился конфискацией имущества и признанием еретиков вне закона. Однако уже в своей конституции 1224 г. он постановил предавать еретика смертной казни или сожжением, или вырыванием языка, а в Сицилийской конституции 1231 г. Фридрих сделал обязательным сожжение на костре. Равеннский эдикт, изданный в марте 1232 г., определяет смертную казнь за принадлежность к ереси, но не указывает ее вида; зато Кремонский эдикт, изданный в мае 1238 г., распространил сицилийский закон на всю империю. Позднее такое же постановление появилось в Швабском и в Саксонском зеркалах, в муниципальных законах Северной и Южной Германии. В

Венеции с 1249 г. дож, вступая в управление, давал присягу сжигать всех еретиков. В 1256 г. кастильский король Альфонс Мудрый назначил сожжение на костре за переход из христианства в магометанство или иудейство. Во Франции только в 1270 г. в «Установлениях» Людовика Святого появилась статья, осуждавшая еретиков на сожжение живыми. В Англии, которая почти не знала ереси, статья «О сожжении еретиков» была установлена статутом только в 1401 г.

Декрет Луция III, предписавший отдавать еретиков в руки светской власти для наложения на них наказания, ссылается на текст из Евангелия от Иоанна: «Кто не пребудет во мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь; и они сгорают», а также на императорское законодательство и заключает, что смерть на костре является наказанием, вполне подходящим еретикам, «согласным с божескими и человеческими законами, а также с общепринятой практикой». Люди, посвятившие свою жизнь служению инквизиции, категорически заявляют, что виновный должен быть сожжен живым в присутствии народа; что можно сжечь население целого города, если он является притоном еретиков.

В то же примерно время, когда тысячи людей были преданы смерти в Лангедоке, Латеранский собор 1216 г. запрещал духовным лицам произносить смертные приговоры или присутствовать при казнях. В 1255 г. собор в Бордо запретил им даже писать или диктовать бумаги, относящиеся к смертным приговорам. При преследовании ереси духовный суд не выносил смертных приговоров; он ограничивался признанием обвиненного еретиком, после чего он его отпускал, т. е. предавал в руки светской власти, лицемерно при этом заклиная ее отнестись к нему снисходительно, пощадить его жизнь и не проливать его крови. Тем не менее инквизиторы облекли в форму закона, что всякий, даже только подозреваемый в недостаточно энергичном преследовании еретиков, сам совершал преступление, равное ереси, и заслуживал такого же наказания.

Как только успехи ереси приняли угрожающие размеры, в начале XII в., Гонорий Отенский провозгласил, что необходимо прибегать к мечу светских властей в отношении тех, кто, противясь слову Божию, будет упорно отказываться слушаться Церковь. В сборниках

канонического права XII в. содержится очень много положений об обязанностях светского монарха в деле искоренения ереси и о послушании его в этом предписаниям Церкви. Второй Латеранский собор 1139 г. предписывает всем владетельным лицам приводить еретиков к послушанию; третий Латеранский собор 1179 г. заявляет, что Церковь не жаждет крови, но что она обращается за помощью к светской власти, потому что люди, чтобы избежать телесных наказаний, готовы принять исцеление души. Декрет Луция III, изданный на Веронском соборе 1184г., обязывал всех светских суверенов давать в присутствии епископа присягу, что они будут исполнять все духовные и гражданские законы против ереси. Всякий отказ или упущение наказуемы отлучением от Церкви, потерей власти или ограничением ее; виновный город должно изолировать и лишать всякого общения с другими. Церковь дала почувствовать всем облеченным властью, что занимаемые ими места были, в сущности, должностями всемирной теократии, в которой все интересы были подчинены одной главной обязанности – поддерживать чистоту веры. Фридрих II заявлял, что он получил императорское достоинство для того, чтобы поддерживать и распространять веру. В булле Климента VI, подтверждающей избрание Карла IV, на первом месте стоят обязанности императора распространять веру и уничтожать ересь; небрежность короля Венцеслава в подавлении ереси Уиклифа была признана достаточным основанием для его низложения. Принципы, примененные в деле Раймунда Тулузского, были внесены в каноническое право, и всякий суверен должен был знать, что его земли будут отданы на разграбление, если он не будет решительно преследовать ересь. В таком же положении были и все светские должностные лица. Тулузский собор 1229 г. постановил, что всякий балль, проявивший недостаточно рвения в преследовании ереси, должен быть лишен имущества и права избрания на общественные должности. В 1244 г. Нарбоннский собор объявил, что, если кто-либо из светских судей промедлит в деле подавления ереси, он должен считаться единомышленником еретиков и подвергнуться равному с ними наказанию; это постановление было распространено и на тех, кто не схватит или не придет на помощь задержавшим еретика. Обязанность преследовать еретиков была возложена на всех, начиная

от императора и кончая последним крестьянином, под угрозой всех духовных и телесных кар, какими располагала Церковь XIII в.

Эти идеи были введены в государственное право Европы; из жестоких указов Фридриха II против ереси они вошли в сборники гражданского и феодального права и даже в местное законодательство. Так, например, в 1228 г., согласно Веронским статутам, всякий начальник города при своем вступлении в должность дает присягу изгонять из города всех еретиков; в «Швабском зеркале» говорится, что суверен, небрежный в преследовании еретиков, должен быть лишен всех своих владений и что если он не предаст сожжению всех тех, кого передаст ему духовный суд как еретиков, то он должен быть сам наказан за ересь.

Церковь настояла на том, чтобы жестокие указы Фридриха читались и объяснялись в высшей юридической школе в Болонье как основное положение законоведения и чтобы они были внесены в каноническое право. Папы неоднократно приказывали вносить эти указы в сборники законов городов и государств; на обязанности инквизитора лежало требовать их исполнения от всех должностных лиц под страхом отлучения нерадивых от Церкви. Но даже и само отлучение, лишавшее судью власти и компетенции, не избавляло его от обязанности наказывать еретиков по требованию епископа или инквизитора.

Христианам не только внушали, что их главная обязанность способствовать уничтожению ереси, но их заставляли даже доносить на еретиков властям. Принадлежность к ереси уничтожала все узы, соединяющие людей: детям внушали, что они должны покидать своих родителей; даже таинство брака не могло соединить верную католическую женщину с мужем-еретиком. Не больше значения имели и частные обязательства. Иннокентий III объявляет, что «тот, кто верен в отношении еретика, не верен в отношении Бога». Вероотступничество, говорит епископ Лука Тудельский, величайшее преступление; вследствие этого, если кто клятвенно обещал не выдавать этого проступка, все же должен объявить о ереси и покаяться

в клятвопреступлении, ему будет дано прощение греха ввиду его ревности к вере.

Колебание в отношениях Церкви к еретикам, проявленное в XI и XII вв., совершенно пропало в XIII в. Всякий, вера которого покажется сомнительной, должен был считаться еретиком; то же относится и к схизматикам, которые, принимая все догматы религии, не оказывают римской Церкви должного повиновения. И те и другие должны быть силой приведены в лоно католической Церкви.

Ересью объявлялась и небрежность в соблюдении папских декреталий, так как в этом сказывается неуважение к папской власти.

Святой Фома Аквинский устанавливает следующие правила. Еретикам не должно быть оказываемо никакого снисхождения. Церковь в своем милосердии дважды обращается к ним с увещаниями; если они и после этого продолжают упорствовать, то они должны быть выданы светской власти и изъяты из общества людей посредством смертной казни.

Однако Церковь в своем милосердии всегда готова принять еретика, даже много раз изменявшего вере; она готова наложить на него покаяние, чтобы дать ему возможность снискать жизнь вечную; но кротость к одним не должна исключать строгости к другим. Так, всякий еретик, кающийся в своих заблуждениях и отрекающийся от них в первый раз, должен быть подвергнут покаянию и ему должна быть оставлена жизнь; но если он снова впадет в ересь, то хотя на него и можно наложить покаяние, чтобы спасти его душу, но он тем не менее должен быть казнен смертью.

Не избегали гнева Церкви даже мертвые. Человек, скрывший свое беззаконие и умерший смертью христианина, не должен был покоиться на освященной земле, за него не должны были молиться верные; он не только избежал наказания, но его имущество, подлежавшее конфискации в пользу Церкви и государства, незаконно перешло к его наследникам, и его следовало отобрать у них.

Веронский собор 1184 г. официально отлучил от Церкви всех еретиков; всякий отлученный, если он не попросит отпущения грехов в течение года, осуждался бесповоротно; следовательно, все еретики, которые умерли без последнего напутствия и не отреклись от ереси, уже сами себя осудили и не имели права на погребение на освященной земле. Если же они были погребены как христиане, то, как только обнаружилась ошибка, их следовало вырыть и сжечь; следствие, устанавливавшее их виновность, было простым расследованием их поступков, а не обвинением; а карательные меры вытекали сами собой. Обычай вырывать тело еретика вошел во всеобщее употребление; было признано, что великий грех предать погребению тело еретика или его покровителя; даже невольный виновный в нем мог получить прощение, если собственноручно выроет тело. Дела о мертвых играли видную роль в деятельности инквизиции.

Люди святой доброты, высокого ума проявляли страшную жестокость, когда дело касалось ереси, и были готовы подавить ее самыми бесчеловечными наказаниями. Как показывают судебники и судебные хроники европейских стран XIII – начала XIX в., строгость наказаний возрастала начиная с XIII в., и это, очевидно, было следствием пагубного влияния инквизиции на уголовный суд Европы.

Люди смотрели на ересь не только как на преступление, а как на мать всех преступлений. Фома Аквинский доказывает, что ересь более всех преступлений отделяет человека от Бога, что она – преступление по преимуществу и наказания за нее должны быть самыми тяжелыми. Стефан Палеч Пражский перед Констанцским собором объявил, что верование, в тысяче пунктах католическое и в одном пункте ложное, должно считаться еретическим. Ни один католик не сомневался, что еретик был непосредственным и действенным орудием Сатаны в его вечной борьбе против Бога.

Искренность большинства людей, бывших орудием инквизиции, и их глубокое убеждение, что они трудились во славу Бога, подтверждаются, между прочим, тем, что обыкновенно их поощряли к деятельности дарованием индульгенций, как за паломничество в Святую Землю. Кроме нравственного удовлетворения по поводу

исполненного долга, это была единственная награда их за труд, и они вполне удовлетворялись ею. Уничтожение еретиков было делом, которое радовало верных, и тем более должны были они радоваться, если их внутреннее убеждение или общественное положение налагало на них долг преследования; схоластическое богословие поучало, что преследование есть проявление любви к ближнему и чрезвычайно полезно для тех, против кого оно возбуждается.

Очень часто в преследованиях играли видную роль эгоистические и корыстные мотивы, гордость и честолюбие не менее, чем чувство долга перед Богом и людьми. Не нужно также упускать из виду, что религиозное восстание угрожало мирским благам Церкви и привилегиям ее членов; сопротивление, которое встречало всякое новшество, до известной степени объясняется желанием удержать эти преимущества. Вожди Церкви считали своей священной обязанностью сохранять унаследованные ими права и бороться за их удержание против врагов, учение которых стремилось ниспровергнуть то, что они считали основанием социального строя.

Еще один мотив, более низменный и грязный, возбуждал деятельность инквизиции и зажигал дикий фанатизм: конфискации имущества повсюду были обычным наказанием еретиков.

Глава 6. НИЩЕНСТВУЮЩИЕ МОНАХИ

В народных массах сильно чувствовалась потребность в Церкви, которая соблюдала бы заветы своего божественного Основателя. В конце XII в. явился апостол, деятельность которого некоторое время внушала надежды, что удастся без насилия провести полную реформу в жизни народа и духовенства и что эта реформа осуществит наконец те прекрасные обещания, которые Церковь дала человечеству.

Фульк из Нейльи был мало образованный священник, глубоко убежденный, что забота о душах людей обязывает его на проповедь веры. Иннокентий III разрешил ему проповедовать публично. Скоро опыт и навык открыли ему дорогу в сердца людей, а легенда объясняет его дар проповедника и чудотворца наитием Св. Духа, давшим ему, кроме того, и дар творить чудеса. Много катаров обратил он силой своего слова; благодаря ему удалось открыть и сжечь Корбиньи, известного ересиарха из Нивернэ. Фульк обличал распущенность духовенства, за что в Лизье был брошен в цепи в тюрьму; но как утверждала молва, ему удалось чудесным образом освободиться и бежать из города. Папа Иннокентий III поручил ему в 1198 г. проповедовать крестовый поход. Умер Фульк в Нейльи в мае 1202 г., когда выступили в поход крестоносцы, которых он должен был сопровождать; все свое имущество он завещал этим пилигримам.

Совершенно не походил на Фулька каталонец Дурандо из Уэски. Он был одним из вождей еретиков – вальденцев, но после диспута 1207 г. в Памье с епископами Осмы, Тулузы и Консеранса обратился в католичество и посвятил себя обращению заблудших душ. Он писал трактаты против ереси и составил проект основания ордена, который служил бы образцом нищеты и бескорыстия и занялся бы проповедью веры; орден этот должен был сражаться с еретиками таким же духовным оружием, которым еретики отвращали людей от Церкви. Он в Испании и в Италии обратил многих из своих бывших единоверцев. Иннокентий III после беседы с Дурандо одобрил его план. Большинство членов новой общины были духовные лица,

истратившие все свое имущество на добрые дела; они давали обет жить в самом строгом целомудрии и аскетизме. Более ученые должны были проповедовать среди верных и обращать еретиков, но не обличать пороки духовенства; остальные должны были заниматься физическим трудом, чтобы уплатить Церкви все десятины и иные приношения, которые она требовала. Забота о бедных должна была стать одной из самых главных обязанностей нового ордена. Они имели право избирать своего начальника и не были подсудны суду прелатов. Устав Бедных Католиков – как они назывались – заключал в себе все то, что позднее было принято св. Домиником и св. Франциском. Это было началом великих нищенствующих орденов. В 1209 г. Дурандо основал общины в Арагоне, Нарбонне, Безье, Узесе, Каркассоне и Ниме; но прелаты Лангедока отнеслись к нему враждебно. Бедные Католики принимали к себе мнимо обращенных еретиков. Папа брал Дурандо под свое верховное покровительство, приказывал прелатам оказывать поддержку его общине. Тем не менее о Бедных Католиках после 1212 г. почти не упоминается; в 1237 г. Григорий IX предписал доминиканскому провинциалу в Таррагоне заставить их принять устав одного из утвержденных монашеских орденов. Послание Иннокентия IV от 1247 г. к архиепископу Нарбонны и епископу Эльна запрещает Бедным Католикам проповедовать.

Совершенно иной успех имел Доминго де Гузман, которого римская Церковь чтит как самого великого из своих подвижников. Он родился в 1170г. в Каларуэге в Старой Кастилии от родителей, которых доминиканцы выводят из царского рода. Святой сделали даже его мать, Хуанну де Ага; поднимался (безуспешно) вопрос о причислении и его отца к лику святых. Даже купель, в которой крестили св. Доминика, стала предметом особого поклонения: ее перенесли в Мадрид в королевский монастырь св. Доминика для крещения членов королевского дома. Десять лет учения в университете в Паленции сделали из Доминика ученого богослова. В 1206 г. епископ Осмы Диего проповедовал в Лангедоке Евангелие, а возвращаясь в Испанию, оставил в Лангедоке своего помощника – Доминика.

Легат с соизволения папы Иннокентия разрешил в 1207 г. ему проповедовать. Он основал монастырь в Пруйле. Для борьбы с

распространением ереси Доминик выработал около 1206 г. проект школы для бедных девушек из хороших семей католиков и осуществил его при помощи епископа Тулузского. Пруиль сделался скоро огромным и богатым монастырем, который стал колыбелью доминиканского ордена. В 1214 г. Петр Селла, богатый гражданин Тулузы, присоединился к Доминику и отдал ему свой дом близ Нарбоннского замка, и этот дом более столетия служил главным местопребыванием инквизиции. Еще несколько ревностных людей примкнуло к Доминику, и они начали вести монашеский образ жизни. Тулузский епископ, фанатик Фульк, предоставил им шестую часть десятинных доходов, чтобы они могли приобретать книги и другие предметы для их обихода и для обучения будущих проповедников.

Фульк, отправляясь в Рим на Латеранский собор, взял с собой Доминика, чтобы получить от папы утверждение новой монашеской общины. Иннокентий после неудачи Дурандо недоверчиво относился к начинаниям энтузиастов; собор запретил основание новых монашеских орденов. Рассмотрев проект Доминика, Иннокентий одобрил его план с условием, что Доминик и его братья примут устав одного из существующих орденов.

Вернувшись, Доминик собрал свою братию в Пруиль. Последняя состояла тогда из шестнадцати человек, пришедших из Кастилии, Наварры, Нормандии, Северной Франции, Лангедока, Англии и Германии. Эта монашеская община приняла устав регулярных каноников св. Августина, к которым принадлежал Доминик, и избрала аббатом Матвея Галльского. В дальнейшем развитии орден делился на провинции, и каждая из них находилась в ведении своего провинциального приора; все приоры зависели от одного генерала. Все должности были выборными, и были выработаны правила для провинциальных и общих капитулов. Всякий монах был обязан во всем повиноваться своему старшему. Братья должны были жить среди мирян, и их готовили к этому; они хорошо умели убеждать других, были сведущи в богословии и риторике и готовы на все решиться и все перенести в интересах воинствующей Церкви. Имя Братьев-Проповедников они получили от самого папы Иннокентия. Обета бедности не было в первоначальном уставе ордена. Он был принят в

1220 г., а в основные правила ордена был внесен только в 1228 г. За папским утверждением ордена отправился в Рим сам Доминик, но Иннокентий умер до его приезда. Новый папа, Гонорий III, разделял взгляды Доминика и 21 декабря 1216 г. утвердил его орден. Вернувшись в 1217 г. в Тулузу, Доминик разослал своих учеников в Испанию, в Париж, в Болонью; сам Доминик вернулся в Рим, где, благодаря благоволению к нему папского двора, приобрел много учеников. Отправленные в Париж встретили там самый радушный прием: им отдали монастырь Святого Иакова, где они основали знаменитый Якобинский монастырь, существовавший до уничтожения ордена революцией 1789 г.

В 1221 г. орден уже насчитывал шестьдесят монастырей и был разделен на восемь провинций – Испания, Прованс, Франция, Англия, Германия, Венгрия, Ломбардия и Романья. В 1337 г. всей доминиканской братии насчитывалось до двенадцати тысяч человек. Смерть Доминика в 1221 г. не задержала развитие вскоре ставшего могущественным Ордена. Самые образованные люди эпохи вступали в доминиканский орден.

Папство оценило его заслуги. В 1243 г. ученый Гуго Вьеннский первый из доминиканцев стал кардиналом; а в 1276 г. доминиканец брат Петр из Тарентезы стал папой под именем Иннокентия V.

Самого Доминика 3 июля 1234 г. папская булла причислила к лику святых.

Если св. Доминик был деятельным и опытным миссионером, то св. Франциск являлся аскетом-созерцателем, с беспредельной любовью и неутомимым служением на пользу ближнего. Джованни Бернардоне родился в 1182 г. Он был сыном богатого купца в Ассизе. Когда ему исполнилось двадцать лет, опасная болезнь резко изменила его характер, он перестал предаваться рассеянной жизни молодежи своего круга и посвятил себя делам благотворительности, чем заслужил славу тронувшегося умом. Отец, убедившись, что сын твердо решил идти своей дорогой, привел его к епископу, чтобы юноша перед духовным лицом отрекся от наследства; Франциск исполнил это. Все мысли Франциска отныне были направлены к трудам для собственного

спасенья, терпя добровольное нищенство и служа ближним, даже прокаженным; слава о его святости распространялась быстро.

Вскоре присоединились к нему последователи и образовалась группа из восьми человек. Тогда Франциск решил идти в мир проповедовать Евангелие; к нему добровольно присоединились еще четверо, Франциск выработал устав, и все двенадцать, как говорит францисканское предание, чтобы получить признание от папы, явились в Рим, где в это время заседал Латеранский собор. Красноречие и серьезная убежденность Франциска увлекли папу; устав был одобрен и братьям было разрешено идти проповедовать слово Божье. В первое время братья должны были зарабатывать себе пропитание личным трудом; прошение милостыни им разрешалось только в случае крайней нужды. Братья после некоторых колебаний посвятили себя евангельской проповеди; и францисканский орден стал одной из наиболее могущественных организаций христианского мира. Когда в 1221 г. Франциск созвал первое общее собрание ордена, то число присутствующей братии насчитывало от трех до пяти тысяч, причем среди них присутствовал один кардинал и несколько епископов; на капитуле 1260 г. орден был разделен на тридцать три провинции и три викариата (наместничества), всех настоятельств было в нем сто восемьдесят два. К этому времени орден проник уже во все католические и даже в окрестные страны. Минориты (меньшие братья), как они сами называли себя, настолько отличались от всех существовавших в Церкви монашеских орденов, что первые францисканцы из Германии и Венгрии были изгнаны как еретики. Во Франции их поначалу приняли за катаров из-за строгости их жизни. В Испании пятьсот миноритов умерли мученической смертью. Иннокентий только словесно одобрил их орден; так как он умер, то надо было как-то оградить братьев от преследований. Поэтому Франциск составил новый устав, менее строгий, чем первый, и представил его Гонорию. Папа одобрил его, сделав, однако, некоторые изменения, но Франциск отказался менять что-либо в своем уставе, утверждая, что все пункты его продиктованы самим Иисусом Христом. Этот устав очень прост; в сущности, это не что иное, как краткое толкование клятвы, которую давал всякий брат в том, что будет жить по Евангелию в послушании, в целомудрии, в нищете. Всякий

желавший вступить в орден должен был свое имущество раздать бедным; если то было невозможно, то достаточно было одного желания сделать это. Всякий мог иметь только самую необходимую, грубую и дешевую, одежду, обувь могли носить только те, кто совершенно не мог без нее обойтись. Все должны были странствовать пешком. Никто не должен был брать денег, ни сам лично, ни через третье лицо; только министры (главные провинциалы) могли брать деньги на уход за больными и покупку одежд, в особенности в странах с суровым климатом. Работа строго предписывалась всем способным к физическому труду; но вознаграждение за нее нельзя было брать деньгами, а лишь необходимым трудящимся и их братьям. Устав требовал полной нищеты и полного самоотречения и повиновения. Особенно убеждал Франциск братьев верно служить Риму. Глава ордена – генерал-министр выбирался провинциальными министрами, которые могли сместить его, если этого требовали общие интересы ордена. Разрешения на проповедь давались генералом, но никто из братьев не имел права проповедовать в епархии без разрешения местного епископа.

Бедность была тем краеугольным камнем, на котором Франциск воздвиг здание своего ордена. Но стремление сохранить это сверхчеловеческое совершенство породило раскол, давший инквизиции массу жертв, ересь которых заключалась только в том, что они строго следовали наставлениям Франциска.

Организаторские таланты Франциска и Доминика сказались еще в создании терциариев (братств мирян при монашеских орденах). Франциск выработал устав, который позволял лицам обоего пола, не выходя из мира, присоединиться к ордену, который им покровительствовал. Устав запрещал прибегать к оружию, за исключением случаев защиты римской Церкви, христианской веры и своих собственных земель. Проект был одобрен папой в 1221 г.; официальным названием нового установления было «Братья и Сестры Покаяния», но оно известно как Третий Орден Миноритов, или францисканцев. Подобную же общину создал Доминик, дав ей более вызывающее название – «Милиция Иисуса Христа». Нищенствующим орденам были предоставлены всевозможные привилегии и льготы.

Григорий IX, Иннокентий IV, Бонифаций VIII в течение 1240-1244 и 1295-1296 гг. сделали их совершенно независимыми от местных церковных властей, освободили нищенствующих монахов от подсудности суду епископа; одни только статуты ордена должны были быть применяемы к ним, несмотря ни на какие положения канонического права.

Отныне Святой Престол имел в своем распоряжении собственную армию, набираемую и содержимую верными, защищенную от нападений даже самого духовенства и всецело преданную интересам Рима. В 1241 г. Григорий IX дал братьям право свободно жить среди отлученных, таким образом, они могли проникать всюду и служить тайными лазутчиками даже во владениях тех, кто был враждебно настроен против папства. Никогда до этого не было более грозной армии, ибо монахи были полны ревности и глубоко убеждены в правоте своего дела; окружавший их ореол святости обеспечивал им расположение и поддержку народа и давал им большое преимущество в их постоянных стычках с местными церквями.

Сила новой армии в борьбе Святого Престола с его светскими врагами подверглась испытанию в борьбе пап с Фридрихом II. В 1229 г. всех францисканцев изгнали из Неаполитанского королевства, как папских лазутчиков, возмущавших подданных императора. В 1234 г. в Англии они собирали деньги для папы на продолжение борьбы с Фридрихом. Когда Григорий на Пасху 1239 г. отлучил императора от Церкви, он поручил францисканцам читать свой эдикт народу. Когда Лионский собор в 1244г. низложил его, то огласить это решение было поручено доминиканцам. Фридрих всегда утверждал, что заговор на его жизнь в 1244 г. был делом францисканцев, которые проповедовали тайно крестовый поход против него в его же собственных землях. Когда папе разными интригами удалось в 1246 г. избрать вместо Фридриха римским королем Генриха Распа Тюрингенского, Иннокентий IV повелел францисканцам всемерно защищать его интересы. В 1248 г. братья обоих орденов были снова посланы сеять смуты среди подданных Фридриха. Император ответил на это повелением не изгонять, как прежде, а сжигать нищенствующих. Однако нищенствующие монахи продолжали проповедовать

крестовый поход против Фридриха, а после его смерти против его сына Конрада.

Со временем нищенствующие монахи начали вместо епископов сообщать народу папские распоряжения или приводить их в исполнение. Они представляли сеть невидимой полиции, охватившую всю Европу. Раньше, когда поступала в Рим жалоба на злоупотребления какого-либо прелата, составляли комиссию из двух-трех епископов или местных аббатов и поручали ей произвести следствие и представить отчет или реформировать ту церковь или тот монастырь, где было обнаружено злоупотребление. Вскоре эти важные обязанности стали поручаться одним только нищенствующим монахам, через которых папская власть давала себя чувствовать во всех епископских дворцах и во всех аббатствах Европы.

Роль следователей, навязанная нищенствующим монахам, вызвала столкновение между новыми орденами и старым строем Церкви, который они стремились изменить. Гораздо более серьезной причиной к несогласиям было предоставление нищенствующим монахам права проповеди и исповеди. Епископы тщательно охраняли свое право проповедовать, но дело проповеди находилось в полном забросе.

В уставе доминиканцев 1228 г. было обусловлено, что никто из братии не может проповедовать в епархии без согласия местного епископа и что проповедник не должен обличать пороки духовенства. В уставе св. Франциска это было также предусмотрено.

Папа Гонорий III обратился к епископам с просьбой разрешить доминиканцам проповедовать и принять меры к подготовке проповедников из среды белого духовенства и к поднятию среди него богословского образования. В 1227 г. Григорий IX ознаменовал свое вступление на папский престол предоставлением обоим орденам права проповедовать, исповедовать и отпускать грехи повсеместно; странствующие монахи, вопреки своим уставам, постепенно захватили все приходы и взяли на себя все заботы о душах людей к великому неудовольствию местного духовенства, которое из-за этого теряло свои главные доходы и влияние.

Еще более увеличивало поводы к столкновениям то обстоятельство, что миряне повсюду предпочитали нищенствующих своим священникам.

Белое духовенство постепенно теряло паству. Иннокентий IV неожиданно в ноябре 1254 г. буллой поддержал белое духовенство и резко ограничил права нищенствующих в приходах. Орденам грозил упадок.

Смерть Иннокентия 7 декабря 1254 г. была спасением для нищенствующих орденов. Новый папа Александр IV, избранный уже через две недели после смерти Иннокентия, был всецело на стороне нищенствующих. Назначение им доминиканца и францисканца папскими капелланами показало это. 31 декабря, через десять дней после своего избрания, папа энцикликой отменил буллу Иннокентия, направленную против нищенствующих.

14 апреля 1255 г. вышла булла «Жизнь подобна дереву», которая решала в пользу доминиканцев их спор с Парижским университетом, выступив против привилегий орденов. Но профессора Сорбонны начали громить нищенствующих со своих кафедр.

Фома Аквинский и францисканец Бонавентура возражали на эти нападки. Первый в трактате «Против осквернения религии» доказал, что братья имели право поучать, проповедовать, исповедовать и жить, не работая; он опроверг обвинения, направленные против их нравственности. Он доказывал, что они имели право бороться с клеветчиками на них, искать защиту в судах и даже охранять себя оружием и карать своих преследователей. Бонавентура в своем трактате «О чистоте христианства» утверждал, что пример Христа является решительным доказательством в пользу бедности и нищеты, а в своих «Апологетическом памфлете» и «Рассуждениях о том, как отзываются о младших братьях» он откровенно и энергично раскрыл недостатки, пороки, грехи, разврат и упадок белого духовенства.

Булла «Римский епископ» объявила 5 октября 1256 г., что книга лидера университета Вильгельма де Сент-Амура «Об опасностях нового времени» полна лжи, обмана и соблазна, гнусна и зла. Было

приказано сжечь ее перед курией и перед университетом; все экземпляры должны были быть доставлены и уничтожены в течение недели, и всякий, кто стал бы защищать изложенное в книге, приравнивался к мятежникам. Посланные Людовиком Святым и университетом делегаты были принуждены подписаться под этим решением и признать за нищенствующими право проповедовать, исповедовать и жить милостыней на счет других. Отказался подписаться один только Вильгельм. Александр предложил всем профессорам и проповедникам воздерживаться от нападок на нищенствующих под угрозой потери своих бенефиций.

Победа нищенствующих монахов была полная. Университет смирился перед папой, и только один Вильгельм де Сент-Амур ни в чем не уступал, ни от чего не отказывался. В августе 1257 г. папа Александр запретил ему возвращаться во Францию из Рима и навсегда запретил проповедовать. Папа просил Людовика Святого закрыть мятежному богослову въезд в пределы королевства. Последним актом этой ссоры было послание папы Александра от 3 декабря 1260 г., уполномочивавшее парижского епископа дать отпущение всем, у кого имелись сочинения Вильгельма, с условием, чтобы они выдали их на сожжение. Вильгельм умер в 1272 г. и был погребен в своей родной деревне Сент-Амур.

Захват нищенствующими монахами всего в свои руки возбудил против них общую и глубокую вражду всего духовенства, которое боялось не только за свои привилегии, за свои богатства и за свой авторитет, но понимало также, что новая папская милиция окончательно подчинит его Риму и лишит его последней независимости. Если уж сам Парижский университет, опирающийся на симпатии прелатов всего христианского мира, потерпел неудачу, то другим нечего было рассчитывать на успех; надо было склониться перед этими пришельцами, о которых папа говорил, что они — «золотые фиалы, наполненные сладким благоуханием».

Однако булла Климента IV от 1268 г., запрещающая архиепископам и епископам рассуждать о привилегиях, предоставленных нищенствующим, показывает, что вражда не угасла.

В Леоне и в Галисии собрание епископов и аббатов отмечает в 1283 г. как одну из обязанностей их союза борьбу против усиления доминиканцев и францисканцев и против несправедливостей, наносимых ими монастырям и белому духовенству.

В 1323 г. Иоанн XXII признал еретическим учение Иоанна де Пуальи, утверждавшего, что исповедь у братьев не имеет никакого значения и что всякий должен исповедоваться только у своего приходского священника.

В 1351 г. духовенство снова поднялось против нищенствующих. К папе Клименту VI явилась депутация кардиналов, епископов и священников, прося его или уничтожить нищенствующие ордены, или хотя бы сократить их привилегии: они просили папу запретить нищенствующим проповедовать и исповедовать и брать деньги за похороны. Но папа заявил депутации: «Если вы заставите их замолчать, то о чем сами-то вы будете говорить народу? О смирении? Но ведь вы – первые гордецы, вы высокомерны и гонитесь за внешним блеском! О бедности? Но ведь вы так жадны до денег, что вам мало было бы церковных доходов всего мира! О целомудрии?... Но об этом я лучше уж помолчу... Коли пошло на правду, то нечего вам жаловаться, что нищенствующие получают часть имущества тех покойников, которых они напутствовали на смертном одре в то время, как вы позорно бежали; нечего плакаться, что они тратят эти деньги на сооружения, служащие только во славу Бога и Церкви, а не мотают их на кутежи и удовольствия. И обвиняете вы нищенствующих только потому, что не живете так, как они, что большинство из вас ведет жизнь суетную и пустую».

В 1373 г. белое духовенство Сицилии оспаривало право нищенствующих исповедовать. В 1386 г. Зальцбургский собор постановил, что нищенствующие не имеют права проповедовать и исповедовать без разрешения епископа и без приглашения местного священника. В 1393 г. Майнцский архиепископ прекратил на время преследование вальденцев и особым эдиктом объявил, что нищенствующие суть волки в овечьей шкуре и запретил им исповедовать. С другой стороны, францисканец магистр Иоанн

Говельский публично утверждал в 1408 г., что священники не имеют права проповедовать и исповедовать, что это могут только братья; но Парижский университет заставил его отказаться от своего заявления.

В 1409 г. нищенствующие жаловались, что священники называют их ворам и волками и требуют, чтобы всякий, исповедовавшийся у них, шел вторично на исповедь к своему приходскому священнику. Александр V, сам францисканец, ответил на их челобитную буллой «Царствование на небесах», которая объявляла еретиками тех, кто будет утверждать, что исповедь нищенствующего монаха недействительна или что на исповедь у него надо испрашивать согласие приходского священника. Но Парижский университет отказался принять эту буллу, заставил доминиканцев и кармелитов публично отречься от нее и изгнал не согласившихся на это францисканцев и августинцев. Канцлер университета Жан Герсон (Жерсон) выступил против буллы с публичной проповедью и в своей речи указал четырех гонителей Церкви: тиранов, еретиков, нищенствующих и антихриста. В 1446 г. Евгений IV опубликовал новую буллу «Паствой слава вверенная», в которой осуждалось учение Иоанна де Пуальи, а в 1453 г. Николай V подтвердил это буллой «Забота наша». Эту буллу в 1456 г. парижский университет не принял и объявил, что она подложная, нарушает мир и ниспровергает иерархическое чиноподчинение. Университет постановил не принимать в число своих членов братьев, которые будут признавать эту буллу. Правда, в 1458 г. один вальядолидский священник, не признававший за нищенствующими монахами права на отправление обязанностей священника, был вынужден публично отречься от своего мнения в своей же собственной церкви; но борьба все продолжалась, порождая скандалы. Нищенствующие и прелаты Германии после долгой борьбы пришли к соглашению, которое было в 1480 г. утверждено Сикстом IV. Священники не должны были учить что нищенствующие ордены являются рассадником ереси, а братья не должны были учить, что прихожане могут не посещать обеден в своих приходских церквях по воскресным и праздничным дням; за это им давалось право исповедовать и отпускать грехи. И священники и братья одинаково не должны были оказывать давления на мирян в вопросе о месте погребения; обе стороны должны были перестать

оскорблять и оговаривать друг друга в своих речах. В этом соглашении видели залог прочного мира для всей католической церкви и внесли его в канонический закон. Однако на Латеранском соборе 1515 г. епископы приложили все усилия, чтобы добиться отмены исключительных привилегий нищенствующих монахов. В следующем году было заключено новое соглашение, также в пользу нищенствующих.

Доминиканцы и францисканцы совершенно не имели высоких добродетелей, которыми отличались их основатели. Лишь только ордены стали распространяться, как появились лжемонахи, смеющиеся над обетом бедности и пользующиеся проповедью как источником для грязных доходов. В 1233 г. Григорий IX был вынужден строго напомнить главному капитулу доминиканцев, что бедность, проповедуемая орденом, должна быть действительной, а не притворной. Постоянное использование папами братьев в качестве политических лазутчиков отвлекало их от духовных обязанностей, привлекало в их среду людей честолюбивых и беспокойных и, наконец, наложило на эти ордены светский характер, совершенно противоположный их первоначальной идее. Ведя бродячий образ жизни, братья находились вне всякого контроля, они были подсудны только своим начальникам и подчинялись законам только своего ордена; все это увеличивало и делало более опасной общую всему духовенству неприкосновенность.

«Ангельская религия» францисканцев была подвержена всем превратностям человеческой слабости. Столкновения между теми, кто вступал в орден по убеждению, и теми, кто вступал в него из честолюбия, были неизбежны.

Многие братья прибегали ко всем тонкостям диалектики, чтобы согласовать обладание несметными богатствами с предписанным уставом отрицанием всякой собственности. Св. Бонавентура, занявший в 1257 г. пост генерала ордена францисканцев, разослал своим провинциалам энциклику, заканчивавшуюся следующими словами: «Бесчестная и низкая ложь – проповедовать полную нищету и в то же время ни от чего не отказываться; на народе просить милостыню, как нищий, а дома у себя утопать в роскоши». Но упреки св. Бонавентуры

не изменили дела, и борьба внутри ордена продолжалась и дошла до того, что были признаны еретиками те, кто строго следовал уставу.

Таково было развитие нищенствующих орденов в их сложных отношениях к Церкви. Но их широкая деятельность не ограничивалась защитой Святого Престола и возрождением религиозного чувства. Часть своей энергии они посвящали миссионерству. С 1225 г. действуют миссионеры обоих орденов в Марокко. В 1223 г. францисканцы были посланы для обращения дамаскского султана, калифа и народов Азии. В 1237 г. стараниями доминиканцев были воссоединены с Церковью якобиты Востока; они же подвизались среди несториан, грузин, греков и других схизматиков Леванта. Такие же индульгенции, как крестоносцам, давались и тем, кто отправлялся в эти опасные миссии.

Специальным полем деятельности нищенствующих было обращение и преследование еретиков. Инквизиция должна была неизбежно попасть в их руки, как только бессилие старых духовных судов сделало необходимым создание нового учреждения. Открыть еретика и доказать его вину было нелегко; для этого нужно было иметь специальную подготовку, именно ту самую, которую старались дать своим adeptам ордены, подготавливая их к деятельности проповедников и исповедников. Готовые по первому знаку идти на самый край света, всей душой преданные Святому Престолу, они были незаменимыми слугами папской инквизиции, которой суждено было постепенно заменить собой епископский суд и привести в подчинение местные церкви.

Мнение, что Доминик был основателем инквизиции и первым генерал-инквизитором, неразрывно связано с католической традицией. Но только через десять лет после его смерти можно говорить о папской инквизиции как о судебном учреждении. Видное участие в этом преемников Франциска объясняет возникновение связанной с его именем легенды, которой можно придавать такую же веру, как и другому утверждению историка ордена, что более ста тысяч еретиков было обращено учением, заслугами и чудесами святого Франциска.

Страдает преувеличением и легендарным характером утверждение, что организация инквизиции и ее упрочение было делом одного доминиканского ордена. Рим никогда не возлагал официально на доминиканцев инквизиторских обязанностей; не было также никакого официального постановления об учреждении инквизиции. Доминиканцы были только наиболее подходящим и лучше подготовленным орудием для розыска скрывающихся еретиков, тем более, что их главной обязанностью была проповедь и обращение. Когда же обращение уступило преследованию, то не менее полезными оказались и францисканцы, которые разделили с доминиканцами все труды по организации инквизиции. Впрочем, всякий раз, как того требовали обстоятельства, не задумывались возлагать инквизиторские обязанности и на любое духовное лицо. Несомненно, первые инквизиторы были из доминиканцев. Когда, после заключения договора между Раймундом Тулузским и Людовиком Святым, серьезно принялись за уничтожение альбигойской ереси, то епископские суды оказались не в силах выполнить эту задачу, и были посланы доминиканцы, которые должны были работать под руководством епископов. Понемногу в руки доминиканцев перешла борьба с ересью и на севере Франции. В 1232 г. их рекомендовали Таррагонскому архиепископу в Арагоне как людей, опытных в деле розыска еретиков. Формально ведение расследований было поручено им в 1249 г. Вскоре юг Франции был разделен между ними и францисканцами; доминиканцам была поручена западная часть, а францисканцам — графство Венессен, Прованс, Форкалькье и имперские земли в провинциях Арль, Э и Эмбрен. В Италии Иннокентий IV в 1254 г. предоставил доминиканцам Ломбардию, Романью, Тревизо и Геную, а центральная часть полуострова была отдана францисканцам; в Неаполе в это время инквизиция не была еще введена.

В Германии и в Австрии инквизиция находилась в руках доминиканцев; францисканцы же действовали только в Далмации и Богемии. Иногда оба ордена работали совместно. В 1237 г. францисканец был присоединен к доминиканцу в Тулузе в надежде, что репутация относительной кротости, которой славились францисканцы, смягчит отвращение населения к новому учреждению. В апреле 1238 г. Григорий IX назначил провинциалов обоих орденов в

Арагоне инквизиторами этого королевства; то же и в том же году сделал он и в Наварре. В 1255 г. францисканский настоятель Парижа был вместе с доминиканским приором поставлен во главе французской инквизиции. В 1267 г. оба ордена посылают инквизиторов в Бургундию и Лотарингию; в 1311 г. два доминиканца и один францисканец совместно являются инквизиторами в Равенне.

Но между обоими орденами издавна росли соперничество и ненависть, и обе стороны только искали случая, чтобы удовлетворить ее, не стесняясь в средствах, что грозило Церкви крупным скандалом и большой опасностью.

Так, например, в 1266 г. ссора возникла между доминиканцами Марсея и францисканцем, инквизитором этого города. Раздор распространился по всему Провансу.

Повсюду они публично проповедовали друг против друга и возводили друг на друга всевозможные обвинения. Климент IV был вынужден запретить на будущее время инквизиторам пользоваться своей властью для взаимных преследований, хотя бы виновность одной из сторон и была вполне очевидной, так как во время этой борьбы пользовались всеми средствами, предоставляемыми инквизицией. В 1479 г. Сикст IV был снова вынужден запретить инквизиторам привлекать к суду членов соперничавшего с ними ордена.

Вражда между двумя орденами была настолько сильна, что Климент IV счел необходимым определить, чтобы между их владениями постоянно находилась нейтральная полоса, по крайней мере, около тысячи километров. Возникли даже споры о праве на место в процессиях и при погребениях, и в 1423 г. Мартин V признал преимущество за доминиканцами. Однако, несмотря на соперничество, оба нищенствующие ордена с начала XIII в. были наиболее деятельной силой не только Церкви; они оставили глубокий след в развитии средневекового общества, как в хорошем, так и в дурном отношении.

Глава 7. УСТАНОВЛЕНИЕ ИНКВИЗИЦИИ

Альбигойские крестовые походы положили конец открытому сопротивлению, но число еретиков не уменьшалось, только было труднее обнаруживать их, так как они стали тщательнее скрываться. Раскрыть и доказать преступление ереси трудно, и когда развитие ее принимало угрожающие размеры, то те духовные лица, которым следовало подавить ее, должны были провести дело через три неизбежные ступени: обнаружение виновного, доказательство его виновности и, наконец, его наказание.

Епископы ожидали, пока народная молва не указывала им на отдельного человека или на целую группу людей как на зараженных ересью. Когда виновность подозреваемого лица была выяснена, то редко находили внешние доказательства его вины, ибо, за исключением тех случаев, где многочисленность отпавших делала невозможным применение репрессий, сектанты всюду очень старательно исполняли все обряды религии; с другой стороны, духовенство, мало сведущее в богословии, обыкновенно было не в состоянии добиться признания у людей, привыкших к размышлению и более развитых, чем оно.

Пытка еще не применялась в судебной практике; но дикое применение ордалий продолжалось. Иннокентий III официально запретил Божий суд в 1212 г., когда епископ Страсбургский Генрих Веринген применил его, чтобы уличить огромное число еретиков. Латеранский собор 1215 г. запретил духовенству участвовать в Божьем Суде. В начале каролингского возрождения из предписания папы Захарии св. Бонифацию видно, что в IX в. для суда над еретиками созывался поместный собор и виновного отсылали в Рим для окончательного суда. В империи Карла Великого духовенству было поручено совместно со светскими чиновниками пресекать все суеверия и пережитки язычества, производя расследование по всем преступлениям, оскорбляющим Бога; в руках духовных лиц сосредоточилась значительная часть судебной власти, хотя они и были

в зависимости от государства. Во время распада империи епископы приобрели широкие права и огромную власть в пределах канонического права, считавшегося тогда выше гражданского или муниципального закона. Образовались духовные суды в каждой епископии. Заблуждения в деле веры судили только они.

В сборе доказательств обвинения (*inquisitio*) консисторский судья вызывал на суд подозреваемого, подвергал его, в случае надобности, предварительному заключению; обвинение предъявлялось ему и его допрашивали; при этом непричастное обвинению запрещалось вводить в него позднее для увеличения вины. Если обвиняемый не признавался в своем преступлении, судья приступал к допросу свидетелей. Когда осуждение было установлено следственным процессом, то наказание было всегда более легкое, чем в случае обвинения или доноса. В епископском суде судья был и обвинителем; человек считался виновным, пока судья не расследовал его дело; но для обвинения было недостаточно, если виновность подтверждалась небольшим числом свидетелей, или личными врагами обвиняемого (подозреваемого), или людьми, недостойными доверия.

Существовала также общая система розыска или постоянного следствия для раскрытия всяких преступлений, в том числе и ереси. Применение этой системы породило инквизицию. Идея правильного розыска нарушителей закона была свойственна как гражданскому, так и каноническому суду. В империи Карла Великого специальные чиновники объезжали империю, собирая справки обо всех случаях беспорядка, преступления, несправедливости; они имели право суда над мирянами и духовными. Капетинги во Франции приняли аналогичную систему расследования. Следствия против казавшихся подозрительными населению породили систему Большого Жюри, прототип папской инквизиции в первоначальном виде. Государственные «инквизиторы и расследователи» в 1228 г. в Вероне для раскрытия и наказания богохульников имели тот же характер. Инквизиция подражала практике, существовавшей с X в.: прибывавший в приход епископ избирал из уважаемых людей нескольких, которые давали клятву открыть без страха и лицепрятия все, что они знали или узнают впоследствии, о преступлениях или

злодеяниях, требующих следствия. Был составлен длинный вопросный лист, которым руководствовались епископы при выборе этих священных свидетелей. В 1184 г. в Вероне папа Луций III по настоянию Фридриха Барбароссы с одобрения епископов издал декреталий (постановление в виде послания), в котором потребовал от всех суверенов присяги помогать Церкви в преследовании ереси и приказал всем архиепископам и епископам лично или их представителям посещать раз или два в год все приходы, где было малейшее подозрение в существовании ереси; они должны заставить дать клятву нескольких людей хорошей репутации или даже всех жителей выдать всякого подозреваемого в ереси, или принадлежащего к тайному обществу, или живущего иначе, чем большинство верных. Все, отказавшиеся дать такую клятву, должны быть осуждены и наказаны как еретики. Прелат должен вызывать к себе подозреваемых и, если они не могли оправдаться, наказывать их по своему усмотрению. Упорствующие еретики, отказывающиеся отречься и вернуться в лоно Церкви после должной епитимьи (наказания), а также снова впавшие в ересь после отречения от нее, должны быть переданы в руки светской власти для наказания. Папа в отношении ереси отменил все изъятия от епископского суда и подчинил епископам привилегированные монашеские ордена, которые зависели непосредственно от Рима. Покровителям ереси было отказано в праве быть адвокатами или свидетелями и занимать какую-либо общественную должность.

В Авиньоне в 1209 г. собор под председательством папского легата Гуго принял ряд мер, в сущности подтверждавших декреталий папы Луция III. Кроме того, приходских священников обязали присоединиться к мирянам, свяственным свидетелям или к местным расследователям ереси. Эта система, утвержденная в 1215 г. собором в Монпелье, вызвала многочисленные преследования и костры. В 1215 г. Латеранский собор также подтвердил инструкции Луция III. Собор решил, что все епископы, которые будут небрежно исполнять свои обязанности в этом отношении, будут смещены и замещены более способными бороться против ереси.

Нарбоннский собор 1227 г. предписал всем епископам назначить в каждой епархии священных свидетелей, чтобы разыскивать еретиков и

других отпавших и доносить о них епископским чиновникам. Собор в Безье 1234г. Приказал приходским священникам составлять списки подозреваемых и строго наблюдать за ними.

Папы образовывали по временам нечто вроде инквизиции легатов, своих прямых полномочных представителей. По мере расширения юрисдикции пап легат сделался полезным орудием вмешательства папы в дела епархий; было неизбежно их решающее участие в преследовании еретиков. В сентябре 1209 г. собор в Тулузе принял канон, предписывавший всем архиепископам, епископам и независимым аббатам привлекать к борьбе с ересью священных свидетелей.

В последующие годы необходимость священных свидетелей подтверждали соборы в Арле в 1234 г., в Туре в 1239 г., в Безье в 1246 г. и в Альби в 1254 г. Альфонс де Пуатье в 1257 г. убеждал епископов учредить этих свидетелей согласно канонам Тулузского собора. В эти же годы были и отдельные случаи инквизиции легатов. В 1237 г. инквизиторы Тулузы действовали с полномочиями легатов. В 1239 г. Григорий IX предписал тулузским инквизиторам следовать указаниям его легата, в обход прав епископов.

При отсутствии проявлений открытой вражды к Церкви было трудно раскрыть тайные мысли сектантов; для этого нужны были люди, специально и лучше подготовленные к исследованию чужих убеждений, чем епископы, легаты или консисторские судьи. Необходимость в этом становилась все более настоятельной.

Нищенствующие ордена были особенно пригодны для работы, которая была не под силу епископским судам. Необходимы были специальные и постоянные суды исключительно для подавления ереси, совершенно изъятые из-под влияния местных страстей и личных счетов. Следователями и судьями должны были стать люди, специально подготовленные для раскрытия и обращения еретиков, бесповоротно отрекшиеся от мира. Огромная популярность нищенствующих монахов обеспечивала усердное содействие населения, на какое не могли рассчитывать епископы, обычно

находившиеся во враждебных отношениях со своими духовными чадами, а также и с могущественными баронами и сеньорами, поддержка которых в борьбе с ересью была необходима. Нищенствующие ордена были особенно преданы папству, и они сделали из инквизиции могущественное орудие для увеличения влияния Рима и для уничтожения последних остатков независимости местных церквей. В XIII в. устройство инквизиции, врученной доминиканцам и францисканцам, казалось наиболее действенным средством против ереси.

Способствовало успехам Церкви в предпринятом преследовании светское законодательство против ереси. В Англии и в Арагоне уже в XII в. появлялись эдикты против ереси. Фридрих Барбаросса в 1184 г. санкционировал веронские декреты Луция III. В 1194 г. император Генрих VI предписал конфисковать имущество еретиков, накладывать на них суровые наказания, разрушать их дома и подвергать крупным штрафам общины и отдельных лиц, если они не будут содействовать их задержанию; в 1210 г. эти предписания были подтверждены Оттоном IV. В 1217 г. граф Русельона объявил еретиков вне закона; в 1228 г. король Арагонский последовал его примеру. Французский король Людовик VIII предписал за ересь конфискацию имущества и лишение всех прав, а государственные чиновники получили приказание карать всех, кто будет уличен в ереси. По действовавшим в 1227 г. статутам Флоренции епископ во всех случаях преследования ереси должен был действовать совместно с подестатом. В Милане в 1228 г. были приняты новые законы по настоянию папского легата Готфрида; еретики должны были быть поставлены вне закона и изгнаны из пределов республики, дома их должны были быть разрушены, имущество конфисковано; крупному штрафу подвергался давший им пристанище. Для розыска еретиков, которых должны были допрашивать и судить архиепископ и подестат, была учреждена полусветская, полудуховная инквизиция; подестат должен был в десятидневный срок предавать смертной казни всех, кто будет уличен в ереси. Иннокентий III на Латеранском соборе 1215 г. рядом суровых постановлений определил отношение Церкви к еретикам, а также обязанности светской власти, которая должна была уничтожать их под угрозой обвинения в вероломстве. В ряде указов с 1220 по 1239 г.

Фридрих II опубликовал подробный и безжалостный кодекс преследования, основанный на канонах Латеранского собора. Те, которых только подозревали в ереси, должны были по распоряжению Церкви подвергнуться искуплению вины – под страхом лишения гражданских прав и изгнания из Империи; если они находились в этом положении в течение года, их осуждали как еретиков. Все еретики, без различия их учений, объявлялись вне закона; если они были осуждены Церковью, их следовало выдать светским властям для сожжения живыми. Если из страха смерти они отступали от своих верований, их следовало заключить в тюрьму на всю остальную жизнь и наложить на них епитимью; если же они снова впадали в свои заблуждения, их нужно было предать смерти, так как их обращение было неискренне. Все имущество еретиков подлежало конфискации, и их законные наследники лишались права наследования, Их потомки до второго поколения лишались права занимать какую-либо должность, если они не заслуживали прощения, сделав донос на своего деда или отца или на какого-либо еретика. Все католики-соумышленники, покровители, защитники или ходатаи еретиков подлежали вечному изгнанию, их имущество подлежало конфискации, а их дети разделяли участь детей еретиков. Защищавшие заблуждения еретиков рассматривались как еретики, если только они не меняли свое поведение после предупреждения. Дома еретиков и тех, кто давал им пристанище, должны быть разрушены и более не возобновляемы.

Хотя свидетельство еретика не принималось в судах, но было сделано исключение, если его показания были направлены против другого еретика. Облеченный государственной властью чиновник или магистрат должен был давать присягу, что он под страхом потери власти будет работать на уничтожение тех, кого Церковь признает еретиками. Если светский сеньор, призванный Церковью изгнать еретиков из своих владений, не исполнит этого в течение более чем одного года, то его земли может занять всякий верный католик, который, после того как изгонит из них еретиков, может владеть ими, не нарушая прав сюзерена.

Когда была учреждена папская инквизиция, Фридрих в 1232 г. предоставил в распоряжение инквизиторов все силы государства; они

имели право требовать вмешательства чиновников, чтобы схватить тех, кого они признавали еретиками, и держать их под арестом до произнесения приговора, по которому виновных следовало предать смерти.

Коронационный эдикт 1220 г. был послан Гонорием в Болонский университет, чтобы его читали и объясняли при изучении права. Он был внесен в сборник феодального права, и его самые суровые предписания стали частью гражданского кодекса. Ряд последующих эдиктов Фридриха папы приказывали всем государствам и всем городам внести в их местные кодексы. Инквизиторы должны были брать с чиновников и магистратов присягу, что они будут руководствоваться этими эдиктами, и отлучать их в случае отказа дать присягу. Законы Фридриха были внесены в *Corpus juris* (Собрание законов) как основные положения канонического права и номинально не отменены до XIX в.

В 1315 г. Людовик Сварливый распространил действие эдиктов Фридриха на всю Францию. В Арагоне Яков I в 1226 г. эдиктом запретил всем еретикам проникать в его владения. В 1234 г. он совместно со своими прелатами учредил епископскую инквизицию при поддержке королевских чиновников.

В Италии в начале XIII в. были многочисленные попытки основания светской инквизиции. В Риме в 1231 г. Григорий IX составил ряд правил, которые были опубликованы от имени римского народа сенатом. На сенаторов возлагалась обязанность арестовывать всех тех, на кого укажут ему как на еретиков; наказание должно было быть приведено в исполнение через восемь дней после осуждения. Из их имущества, подвергавшегося конфискации, треть следовала свидетелю, треть сенатору и треть на восстановление городских стен. Дом, где им дали приют, должен быть разрушен, а его место обращено в свалку нечистот. Католики-соумышленники, покровители и т. п. лишались третьей части своего имущества. Всякий, кто не доносил на известного ему еретика, подвергался штрафу; сенатор, который небрежно исполнял закон, подвергался штрафу в двести марок и лишался права занимать государственные должности. Григорий IX

разослал копии этих правил всем архиепископам и владетельным князьям Европы с приказанием применять их в своих владениях для судопроизводства инквизиции. Папа издал декреталий, легший в основание всего последующего инквизиционного законодательства, в силу которого осужденные еретики должны были передаваться в руки светской власти для наказания; те, кто возвращался в лоно Церкви, подвергался пожизненному тюремному заключению, и всякой, узнавши о малейшем проявлении ереси, должен был доносить о нем духовным властям под страхом отлучения от Церкви.

Фридрих II в Сицилийских Конституциях, изданных в 1231 г., приказал своим чиновникам тщательно разыскивать «еретиков, скрывавшихся во мраке». Подозреваемые должны быть задержаны и допрошены духовными лицами; кто окажется хоть в чем-нибудь несогласным с католической религией, в случае упорства отправлялся на костер. Всякий, кто осмелится вступить за них, подлежал наказанию. Два года спустя император предписал судье каждого округа предпринять расследование в сотрудничестве с прелатами. Епископам он вменял в обязанность объезжать их епархии в сопровождении назначенных для этого судей. В каждой провинции два раза в год происходили заседания главного суда, на которых наравне с другими преступлениями каралась ересь.

Святой Престол старался в начале XIII в. выработать единую систему подавления ереси. Некоторые историки утверждали, что инквизиция родилась 20 апреля 1233 г., когда были подписаны две буллы Григория, поручающие доминиканцам преследование ереси. Григорий обращался к епископам: «Видя, что вы поглощены вихрем забот, мы находим полезным облегчить ваше бремя. Поэтому мы решили послать братьев-проповедников к еретикам Франции и соседних провинций и умоляем и убеждаем вас во имя уважения, которое питаете вы к Святому Престолу, помогать им вашим благорасположением, и вашими советами, и вашей поддержкой, дабы они могли хорошо выполнить свою задачу». Другая булла обращается «к приорам и братьям ордена проповедников, инквизиторам». Упомянув о сыновьях погибели, защищающих ересь, она продолжает: «Вот поэтому во всех местах, где вы будете проповедовать, вы

уполномочиваетесь, в случае если грешники, несмотря на предупреждение, будут продолжать защищать ересь, навсегда лишать духовных их бенефиций и преследовать их и всех других судом безапелляционно, призывая на помощь светскую власть, если в этом встретится надобность, и прекращая их упорство, если нужно, посредством безапелляционного наложения на них духовных наказаний».

Григорий основал систему, которая стала незыблемой основой инквизиции: предоставление провинциалу права назначать братьев, подготовленных к выполнению своей задачи, которые в пределах их провинций должны были пользоваться данной им Святым Престолом властью в розыске и испытании еретиков. Первые инквизиторы в официальных документах еще именуют себя облеченными легатскими полномочиями, а не папскими.

Однако еще 1 октября 1234 г. архиепископ Нарбонны заставил верных дать клятву, что они будут доносить на всех еретиков или лично ему, или его подчиненным, как будто он не знал еще о существовании специальных инквизиторов; даже когда последние получили поручение действовать, их власть, ответственность, обязанности и права оставались совершенно неопределенны. В них еще видели епископских помощников в отправлении старой судебной практики против ереси. Многие вопросы, касающиеся мер против еретиков, были разрешены по римским статутам Григория от 1231 г., канонам Тулузкого собора 1229 г. и соборов Безье и Арля 1234 г., предназначенным организовать епископскую инквизицию.

Чтобы определить главные принципы, которыми должна была руководствоваться инквизиция, в 1243 и 1244 гг. созвали в Нарбонне большое собрание епископов провинций Нарбонны, Арля и Э; длинный ряд канонов, принятых по этому случаю, стал уставом инквизиторской деятельности. Эти каноны были адресованы: «Нашим любимым и верным сынам о Господе Иисусе Христе, братьям-проповедникам и инквизиторам». Епископы отказывались от права суда и приведения в исполнение решений. Решения этой эпохи

постановлялись от имени инквизиторов; если в них принимал участие епископ или другое важное лицо, их упоминали как членов суда.

Передача инквизиции древней епископской юрисдикции по делам еретиков осложняла отношения между епископами и инквизиторами. В Италии епископская независимость была уничтожена давно, и епископы не могли серьезно помешать присвоению их юрисдикции. В Германии князья и епископы никогда не позволяли инквизиторам из нищенствующих прочно и навсегда основаться в стране. Во Франции, и в особенности в Лангедоке, хотя прелаты и были более независимы, чем в Италии, распространение ереси требовало деятельности и бдительности, превышавших их силы, и они были вынуждены принести в жертву часть своих прерогатив, чтобы избежать более тяжелой обязанности неуклонно исполнять свои функции в преследовании ереси. Во всяком случае, они уступили не без борьбы.

Инквизиторы сначала позволяли себе выносить решения от своего имени, не упоминая епископов. Но почти тотчас же кардинал-легат Альбано указал инквизиторам, чтобы они не осуждали еретиков и не накладывали епитимьи, не согласовав предварительно решения с епископами. В 1246 г. на соборе в Безье епископы уступили штрафы, из которых покрывались издержки инквизиции, и выработали другой ряд подробных указаний для руководства инквизиторов, «охотно уступая смиренным просьбам, с которыми вы к нам обратились». В течение некоторого времени папы продолжали считать епископов ответственными за подавление ереси в их епархиях и истинным источником правосудия. В 1245 г. Иннокентий IV разрешил инквизиторам изменять или смягчать приговоры с согласия епископа. В 1247 г. он говорит об епископах как о настоящих судьях ереси, предписывая им без устали работать над обращением грешников раньше, чем вынести решение, влекущее смерть, пожизненную тюрьму или паломничество за моря; даже в случаях упорствующих еретиков они должны обсудить с инквизитором или с другими сведущими лицами вопрос, требуют ли спасение грешника и интересы веры, чтобы приговор был вынесен или отложен.

Однако уже в 1248 г. Валансьенский собор прямо обязал епископов объявлять и исполнять решения инквизиторов под угрозой, что им будет запрещен вход в их собственные церкви.

Инквизиторы в 1246 г. ждали еще, чтобы епископы оплачивали их расходы, поэтому они пока признавали себя простыми помощниками епископских судов. Кроме того, епископы должны были возводить тюрьмы для заключения обращенных, и хотя эту обязанность принял на себя король, тем не менее собор в Альби в 1254 г. постановил, чтобы эти тюрьмы находились под наблюдением епископов. Тот же собор выработал подробные указания, как поступать с еретиками. Это было последнее проявление епископской власти в этом вопросе. Все последующие постановления исходили уже непосредственно от Святого Престола.

Вопрос об участии епископов в решениях долго вызывал споры. Иннокентий IV вновь принял решение в 1254 г. осуждения на смерть или на пожизненное тюремное заключение постановлять с согласия епископа. В 1255 г. он приказал епископу и инквизитору совместно обсудить все темные места законов против еретиков и установить также легкие наказания в виде лишения должностей и бенефиций. Это признание епископской юрисдикции было отменено в 1257 г. Александром IV, который сделал инквизиторов независимыми, освободив их от обязанности советоваться с епископами даже в тех случаях, когда дело шло о еретиках, упорствующих и уличенных в своем преступлении. Он повторил это решение в 1260 г. Однако в 1262 г. Урбан IV снова подтвердил необходимость совещания с епископами во всех случаях, когда приговор влек смертную казнь или пожизненное заключение; в том же духе высказался в 1265 г. Климент IV. В 1273 г. Григорий X предписал, чтобы инквизиторы, постановляя приговоры, советовались с епископами или их доверенными. Решение Григория относительно согласия епископа и инквизитора во всех случаях тяжелых осуждений впоследствии никогда не отменялось.

В 1288 г. Николай IV предписал все суммы, получаемые от штрафов и конфискаций, передавать людям, избранным с согласия епископа и инквизитора, и поставил, что они могут расходоваться

только с разрешения епископа, которому должен представляться подробный отчет о расходах. Это было серьезным ограничением независимости инквизиторов; но Бенедикт XI в 1304 г. запретил епископам требовать отчеты; отныне инквизиторы должны были представлять их только в папскую канцелярию или особым уполномоченным папы.

Если были колебания в упорядочении отношений между церковными судебными властями, то в отношениях инквизиции со светской властью не было неопределенности. Уже в самые первые годы инквизиция оказывала услуги властям, подчиня ересь светским законам. Поэтому и светские, и церковные власти стремились дать ей прочную организацию, чтобы она могла еще деятельнее помогать раскрытию и наказанию религиозных преступлений. Папство присвоило и подтвердило к своей выгоде суровые эдикты императора Фридриха. Иннокентий IV 15 мая 1252 г. разослал ко всем владетельным лицам Италии буллу «Об истреблении», устанавливавшую систематическое преследование как существенный элемент социального строя каждого государства и каждого города, хотя плохо определенный круг действий епископов, инквизиторов и монахов свидетельствует, насколько области их компетенции были еще слабо разграничены. Исполнительной власти было приказано изгонять еретиков, приравненных к колдунам. Всякий открывший еретика мог завладеть его личностью и его имуществом. Всякий главный магистрат через три дня после вступления в свои служебные обязанности должен был избрать по указанию своего епископа и двух монахов от каждого нищенствующего ордена двенадцать добрых католиков при двух нотариусах и двух или более служащих, обязанность которых заключалась в задержании еретиков, в конфискации их имущества и в выдаче их епископу или его викариям. Их содержание и расходы по их поездкам должны были оплачиваться государством; их свидетельство принималось без присяги; никакое свидетельство не имело силы против единогласного свидетельства троих из них. Они несли свои обязанности в течение шести месяцев; их полномочия могли быть продлены на следующий срок; в любое всякое время они могли быть смещены по просьбе епископа и монахов. Третья часть поступлений от штрафов и конфискаций причиталась им. Они были освобождены от

всякой службы, несовместимой с их обязанностями; никакой закон, существующий или могущий выйти, не должен мешать их деятельности. Глава светской власти должен был командировать к ним, по их просьбе, своего заседателя или рыцаря; всякий житель должен был под угрозой крупного штрафа оказывать им содействие по первой просьбе. Когда эти следователи или инквизиторы посещали часть области, подчиненной их юрисдикции, их должен был сопровождать уполномоченный монарха, избранный ими самими или епископом. Прибыв в город или деревню, этот уполномоченный должен был принудить трех людей, пользовавшихся хорошей репутацией, или даже всех жителей под присягой указать всех еретиков, или указать их имущество, или лиц, у которых происходят тайные сборища или которые живут не так, как все верные католики. Государство должно было задерживать всех подозреваемых, заключать их в тюрьмы, препровождать их под надежным конвоем к епископу или инквизитору и в течение пятнадцати дней приводить в исполнение всякое решение, вынесенное по обвинению в ереси. Светская власть была обязана по первому требованию применять пытку к тем, кто откажется выдать всех известных ему еретиков. Если при задержании оказывалось какое-либо сопротивление, то община должна была платить огромный штраф, если в течение трех дней не выдаст всех принимавших участие в возмущении. Исполнительная власть должна была составить четыре списка тех, кто был объявлен обесчещенным или приговорен к изгнанию за ересь; один из списков должен был три раза в год читаться публично, второй передан епископу, третий – доминиканцам, а четвертый – францисканцам. Власть также должна была наблюдать за тем, чтобы дома еретиков или укрывавших их были разрушены через десять дней после объявления решения, и следить за поступлением штрафов в течение трех месяцев. Те, кто был не в состоянии уплатить, заключались в тюрьму и держались там, пока за них не вносили наложенного штрафа. Доход от штрафов, от смягчений наказаний и от конфискаций разделялся на три части: одна – городу, другая – лицам, которым было поручено следствие, третья – епископу и инквизиторам, которые должны были употреблять ее на преследование еретиков.

Эти предписания должны быть внесены навсегда во все сборники местных статуты, равно как и все законы, которые папа опубликует впоследствии; отлучение от Церкви грозило чиновникам, которые отказались бы это сделать, и наложение интердикта – городу. Владетели, власти и их чиновники должны были давать присягу соблюдать эти законы под страхом отлучения от должности. Всякая попытка изменить эти законы была преступлением, виновный карался вечным лишением доброго имени, штрафом и изгнанием; всякая небрежность в их исполнении наказывалась, как клятвoprеступление, вечным позором, штрафом в двести марок и подозрением в ереси, что влекло за собой потерю должности и лишение навсегда права на какое-либо другое место. Всякое лицо, облеченное властью, в продолжение десяти дней со дня вступления в свои обязанности должно было избрать по указанию епископа или нищенствующих трех добрых католиков, которые под присягой были обязаны расследовать деятельность его предшественника и возбудить против него преследование за всякое уклонение от повиновения. Всякий подestat в начале и в конце своего правления должен был распорядиться о чтении булл в публичных местах, указанных епископом и инквизиторами, и изъять из книги статуты все законы, которые могли противоречить папским буллам. Иннокентий разослал инструкции инквизиторам, приказывая им под страхом отлучения от Церкви настоять на внесении этой буллы и эдиктов Фридриха в статуты всех городов и государств. Немного позднее он предоставил инквизиторам совместно с епископом привилегию толковать все пункты местных законов, относящиеся к ереси.

В 1255, 1256 и 1257 гг. Александр IV пересмотрел буллу, разрешил некоторые возникшие сомнения и повелел назначить повсюду следователей для расследования действий уходящих со службы магистратов. В 1265 г. Климент V снова опубликовал ее и прибавил слово «инквизиторы» там, где Иннокентий указывал только на епископов и монахов, так как к этому времени инквизиция стала главным орудием преследования еретиков. В следующем году он подтвердил указ Иннокентия инквизиторам внести во все сборники статуты, под страхом отлучения и интердикта, его узаконения, а также узаконения его предшественников. Указы папы точно исполнялись

более ста лет как часть привилегий итальянских инквизиторов. В Италии эти меры доставили инквизиции прекрасно организованный и оплачиваемый государством состав служащих для выполнения ее задач. По ту сторону Альп эти предписания пап никогда не имели силы. Однако во Франции все государственные чиновники были обязаны содействовать инквизиции и задерживать еретиков; все мужчины старше четырнадцати лет, все девушки и женщины старше двенадцати лет должны были приносить присягу, что будут доносить епископам на виновных. Нарбоннский собор 1229 г. потребовал исполнения всех этих решений. Собор в Альби в 1264 г. обязал католиков доносить на еретиков инквизиторам и угрожал отлучением всем светским сеньорам, которые пренебрегли бы обязанностью помогать инквизиции и приводить в исполнение ее приговоры к смертной казни или к конфискации. Всякий инквизитор имел при себе королевские грамоты, уполномочивавшие его обращаться ко всем государственным чиновникам, чтобы они содействовали ему, сопровождали его и помогали ему во время его поездок. В Арагоне инквизитор по получении полномочия представлял его королю и главному начальнику и просил у него открытые листы, заявляя при этом, что они, согласно канонам, должны ему дать таковые, если желают избежать многочисленных наказаний, налагаемых буллами «Об истреблении» и «Как расследовать». Затем он должен представить эти листы чиновникам и заставить их поклясться, что они будут во всем повиноваться его приказаниям.

Таким образом, частные лица и государство становились помощниками инквизиции под угрозой наказаний вплоть до обвинений в ереси. Инквизиция становилась настоящей хозяйкой законодательства всех стран, которое она могла изменить по своему усмотрению.

К северу от Альп не было принято, как в Италии, что расходы инквизиции должны были падать на государство, но король заботился об этом; к тому же расходы на инквизицию не были велики. Доминиканские монастыри давали ей у себя место для заседаний, а государственные чиновники были обязаны оказывать ей все услуги. Если епископы не строили и не содержали тюрьмы, то монарх взял эти

обязанности на себя. Инквизиторы имели право пригласить в помощь себе экспертов, которые не могли отказать им в освещении дела. Все научные силы королевства были обязаны прежде всего бороться против ереси и бесплатно предоставлять услуги инквизиции; ей должны были повиноваться и миряне, и прелаты.

В почти безграничных пределах власти инквизиторы действовали бесконтрольно и безответственно; даже папский легат не должен был вмешиваться в их дела – разведывать о ереси в пределах их компетенции. Их нельзя было отлучить от Церкви за преступление по службе, и представитель Святого Престола не мог даже временно отстранить их от должности. Если же и случалось подобное, то отлучение или отстранение от должности не имели никакого значения, если это не было сделано без особого полномочия папы. В 1245 г. инквизиторы получили право прощать своих в чем-либо провинившихся слуг; с 1261 г. они могли взаимно оправдывать друг друга за все действия по инквизиции; а так как у каждого инквизитора был подчиненный, всегда готовый оказать ему эту услугу, то он благодаря этому был совершенно неуязвим. Инквизиторы освобождались от всякого повиновения провинциалам и генералам своих орденов; им даже было запрещено получать от них бумаги, касающиеся их служебной деятельности; им дано было исключительное право отпраиваться в Рим, когда им вздумается, и оставаться там сколько захотят, несмотря даже на запрещение провинциала или главных капитулов своих орденов. Первоначально их полномочия прекращались со смертью папы, от которого они их получили, но с 1267 г. эти полномочия были объявлены постоянными.

Вопрос о несменяемости инквизиторов находился в прямой связи с вопросом об их подчиненности или об их независимости и вызывал много противоречивых постановлений. В 1244 г. Иннокентий IV издал указ, что провинциалы и генералы нищенствующих орденов имели право смещать, увольнять и замещать всех членов их орденов, которые несли инквизиторские обязанности, даже и в тех случаях, когда они получили полномочия от папы. В 1256 г. папа Александр IV утвердил за провинциалами право смещения инквизиторов; в июле 1257 г. он отнял у них это право, а 9 декабря того же года снова признал его за

ними буллой «К чему в отношении некоторых», которая много раз была подтверждена им и его преемниками. Последующие папы давали противоречивые указы, пока наконец Бонифаций VIII не высказался за право смещения; но инквизиторы добились того, что это право могло быть применяемо только посредством правильного судебного процесса, т. е. на практике оно сводилось к нулю. Правда, согласно реформам Климента V, отлучение от Церкви, снять которое мог только папа, налагалось на инквизиторов за три рода преступлений: 1) за незаконные преследования, вызванные дружбой, личной враждой или алчностью, и за небрежность в преследовании, исходящую из тех же мотивов; 2) за вымогательство денег; 3) за конфискацию церковных имуществ в виде наказания проступков духовного лица.

Францисканцы старались привести своих инквизиторов к повиновению, давая им полномочие на определенный срок. Доминиканцы не применяли этого способа. Все подобные меры были не в состоянии установить подчинение и дисциплину ввиду постоянного вмешательства Св. Престола. Инквизиторские полномочия давались папой, и их мог отобрать только папа. В 1439 г. Евгений IV, а в 1474 г. Сикст IV подтвердили постановления Климента IV, согласно которым инквизиторы могли быть перемещены генералами и провинциалами своих орденов. В 1479 г. Сикст IV распорядился, чтобы все жалобы, возбуждаемые инквизиторами, направлялись к генералу их ордена, за которым было признано право наказывать и перемещать их.

Следствием этого противоречивого законодательства было то, что инквизиторы являлись ответственными перед своими начальниками как монахи, но не как инквизиторы; в качестве последних они давали отчет только папе и утверждали, что их могут сместить только в случае доказанной неспособности выполнять свою задачу вследствие старости, болезни или невежества. Они полагали, что их викарии и подчиненные были подсудны только им одним; всякая попытка провинциала устранить кого-нибудь из этих подчиненных являясь действием, направленным против инквизиции, могла вызвать подозрение в ереси. Злоупотребления и беспорядки, вызванные подобным положением вещей, вынудили Иоанна XXIII вмешаться и

объявить, чтобы инквизиторы во всем были подчинены своим старшим. Но Великий Раскол подорвал авторитет папы. После восстановления единства в Констанце в 1418 г. Мартин V подтвердил распоряжение своего предшественника. Но те, кто был назначен самим папой, не признавали подчинения старшим членам своего ордена. Инквизитор даже мог преследовать своего старшего. Его юрисдикция была на деле почти беспредельна, так как угроза подозрения в ереси тяготела и на великих мира сего, и на малых. В угоду инквизиции было даже отменено право убежища в церквях, и даже сама неприкосновенность нищенствующих орденов не защищала их от ее юрисдикции. В теории короли были также подсудны ей. Епископский сан сохранял еще значительную часть своего прежнего огромного престижа, чтобы оградить от нападений инквизиторов, если последние не представляли особых папских грамот. Если вера епископа казалась подозрительной, то инквизитор был обязан тщательно собрать все доказательства и представить их на рассмотрение Рима.

Епископы ускользали от суда инквизиции, но не от повиновения инквизиторам. В грамоте о назначении, получаемой последними от папы, говорилось, что архиепископы, епископы, аббаты и все остальные прелаты должны следовать их приказаниям во всем, что касалось задачи инквизиции, под страхом отлучения от Церкви, отрешения от должности и интердикта. Несмотря на то, что папа, обращаясь к епископу, называл его «уважаемым братом», а обращаясь к инквизитору, называл его «дорогим сыном», инквизиторы считали себя, как прямых уполномоченных Святого Престола, выше епископов, и если лицо одновременно вызывали епископ и инквизитор, то оно должно было сначала явиться по вызову последнего. Инквизитору должны были повиноваться, как самому папе, и епископ не мог уклониться от этого. Инквизитор был подходящим орудием для приведения епископов в подчинение папе.

Нередко инквизиция служила ступенью на епископскую кафедру.

Инквизиторское служение давало также возможность возвышения и в своем ордене. По каноническим законам, всякий, кто препятствовал инквизитору в его деятельности или подстрекал к этому

других, подвергался отлучению от Церкви; по истечении года его уже на законном основании объявляли еретиком, передавали в руки светской власти и сжигали без суда и без надежды на снисхождение. Власть, предоставленная инквизитору, становилась еще более грозной благодаря растяжимости понятия «преступление, выражавшееся в противодействии инквизиции»; это преступление было плохо квалифицировано, но преследовалось оно с неослабной энергией. Если смерть освобождала обвиненных от мести Церкви, то инквизиция не забывала их и гнев ее обрушивался на их детей и внуков.

В начале Великого Раскола инквизиторы должны были приносить подобную феодальной присягу папе, от которого они получали полномочия, а также и его преемникам: очевидное доказательство, что папы смотрели на инквизицию как на орудие для удовлетворения своих честолюбивых замыслов и личных интересов.

Народы Севера были удалены от центра ереси в то время, когда верховное главенство папы укреплялось инквизиторами из нищенствующих орденов. Ни на Британских островах, ни в Дании, ни на Скандинавском полуострове эдикты Фридриха II не получили применения.

Однако в середине XIII в. королевский статут «О сжигании еретиков» впервые установил смертную казнь как нормальное наказание за ересь в Англии. Этот же статут запрещал проповедь всем, кроме тех, кто имел на это официальное право; он запрещал распространение еретических учений и книг; уполномочивал епископов хватать уклонившихся и содержать их в тюрьме, пока они не будут оправданы или не откажутся от своих заблуждений; он предписывал епископам в течение трех месяцев со дня ареста разобрать дело подозреваемых. В случае более легких преступлений епископы могли наложить по своему усмотрению тюрьму и штраф; последний поступал в королевское казначейство. В вопросе об упорной ереси или о возвращении в ересь, что по каноническим законам влекло передачу виновного в руки светской власти, единственными судьями были епископы и их уполномоченные; когда осужденного передавали светскому суду, то шериф графства или мэр и

сержанты ближайшего города должны были сжечь его в присутствии народа. Закон 1414 г. установил по всему королевству вид инквизиции полусветской, полудуховной, действие которой особо облегчала английская система великих расследований. При таком законодательстве костры умножились. В 1533 г. Генрих VIII полностью сохранил закон 1414 г. и сожжение на костре для упорствующих еретиков и рецидивистов. В это время всегда опасное вмешательство политики в религию и обратно сделало из костра настоящее орудие террора. Одной из первых мер Эдуарда VI была отмена этого закона. С реакцией, наступившей при Филиппе и Марии, зажглось много костров по стране. Парламент Елизаветы отменил все законодательство Филиппа и Марии; но закон «О сжигании еретиков» сделался частью английского закона, и только в 1677 г. Карл II отменил его и решил, что духовные суды в случаях атеизма, богохульства, ереси, схизмы и других преступлений против религии могли только присуждать к отлучению от Церкви, отрешению от должности, разжалованию и к другим церковным наказаниям, за исключением смертной казни. В Шотландии смертная казнь была отменена позднее, чем в Англии; последнее преследование за ересь на Британских островах произошло в 1687 г., когда в Эдинбурге был повешен молодой студент-медик Экенхид.

В Ирландии воинствующий францисканец епископ Оссори Ричард Ледред вел продолжительную борьбу с мнимыми еретиками. В Ирландии гражданские чины сначала отказались принести присягу, предписанную канонами, что они будут содействовать инквизиторам в их работе; но Ледред заставил их подчиниться и сжег в 1325 г. несколько обвиненных. Но позднее он был сам обвинен в ереси и должен был бежать, и только в 1354 г. он смог вернуться в свою епархию, хотя еще в 1335 г. папа Бенедикт VII сожалел, что в Англии отсутствует инквизиция, и убеждал Эдуарда III поддержать епископа Оссори в его борьбе с еретиками. Даже сам дублинский архиепископ Александр был обвинен как покровитель ереси в 1347 г., так как восстал против насилия Ледреда; его преемник, архиепископ Иоанн, получил в 1351 г. указ принять самые строгие меры к наказанию тех, кто бежал из Оссори и искал убежища в его епархии.

Когда волнения, поднятые гуситами, приняли опасный оборот, чтобы ересь не распространилась на Севере, Мартин V в 1421 г. уполномочил шлезвигского епископа назначить одного францисканского монаха инквизитором Дании, Норвегии и Швеции; но нет следов его деятельности в этих странах; там инквизиция никогда реально не существовала.

Так как дело обращения схизматиков и еретиков в Средние века находилось исключительно в руках доминиканцев и францисканцев, то основанные ими церкви всегда были устроены так, чтобы охранять в чистоте веру вновь обращенных. Таким путем инквизиция основалась в Азии и в Африке. Инквизиция была в Тунисе и Марокко. В 1370 г. Григорий XI назначил двух инквизиторов на Восток, которые насаждали инквизицию в Армении, Грузии, России и Валахии. Урбан VI около 1378 г. предписал генералу доминиканцев назначить трех инквизиторов, одного в Армению и Грузию, другого в Грецию и Татарию, третьего – в Россию и Валахию. В XIV в. инквизитор считался неперменным членом всякой религиозной миссии. Даже в Абиссинии была основана инквизиция доминиканцем и другая в Нубии. Но миссионерские инквизиции не руководствовались эдиктами Фридриха II и Людовика Святого.

Остатки Иерусалимского королевства узнали ревность инквизитора раньше, чем пали окончательно. По словам Николая IV, первого папы из францисканцев, неудачи войны зародили там семена ереси и иудейства, и в 1290 г. он предоставил своему легату, патриарху Иерусалимскому, полное право назначить там инквизиторов в согласии с провинциалами нищенствующих. Это было исполнено, но несколько запоздало: взятие Акры (19 мая 1291 г.) положило конец недолгому существованию сирийской инквизиции. Она была, однако, восстановлена в 1375 г. Григорием XI, который уполномочил францисканского провинциала в Св. Земле ввести должность инквизитора Палестины, Сирии и Египта, чтобы бороться со стремлениями к вероотступничеству, которое проявляли христианские паломники, всегда многочисленные в этих странах.

С 1257 г. инквизиция распространила свою юрисдикцию на ростовщичество, считавшееся видом ереси. Лионский собор 1274 г. говорит, что ростовщичество должно караться епископскими судьями. Виеннский собор 1311г. предписал инквизиторам преследовать людей, утверждающих, что ростовщичество не грех.

Власть инквизиции над имевшими специальные привилегии нищенствующими орденами в разные эпохи была различна. Суд над ними был предоставлен ей в 1254 г. Иннокентием IV. Пий II предоставил суд над францисканцами их собственному генерал-министру. В 1479 г. Сикст IV запретил инквизиторам преследовать членов не своего нищенствующего ордена. Иннокентий VIII запретил всем инквизиторам судить францисканцев; но с развитием лютеранства эта мера показалась опасной, и в 1530 г. Климент VII сделал всех монахов подсудными инквизиции. Это было подтверждено в 1562 г. Пием V.

Вопрос о том, имел ли право епископ возбуждать против инквизитора дело по обвинению его в ереси, был спорным и, по всей вероятности, никогда не был разрешен на практике.

Епископская инквизиция получила признание Церкви. Парижский собор 1350 г. говорит о преследовании еретиков как о главной обязанности епископа; он дает инструкции епископским судьям, определяющие их права арестовывать подозреваемых и обращаться к светским властям с теми же требованиями, что и инквизиция. Когда епископ осмеливался восстать против вмешательства инквизитора, то он мог всегда заставить уважать свои права.

Несмотря на столкновения, на практике почти всегда епископ и инквизитор действовали совместно не только в вынесении решения, но и во всем деле; и в папских указах, дававшихся инквизиторам, обычно делалась оговорка, что они не должны ничем нарушать инквизиционной юрисдикции епископских судей. Тем не менее булла Николая V, обращенная к инквизитору Франции в 1451 г., по-видимому, ставила его деятельность в полную независимость от епископа. С технической точки зрения не было никакой разницы

между инквизицией епископов и папы. Правосудная система делопроизводства, взятая епископскими судами из римского права, была оставлена; епископов уполномочивали и побуждали следовать инквизиционной системе.

Однако, как бы ни был энергичен епископский судья, его труды были обособлены, временны и несистематичны; папская же инквизиция, наоборот, покрыла всю континентальную Европу сетью судов, в которых заседали люди, не имевшие других занятий. Их деятельность была непрерывна и постоянна. Своими прекрасно составленными регистрами инквизиция образовала настоящую международную полицию. Руки инквизиции были длинны, память ее непогрешима. Если она хотела вести дело публично, то призывали всех верных и приказывала им схватить какого-нибудь ересиарха, обещая им за это вечное блаженство на том свете и соответственное вознаграждение на этом. Если предпочитали вести дело втайне, то для этого были шпионы и специальные низшие служащие. История всякой еретической семьи за время нескольких поколений могла быть всегда извлечена на свет из архивов разных судов инквизиции.

Одна поимка, сопровождавшаяся признанием, вырванным пыткой, могла раскрыть следы сотен людей, считавших себя до того времени в безопасности.

Приметы бежавших еретиков немедленно рассылались по всей Европе. Об арестах подозрительных людей трибуналы сообщали один другому, и несчастная жертва направлялась в ту страну и в тот город, где ее показания могли раскрыть других виновных. Папская инквизиция была всеведущей, всемогущей и вездесущей.

Наиболее опытный инквизитор своего времени, Бернар Ги (конец XIII-начало XIV вв.), дал общие советы, касающиеся поведения и характера инквитора. Инквизитор, по его мнению, должен быть деятелен и энергичен в своем рвении к истинной вере, в деле спасения душ и истребления ереси. Он должен оставаться всегда спокойным и невозмутимым среди всяких неприятностей и недоразумений. Он должен быть деятелен физически, так как привычка к лени ослабляет

всякую энергию. Он должен быть бесстрашен и не бояться даже смерти, но, не отступая ни перед какой опасностью, он не должен безрассудно, идти ей навстречу. Он должен быть недоступен просьбам и подходам тех, кто будет стараться привлечь его на свою сторону; но в то же время сердце его не должно быть бесчувственным, и он не должен отказывать в отсрочках и в смягчении наказания, принимая во внимание обстоятельства и место. Он не должен быть слабым и искать любви и популярности, так как это может дурно отразиться на его деле. В сомнительных вопросах он должен действовать осмотрительно и не давать легко веры тому, что кажется вероятным, но часто бывает неверно. Он не должен отбрасывать упрямо противоположное мнение, так как часто кажущееся на первый взгляд невероятным оказывается впоследствии истиной. Он должен внимательно расспрашивать и выслушивать и тщательно расследовать, чтобы терпеливо осветить все дело. Когда он выносит смертный приговор, то выражение лица его может свидетельствовать о его сожалении, чтобы не казалось, что он действует под влиянием гнева и жестокости, но приговор его должен оставаться неизменным. Если он накладывает денежное наказание, то лицо его должно сохранять строгое выражение, чтобы не подумали, что он действует из алчности. Пусть в его взгляде проглядывают всегда любовь к правде и милосердие, чтобы не думали, что его решения вынесены под влиянием алчности или жестокости.

Глава 8. УСТРОЙСТВО ИНКВИЗИЦИИ

Верные католики-проповедники пытались словом убеждения остановить распространение ереси. Они надеялись убедить и вернуть в лоно Церкви отпавших, но их старания потерпели неудачу; тогда Церковь прибегла к силе. Первым следствием этой новой церковной политики было то, что еретики начали скрываться. Тогда Церковь организовала правильное преследование в целях раскрытия и уничтожения прятавшихся еретиков. Нищенствующие ордены, учрежденные первоначально с целью борьбы с заблуждениями словом и примером, скоро стали агентами немилосердной репрессии.

Инквизиция стремилась парализовать умы террором. Главной ареной деятельности инквизитора был святой трибунал, окруженный молчанием и таинственностью. Вначале деятельность инквизиторов ограничивалась пределами провинции нищенствующих орденов, из которых каждая охватывала большое число епископий и провинциалы которых назначали простых монахов, чтобы преследовать еретиков и выяснять степень их виновности. Главный город провинции с монастырем ордена и тюрьмой считался резиденцией инквизиции, однако инквизитор был обязан постоянно находиться в разъездах. Расследования на местах не всегда были безопасны; тем не менее их предписывали и кардинал Альбано в 1234 г., и собор 1246 г. в Безье. В 1247 г. Иннокентий IV разрешил инквизиторам в случае опасности вызывать еретиков и свидетелей к себе в безопасное место, но личные объезды остались попрежнему. Со временем, когда была усовершенствованна система шпионов и служителей, они стали менее обычны.

За несколько дней до своего прибытия инквизитор извещал духовные власти, чтобы они в назначенное им время созвали народ, обещая отпущение грехов на двадцать-сорок дней тем, кто явится, часто угрожая не явившимся отлучением. К собранному населению инквизитор обращался с речью о чистоте веры; затем приказывал всем жителям явиться к нему в течение шести или десяти дней и сообщить

ему все, что им известно о лицах, виновных или подозреваемых в ереси, говоривших что-либо несогласное с догматами веры или ведущих жизнь, отличную от жизни большинства верных. Всякого, кто не повиновался этому приказанию, инквизитор отлучал от Церкви (и только он мог снять отлучение); повиновение давало индульгенцию на три года.

В то же время инквизитор провозглашал «срок милосердия» продолжительностью от пятнадцати до тридцати дней, в течение которого всякий добровольно явившийся еретик получал снисхождение, если он сознавался в своих заблуждениях, отрекался от них и давал подробные сведения о своих единоверцах. Это снисхождение иногда было полным, иногда же оно только отменяло более суровое наказание: смерть, тюрьму, конфискацию и изгнание. Впервые об этой милости известно с 1235 г. По окончании «срока милосердия» никому не давалось прощение, во время этой отсрочки инквизитор должен был сидеть дома, всегда готовый принимать признание и доносы; длинные ряды вопросов были выработаны уже заранее, чтобы облегчить ему допрос являвшихся.

Бернар Ги утверждает, что этот порядок ведения дел был очень плодотворен не только потому, что вызывал много обращений, но и потому, что всякий кающийся был обязан указывать всех еретиков, кого он знал или подозревал. Когда в общине появлялся инквизитор и выпускал свое обращение, католики и еретики не имели покоя; каждый выдавал другого из боязни, что его выдадут самого. Григорий IX не скрывает, что родители выдавали своих детей, дети – своих родителей, мужья – жен, жены – мужей. Всякое разоблачение вело за собой новые, пока вся страна не покрывалась невидимой сетью; многочисленные конфискации, бывшие следствием этой системы, также играли видную роль.

В первое время судилища заседали в монастыре нищенствующих; своих арестованных инквизитор помещал в общественную или епископскую тюрьму. Со временем были построены специальные здания с одиночными камерами и темницами, где узники всегда находились под наблюдением своих будущих судей. Здесь же обычно

происходило судебное разбирательство, хотя иногда оно проходило и во дворце епископа, особенно если последний работал вместе с инквизитором.

В первое время минимальный возраст инквизитора не ограничивался; были случаи назначения молодых неопытных людей. Климент V определил минимальный возраст инквизитора в сорок лет. Дела велись одним инквизитором, иногда двумя. Инквизитор обычно имел помощников, которые производили следствие и снимали предварительный допрос; он мог просить провинциала дать ему столько помощников, сколько находил нужным, но не имел права сам выбирать их. Иногда епископ сам становился помощником инквизитора; чаще же им был приор местного доминиканского монастыря. Уже в XII в. установилось, что уполномоченный Рима, облеченный судебной властью, мог передоверять свои права другому лицу; в 1246 г. собор в Безье дал инквизитору право назначать вместо себя уполномоченного, когда нужно было произвести расследование на месте, куда не мог отправиться сам. Иногда давались особые поручения.

Провинции инквизиторов были настолько обширны, что приходилось разделять работу, в особенности в первое время, когда еретики были очень многочисленны и требовалась целая армия следователей. Но право назначать полномочных комиссаров было признано за инквизитором законом только в 1262 г. Урбаном IV и подтверждено Бонифацием VIII. Эти комиссары или викарии отличались от помощников тем, что их назначал и увольнял сам инквизитор. Они стали существенным элементом инквизиции и вели дела в местностях, удаленных от главного судилища.

Если инквизитор отсутствовал или был занят, то один из них мог временно заместить его; инквизитор мог также назначить себе викарного. После реформ Климента в 1317 г. эти комиссары, как и их начальники, не могли быть моложе сорока лет. Они были облечены полной инквизиторской властью, могли вызывать, арестовывать и допрашивать свидетелей и подозреваемых, могли даже прибегать к пытке и приговаривать к тюрьме. Право приговаривать к смертной

казни принадлежало только одному: инквизитору; но это ограничение соблюдалось далеко не всегда. В отличие от инквизиторов, комиссары не имели права назначать вместо себя уполномоченных.

Позднее, время от времени, выступает еще другой член суда инквизиции- советник. Советник был крайне полезен судилищу, хотя его официальное положение было неопределенно. Судопроизводство было в высшей степени произвольно, и редко обвиненный решался жаловаться на решение; но случалось, что жертвы инквизиции проявляли упрямство, тогда она нуждалась в советах лица, знакомого с законами и с налагаемой ими ответственностью, чтобы избежать ошибок, которые могут повредить инквизиции, вызвать вмешательство папы и даже лишить места самого инквизитора или комиссара.

Так как глубокая таинственность была существенной чертой всех судебных дел инквизиции, как только упрочилось ее положение, то сделалось общим правилом, что показания и свидетелей и обвиняемых делались обязательно в присутствии двух беспристрастных людей, не принадлежавших к инквизиции, но приносивших клятву хранить в тайне все, что услышат. Инквизитор мог для этого пригласить любое лицо по своему усмотрению. Преимущественно такими представителями общества были лица духовного звания, обычно доминиканцы, «люди скромные и религиозные», которые должны были вместе с нотариусом подписать протокол показаний и удостоверить его правильность. Частое подтверждение этого правила папами и то, что оно было внесено в канонические законы, показывают, что ему придавали большое значение как средству придать всему судопроизводству вид беспристрастного.

Состав судилища дополнялся нотариусом, видным и весьма уважаемым должностным лицом Средних веков. Все судопроизводство инквизиции, все вопросы и ответы записывались; всякий свидетель и всякий обвиняемый были обязаны удостоверить правильность своих показаний, когда они прочитывались им в конце допроса, и приговор основывался исключительно на показаниях, добытых таким путем. Обязанность нотариуса была очень тяжелой, и иногда в помощь ему приглашались писцы; но он был обязан лично удостоверить все

документы. Текущие дела судилища давали груду бумаг; их все надо было переписать для архивов; кроме того, различные инквизиции постоянно обменивались копиями своих дел, так что все это давало огромную работу. Инквизитор мог и здесь потребовать бесплатной помощи любого подходящего для этого лица; но было опасно доверять ведение всех этих бумаг людям, не получившим специальной подготовки. В первое время можно было потребовать услуг любого нотариуса, преимущественно кого-нибудь из доминиканцев, кто был раньше нотариусом; если не было под руками ни одного нотариуса, то вместо него можно было взять двух «скромных» людей. Подобная замена, к которой прибегали инквизиторы во время своих разъездов, часто вызывала затруднения. В городах, где происходили постоянные заседания инквизиции, нотариусом было определенное получавшее жалование должностное лицо. Климент V предписал, чтобы этот нотариус давал присягу перед епископом и перед инквизитором.

В 1235 г. признания раскаивающихся стали тщательно записывать в особые специальные книги. Инквизиторам было приказано сохранять все судопроизводство от первого вызова в суд до приговора вместе со списком тех, кто дал присягу защищать веру и преследовать ересь. Этот указ неоднократно повторялся; кроме того, было предписано, чтобы со всех документов снимались копии и чтобы одна из них помещалась в безопасном месте или передавалась епископу. Если должностному лицу нужно было собрать сведения о жителях какого-нибудь поселка, то он сразу мог узнать, кто из жителей был под подозрением и какое решение было принято относительно него из тщательно сохраняемых книг приговоров судов инквизиции. Таким путем с течением времени инквизиция собрала огромный запас справок, которые увеличивали ее могущество и внушаемый ею страх. Так как имущество потомков еретиков подлежало конфискации и так как их можно было всегда признать неполноправными, то тайны семейств, столь тщательно хранимые в архивах инквизиции, давали ей возможность, когда она это находила нужным, уничтожить тысячи невинных. Вдобавок она особенно ловко умела раскрывать предосудительные деяния предков тех, кто имел несчастье возбудить против себя ее недовольство или ее алчность.

Когда нужно было поразить врага, списки нередко подделывали. Народное недоверие увеличивалось еще благодаря тому обстоятельству, что всякое лицо, имевшее у себя документы, относящиеся к судопроизводству инквизиции или к преследованию еретиков, подлежало отлучению от Церкви. С другой стороны, те, спокойствию которых эти документы угрожали, стремились их уничтожить. В 1235 г. граждане Нарбонны уничтожили реестры и книги инквизиции. В 1254 г. указ собора в Альби о снятии копий с дел инквизиции и о помещении их в безопасное место был вызван попыткой еретиков Нарбонны в 1248 г. уничтожить архивы. Около 1285 г. в Каркассоне был раскрыт заговор нескольких высокопоставленных духовных лиц с целью уничтожения архивов инквизиции.

Даже самые скромные служители инквизиции – сторожа, рассыльные, шпионы- наводили ужас на население. Служба их не была безопасна и не привлекала к себе людей честных и мирных; но зато она сулила выгоды людям потерянным и бродягам. Они не только были неподсудны светским судам, как и все служители Церкви, но благодаря предоставленному Иннокентием IV в 1245 г. инквизиторам праву отпускать своим слугам все грехи, они были неподсудны даже и духовным судам. Всякое оскорбление, нанесенное служителям инквизиции, рассматривалось как действие, мешающее ее работе, и почти приравнялось к ереси; если кто-нибудь осмеливался оказывать сопротивление при нападении этих людей, то виновный предавался суду того судилища, в котором служил нападавший. Поставленные таким образом в исключительное положение, они могли делать с незащищенным народом все, что угодно; они творили вымогательства, угрожая арестами и доносами. Этот общественный бич сделался еще более грозным, когда служителям инквизиции было разрешено носить оружие.

В 1249 г. злоупотребления неограниченного числа слуг и писцов инквизиции, которые угнетали и обирали народ, вынудили Иннокентия IV потребовать, чтобы их число соответствовало действительной надобности в их услугах. В 1321 г. Иоанн XXII упрекал ломбардских инквизиторов за то, что вооруженными слугами были у них

отъявленные висельники, которые совершали убийства и угнетали жителей. В 1346 г. один инквизитор во Флоренции был обвинен в том, что он продал разрешение носить оружие более чем двумстам пятидесяти лицам, что давало ему около тысячи флоринов золотом ежегодного дохода и нарушало общественную безопасность.

В Венеции в августе 1450 г. великий совет признал, что инквизитор совершил злоупотребление, продав двенадцати лицам право ношения оружия; подобная толпа, решили члены совета, совершенно излишня, так как инквизитор всегда может потребовать содействия от светской власти. Инквизиторы заявляли, что все подобные ограничения незаконны и что всякая светская власть, мешающая служителям инквизиции носить оружие, «препятствует ее деятельности» и должна рассматриваться как соучастница ереси, что только инквизитор может определить число нужных ему слуг и что ограничение их числа – преступление, которое инквизитор должен наказывать.

Право отменять все местные статуты, неблагоприятные инквизиции, а также обязанность всех светских должностных лиц являться по первому требованию на помощь инквизиции поставили ее выше государства. Всякий, кто отказывался дать присягу в послушании, которую инквизитор мог потребовать от любого должностного лица, подвергался отлучению от Церкви, это в случае упорства влекло обвинение в ереси, а в случае смирения – унижительное покаяние. В 1329 г. Генрих де Шамэ, инквизитор Каркассона, обратился к Филиппу Валуа с просьбой подтвердить привилегии инквизиции; король ответил указом, в котором объявлял, что все герцоги, графы, бароны, сенешали, прево, уездные и земские судьи, кастеляны, приставы и другие судебные чины обязаны повиноваться инквизиторам и их комиссарам; они должны арестовывать и содержать в тюрьме всех еретиков и подозреваемых в ереси и, равным образом, давать по первому требованию инквизиторам, их комиссарам и гонцам, в пределах своей судебной власти, пропуски, помощь и покровительство во всем, что касается задач инквизиции.

Когда общественный чиновник медлил оказать содействие, то тотчас же он подвергался наказанию; мог потерять свою должность в случае неповиновения требованиям инквизиторов.

Инквизиция пользовалась услугами всего католического населения, особенно духовенства. Всякий, под страхом быть объявленным покровителем ереси, должен был выдавать еретиков. Приходские священники были обязаны по требованию инквизитора посылать своих прихожан на суд, объявлять все приговоры отлучения от Церкви, наблюдать за кающимися и ручаться, что наложенные на них епитимьи ими выполнены. Собор 1246 г. в Безье дал право инквизитору назначать в каждом приходе священника и одного или двух мирян, обязанных разыскивать еретиков, посещать места их собраний, следить за исполнением епитимий и различных приговоров инквизиции. Огромное значение в устройстве инквизиции имело собрание, на котором решалась участь обвиняемого. Инквизитор мог вынести приговор только с участием епископа. Климент V объявил не имеющими силы все приговоры, постановленные одними инквизиторами; однако, чтобы избежать медленности в делах, папа разрешил епископам давать согласие письменно, если по истечении восьми дней нельзя было устроить совещания. Эти письменные согласия были чрезвычайно кратки и не могли служить серьезной помехой произволу инквизиторов. Инквизиторы беспрестанно выносили приговоры, пользуясь властью, предоставленной им епископами. Бывали также случаи давления инквизиторов на епископов и угрозы донести на них папе, если епископ не соглашался с инквизитором.

Так как первое время при назначении инквизиторов более принималась во внимание их ревность к вере, чем их знания, и так как обыкновенно они были очень невежественны, то вскоре нашли нужным прибавить к ним для постановления решения людей, изучивших сложные гражданские и канонические законы. Инквизиторам было дано право приглашать сведущих людей, чтобы с ними вместе рассматривать показания и чтобы пользоваться их советами при вынесении приговора. Приглашенные не имели права отказаться нести этот труд бесплатно, хотя инквизитор и мог, если

находил нужным, оплачивать его. Присутствие почтенных граждан при обвинении важных еретиков имело целью скорее увеличить торжественность совещания, чем дать помощь судьям. Совещание назначалось на пятницу; заседателями должны были быть юристы и нищенствующие монахи, назначенные инквизитором, который определял и их число. Они клялись на Евангелии сохранять тайну и судить по совести, следуя внушениям Бога; затем инквизитор читал им доклад по каждому делу, опуская иногда имена обвиняемых, и они произносили одно из следующих решений: «Епитимья по усмотрению инквизитора»; «Осужденный должен быть заключен в тюрьму» или «выдан светской власти». На столе, вокруг которого сидели судьи, лежало Евангелие, чтобы их приговор был вдохновляем Богом и чтобы перед ними было высшее правосудие.

По большей части это судопроизводство было формальное, так как инквизитор мог представить всякое дело так, как он сам понимал его, и обычно созывали так много сведущих людей, что детальное изучение, как правило, многих дел в короткий срок было совершенно невозможно.

Инквизиторы, строго соблюдая формы, всегда считали себя вправе действовать по усмотрению. В приговорах, выходивших после протоколов совещаний, часто встречаются имена осужденных, о которых на самом суде не было и речи.

Так как невозможно было собирать всех судей для каждого отдельного случая, дела соединялись, и время от времени устраивалось торжество – аутодафе, церемония исполнения приговора инквизиции – с целью навести ужас на еретиков и утвердить верных в вере.

С течением времени церемония становится более внушительной, и происходит она по воскресеньям, причем в этот день были запрещены всякие другие проповеди; воскресенье Рождественского поста и дни больших праздников были исключены. Священники приглашали народ присутствовать на торжестве и заслужить этим сорокадневное отпущение грехов. В центре церкви на помосте помещались кающиеся, окруженные духовными и светскими

чиновниками. Инквизитор произносил проповедь, после которой представители светской власти приносили присягу в повиновении, и торжественно провозглашалось отлучение от Церкви всех, кто помешает святому трибуналу. Затем нотариус читал на народном языке показания, спрашивая после каждого из них у обвиненного, чистосердечно ли оно дано им; впрочем, с этим вопросом обращались только к тем, кто был действительно «кающимся» и не мог произвести скандала, уличив судей во лжи. На утвердительный ответ обвиненного его спрашивали, хочет ли он раскаяться или, упорствуя в ереси, погубить тело и душу. Он выражал желание принести покаяние, и тогда читалось отречение, которое он повторял слово за словом; после этого инквизитор объявлял, что с него снимается отлучение от Церкви, и обещал ему снисхождение, если он будет впредь вести себя согласно с тем решением, которое будет ему объявлено. Кающиеся следовали один за другим, начиная с менее виновных. Последними были те, кого «освобождали», т. е. передавали в руки светской власти; приговор над ними торжественно объявляли по будням на площади, где для этого воздвигался особый помост, чтобы храм Божий в воскресный день не был осквернен объявлением приговора, влекущего пролитие крови. Но казнили всегда на другой день, дабы дать время осужденным покаяться. Тщательно заботились о том, чтобы они не обращались к народу с заявлениями о своей невинности.

Большое аутодафе, совершенное в апреле 1310 г. Бернаром Ги в Тулузе, тянулось с воскресенья пятого числа по четверг девятое. Сначала смягчили епитимьи, наложенные на некоторых достойных прощения кающихся; затем двадцать лиц были присуждены носить кресты и совершить паломничества; шестьдесят пять лиц было приговорено к пожизненному заключению в тюрьму, из них трое в оковах; и, наконец, восемнадцать человек были переданы в руки светской власти и сожжены живыми. На ауто в апреле 1312 г. пятьдесят один человек были присуждены носить кресты и восемьдесят шесть - к тюрьме; было конфисковано имущество десяти покойников, после того как было объявлено, что они заслужили тюремное заключение; были вырыты и сожжены тридцать шесть трупов; пять человек были переданы светской власти и сожжены живыми, и пять человек были осуждены заочно. Для еретика не было

никакой надежды найти спасение даже в бегстве, так как инквизиция бодрствовала повсюду. Схватывали по подозрению чужеземца, выясняли, откуда он родом, и посылали гонцов на место его рождения, и оттуда местная инквизиция высылала о нем все нужные справки; тогда, смотря по обстоятельствам, его судили на месте или пересылали на родину, так как всякий суд инквизиции мог судить не только жителей своего округа, но и иностранцев. Иногда два судилища вызывали одного и того же обвиняемого; относительно этих случаев Нарбоннский собор 1244 г. решил, что обвиняемого судит тот инквизитор, который первый возбудил дело. Юрисдикция инквизитора была, в сущности, настолько же личная, насколько и местная, и куда бы он ни являлся, он всегда оставался облеченным судебной властью. Недоставало инквизиции только главы, которому слепо подчинялись бы все подвластные ему и который единолично направлял бы ее деятельность. Папа не брал на себя подобной роли; ему надо было иметь рядом с собой генерал-инквизитора; в 1262 г. Урбан IV приказал всем инквизиторам направлять их донесения кардиналу Каэтано Орсини, сообщать ему обо всех препятствиях, которые встретятся им при выполнении их обязанностей, и во всем следовать его наказам. Кардинал Орсини сам считал себя генерал-инквизитором и старался подчинить непосредственно себе все суды инквизиции. Орсини очень серьезно относился к своим обязанностям и стремился к действительной централизации. Его грамота от 24 мая 1273 г. к инквизиторам Франции свидетельствует, что некоторое время указы служителям инквизиции исходили от него.

Его вступление в 1277 г. на папский престол под именем Николая III указывает на то, что он достиг значительного могущества. Он назначил на освободившееся после его избрания папой место генерал-инквизитора своего племянника, кардинала Латино Малевранка, чтобы быть уверенным в своей личной безопасности. Бонифаций VIII нашел бесполезным и неудобным этот опасный пост. Он оставался незанятым, пока Климент VI не восстановил его для Гильома, кардинала С.-Стефано, который приказал сжечь многих еретиков. После его смерти не было более генерал-инквизиторов, и вообще этот институт не оказал никакого влияния на развитие инквизиции.

Глава 9. СУДОПРОИЗВОДСТВО ИНКВИЗИЦИИ

Судопроизводство епископских судов подчинялось определенным правилам. С инквизицией это исчезло. В качестве судьи инквизитор охранял веру и карал оскорбления, нанесенные ересью Богу. Он был еще и духовник, боровшийся за спасение душ от вечной гибели. Он стремился выполнить свою миссию, не стесняясь выбором средств. Когда обвиняемый являлся перед судилищем, от него требовали присяги, что он будет повиноваться Церкви, правдиво отвечать на все вопросы, выдаст всех известных ему еретиков, выполнит всякую епитимью, которую могут наложить на него; если он отказывался дать подобную присягу, то этим сам себя объявлял изобличенным и закоснелым еретиком.

Инквизитор, в отличие от обыкновенного судьи, должен был не только установить факты, но и выведать самые сокровенные мысли своего пленника. Преступление, которое преследовал инквизитор, было духовным, уголовные действия виновных не подлежали его юрисдикции. Простое сомнение считалось ересью, и инквизитор должен был убедиться в том, что, внешне будучи верным католиком, подсудимый не был еретиком в глубине своего сердца. Но инквизиторы полагали, что лучше принести в жертву сто невинных, чем упустить одного виновного. Из трех форм возбуждения уголовного преследования – обвинение, донос и розыск – третья обратилась в правило. Обвинение как форма возбуждения уголовного преследования было устранено под предлогом, что оно вызывало пререкания, т. е. давало обвиняемому возможность защищаться. Донос не был обычен, и с самых первых дней основания инквизиции розыск стал почти исключительной формой возбуждения дела. На обвиняемого заранее смотрели как на виновного. В 1278 г. один опытный инквизитор принимает за правило, что в областях, сильно подозреваемых в ереси, нужно вызывать на суд каждого жителя, требовать от него отречения от ереси и подробно его допросить о нем самом и о других, малейшая неоткровенность должна была позднее

привести к наказаниям, которые полагались для впавших снова в ересь. В протоколах инквизиции в 1245 и 1246 гг. говорится о двухстах тридцати допросах жителей маленького городка провинции Авиньона, о ста допросах в Фанжо и о четырехстах двадцати допросах в Мас-С.-Пуэльес.

Никто, достигший того возраста, в котором, по мнению Церкви, он был ответственен за свои поступки, не мог отказаться от обязанности давать показания перед инквизитором. Соборы Тулузы, Безье и Альби, предписывая требовать клятву отречения от всего населения, определили этот возраст в четырнадцать лет для мужчин и в двенадцать для женщин; другие считали, что дети должны быть достаточно развиты, чтобы понимать значение присяги; третьи считали ответственными их, начиная с семилетнего возраста; некоторые определяли предельный возраст в девять с половиной лет для девочек и в десять с половиной для мальчиков. Правда, в латинских землях, где законное совершеннолетие наступало только в двадцать пять лет, никто моложе этого возраста не мог быть вызван на суд; но это препятствие обходили легко: назначали опекуна, под прикрытием которого несовершеннолетнего пытали и казнили уже с четырнадцати лет, когда человек делался ответственным по обвинению его в ереси.

Отсутствие считалось неявкой и только увеличивало заранее предполагаемую виновность новым преступлением; неявка считалась равной признанию. Уже до учреждения инквизиции розыск вошел в судебную практику духовных судов. В каноническое право было внесено положение, что в случаях неявки, показаний, добытых розыском, достаточно для обвинения без прений обвинения и защиты. Если обвиняемый не являлся на суд до истечения установленного срока после объявления вызова в его приходской церкви, то выносили обвинительный приговор в его отсутствие; отсутствие обвиняемого замещалось «присутствием Бога и Евангелия» в момент, когда читался приговор. Фридрих II в своем эдикте 1220 г. объявил, следуя Латеранскому собору 1215 г., что всякий подозреваемый, который не докажет своей невиновности в течение года, должен быть осужден как еретик; это постановление было распространено и на отсутствующих,

которые подлежали осуждению через год после отлучения их от Церкви, безразлично, были ли собраны или нет доказательства против них. Человек остававшийся год отлученным от Церкви, не стараясь снять с себя отлучения, считался еретиком, отрицающим таинства и не признающим за Церковью права вязать и разрешать. Инквизиция приговаривала к пожизненной тюрьме тех, кого нельзя было обвинить в каком-либо другом преступлении, кроме уклонения от суда, даже если они и соглашались покориться инквизиции и дать отречение.

Даже в могиле нельзя было скрыться. Если осужденный приговаривался к тюрьме или другому легкому наказанию, то вырывали и выбрасывали его кости; если же его ересь заслуживала костра, то останки его торжественно сжигались. Его потомкам и наследникам, которые подвергались конфискации всего имущества и ограничению личных прав, предоставлялось какое-то подобие защиты. В суде инквизиции обвинитель был одновременно и судьей.

Церковь проповедовала учение, что инквизитор был духовный и беспристрастный отец, который в своих заботах о спасении душ не должен быть стеснен никакими правилами; Разрешали «в интересах веры» всякий сомнительный вопрос. Инквизитор был уполномочен и подготовлен к тому, чтобы суд его был короток; он не стеснялся формой, не позволял, чтобы ему мешали юридические правила и хитросплетения адвокатов; он сокращал судопроизводство, лишая обвиняемого самой обыкновенной возможности сказать слово в свою защиту, он не давал ему права на апелляции и отсрочки. Ни на одной стадии судебного процесса невозможно было достигнуть законного заключения путем учета процессуальных формальностей, которые выработал вековой опыт, чтобы помешать беззаконию и чтобы дать судье почувствовать всю тяжесть ответственности. Инквизиция облекала дело глубокою тайною даже после произнесения приговора. Если не приходилось делать объявления об отсутствующем, то даже вызов на суд человека, только подозреваемого в ереси, делался тайно. О том, что происходило после явки обвиняемого в суд, знали немногие «скромные» люди, избранные судьей и давшие присягу хранить все в тайне; даже сведущие люди, призванные дать свое заключение о судьбе обвиненного, были обязаны сохранять молчание. Выдержки из

протоколов могли сообщаться только в исключительных случаях и с крайней осторожностью.

Инквизиционный суд не подлежал контролю, следствие велось тайно, с применением жестоких, изощренных пыток

Обычно ход инквизиционного процесса был следующим. Указывали инквизитору на отдельное лицо как на подозреваемое в ереси или его имя было произнесено каким-либо задержанным при его признаниях; приступали к негласному расследованию и собирали все возможные свидетельства на его счет; затем его тайно требовали явиться в суд в такой-то день и час и брали с него поручительство; если казалось, что он намеревается бежать, его неожиданно арестовывали и держали под арестом до дня явки на суд. По закону вызов в суд должен был повториться до трех раз, но это правило не соблюдалось. Когда преследование было основано на народной молве, то в качестве свидетелей вызывали первых попавшихся, и когда количество догадок и пустых слухов, распространенных этими свидетелями, боявшимися навлечь на себя обвинение в сочувствии к ереси, казалось достаточным для возбуждения мотивированного дела, то неожиданно наносили удар. Таким образом, обвиняемого осуждали уже заранее; на него смотрели как на виновного уже по одному тому, что его вызывали на суд. Единственным средством спастись было для него признать все собранные против него обвинения, отречься от ереси

и согласиться на всякую епитимью, которую могли бы наложить на него. Если же при наличии свидетельств против него он упорно отрицал свою виновность и настаивал на своей верности католичеству, то он превращался в не раскаявшегося, закоренелого еретика, который должен быть выдан светской власти и сожжен живым.

Инквизитор старался добиться признания. Признание сопровождалось всегда изъявлением обращения и раскаяния. Инквизиция считала выдачу единомышленников доказательством чистосердечного обращения. Отказ кающегося еретика выдать своих друзей и близких принимался как доказательство того, что он не раскаялся, и его немедленно выдавали в руки светской власти. Один инквизитор XV в. настаивал, что ни в коем случае обвиняемого не следует отпускать на свободу, взяв с него поручительство; если он раскаивается, то его следует подвергнуть пожизненному тюремному заключению. Доносы были так важны для инквизиции, что она требовала их и обещаниями и угрозами. Наиболее простым способом добиться признания был допрос обвиняемого. Инквизитор подготавливался к нему, сопоставляя и изучая все противоречивые показания, тогда как узник оставался в полном неведении о собранных против него уликах. Умение вести допрос было главным достоинством инквизитора. Были составлены руководства, в которых содержатся длинные ряды вопросов для еретиков различных сект. Развивалось особого рода тонкое искусство, состоявшее в умении расставлять сети обвиняемым, ставить их в тупик и в противоречие с самим собой. Случалось, однако, что невиновность или хитрость обвиняемого торжествовала над всеми усилиями инквизитора; но в этом случае инквизитор прибегал к обману и пытке. Чтобы вырвать признание у обвиняемого, инквизитор считал уже установленным тот факт, который ему следовало еще доказать, и расспрашивал о разных мелких подробностях. При этом инквизитору рекомендовалось во время допроса перелистывать дело, как будто он справляется в нем, а потом резко объявить обвиняемому, что он говорит неправду, что дело было так-то; взять первую попавшуюся бумагу и сделать вид, что читает в ней «все, что может ввести обвиняемого в обман». Чтобы сделать эту ложь более действенной, тюремщикам было приказано входить в доверие к заключенным, убеждать их скорее сознаться, так как

инквизитор человек мягкий и отнесется к ним снисходительно. Затем инквизитор должен был заявить, что у него есть неоспоримые доказательства и что если бы обвиняемый пожелал сознаться и назвать тех, кто ввел его в заблуждение, то его тотчас освободили бы. Более хитрая уловка состояла в том, что с заключенным обращались мягко, подсылали к нему в камеру испытанных агентов снискать его доверие и побудить его к признанию обещаниями снисхождения и заступничества. В удобный момент являлся лично сам инквизитор и подтверждал эти обещания, говоря, что все, что делается для обращения еретиков, есть акт милосердия, что епитимья есть проявление любви к ближнему и духовное лекарство. Когда несчастный просил снисхождения за свои разоблачения, то его успокаивали, говоря, что для него будет сделано гораздо больше, чем он просит.

При такой организации шпионы играли видную роль. Испытанным агентам, проникавшим в камеру заключенного, было приказано вести его от признания к признанию, пока они не получат достаточно материала для его обвинения, но чтобы он этого не заметил. Обычно это поручали обращенным еретикам. Один из них говорил обвиняемому, что его обращение было притворное; после ряда бесед он приходил к нему позднее обычного, и дверь за ним запиралась. Завязывался откровенный разговор, а за дверью скрывались свидетели и нотариус, которые подслушивали все слова жертвы. Всегда, когда это было возможно, пользовались услугами товарищей по заключению, которые получали известное воздаяние за эти услуги. Но применялись также и жестокие меры. Уличенный или только подозреваемый в ереси лишался прав. Его тело отдавалось на усмотрение Церкви, и если самое мучительное физическое страдание могло принудить его сознаться в ереси, то не останавливались ни перед каким мучением, чтобы «спасти его душу».

Чтобы сломить упорство заключенного, который отказывался сознаться или отречься, посылали к нему в камеру жену и детей, слезы и убеждения которых могли склонить его. Заключенному резко улучшали условия содержания, с ним обращались с видимой добротой в расчете, что его решимость ослабнет, колеблясь между надеждой и

отчаянием. Инквизитор последовательно применял все приемы, которые могли дать ему победу над несчастным. Одним из наиболее действенных приемов была медленная пытка бесконечными отсрочками разбора дела. Арестованный, который отказывался признаться или признания которого казались неполными, отсылался в свою камеру, и ему предоставлялось размышлять в уединении и в темноте. После многих недель или месяцев заключенный просил выслушать его снова; если его ответы были опять неудовлетворительны, его снова запирали. Часто бывало, что между первым допросом заключенного и окончательным решением протекало три, пять, десять или даже двадцать лет. Несчастным приходилось терзаться в безвыходном отчаянии десятки лет. Когда хотели ускорить результаты и добиться сознания, то ухудшали положение узника лишением постели, пищи и пыткой; сажали на цепь в сырой яме и т. п. Инквизиторы прибегали к более грубым и простым орудиям застенка. Пытка противоречила не только принципам христианства и традициям Церкви; за исключением вестготов варвары, создавшие государства современной Европы, не знали пытки, и их законодательные системы ее не знали.

Однако в 1252 г. Иннокентий IV одобрил применение пытки для раскрытия ереси, но не уполномочил лично инквизиторов или их помощников применять пытку к подозреваемому. Было поручено светским властям пыткой принуждать всех схваченных еретиков признаться и выдать своих соумышленников, щадя жизнь и целостность тела. Церковные каноны запрещали лицам духовного звания даже присутствовать при пытке. В 1256 г. Александр IV дал инквизиторам и их помощникам право отпускать друг другу грехи за «неправильности»: отныне непосредственно сам инквизитор и его помощники могли подвергать подозреваемого пытке. Пытка сокращала содержание обвиняемого под арестом; это был скорый и действенный прием инквизиции, чтобы добиться желаемых признаний. В документах следствия пытка упоминается как прием совершенно обычный. В октябре 1317г. Иоанн XXII решил сократить злоупотребление пыткой и предписал, чтобы она применялась только с согласия епископа, если с ним можно было снестись в течение восьми дней.

Средневековые пытки

Но эти правила на практике скоро вышли из употребления. Инквизиторы недолго мирились с подобными ограничениями их привилегий. Тонкие схоластики разъяснили, что папа говорил вообще о пытке и не упомянул о свидетелях; и пытка свидетелей была оставлена на усмотрение инквизиторов и принята как правило. Признали, что обвиняемый, после того как был уличен свидетельскими показаниями или признался сам, становился, в свою очередь, свидетелем по вопросу о виновности своих друзей и что, следовательно, его можно было подвергать сколько угодно пытке, чтобы добиться от него разоблачений. Но даже тогда, когда соблюдались правила, установленные папой, восьмидневный срок давал инквизитору возможность действовать по своему усмотрению по его истечении.

Всеми признавалось, что свидетелей можно подвергать пытке, если подозревают, что они скрывают правду; но законоведы расходились во мнениях относительно того, при каких условиях оправдывалось применение пытки в отношении обвиняемого. Одни считали, что обвиняемого, пользовавшегося хорошей репутацией, можно подвергать пытке, когда есть два свидетеля против него, а

человек дурной репутации может быть подвергнут пытке на основании показаний только одного свидетеля. Другие утверждали, что показаний одного уважаемого лица уже достаточно, чтобы приступить к пытке, какой бы репутацией ни пользовался обвиняемый. Третьи считали, что для применения пытки достаточно «народной молвы». Были выработаны подробные инструкции для руководства инквизиторов по этому вопросу; но окончательное решение принимал судья. Законоведы считали достаточным поводом к пытке, если обвиняемый на допросе проявлял страх, запинаясь или менял ответы, хотя бы против него и не существовало никаких свидетельских показаний.

Правила, принятые инквизицией для применения пытки, были впоследствии усвоены светскими судами всего христианского мира. Пытка должна была быть умеренная, и при этом следовало тщательно избегать пролития крови. Взгляд судьи был исключительным правилом, которое играло роль при выборе пыток. По закону на пытке должны были присутствовать и епископ, и инквизитор. Узнику показывали орудия пытки и убеждали признаться. Если он отказывался, его раздевали и связывали; затем снова убеждали признаваться, обещая ему снисхождение. Это часто достигало желательного эффекта. Но если угрозы и увещания не достигали цели, то пытку применяли с постепенно возрастающей жестокостью. Если обвиняемый продолжал упорствовать, то приносили новые орудия пытки и предупреждали жертву, что они будут применены; если же и после этого жертва не ослабевала, ее развязывали и назначали на другой или третий день продолжение пыток. По правилу, пытка могла применяться только один раз; но достаточно было приказать не повторить, а лишь продолжить пытку, и, как бы ни был велик перерыв, ее могли продолжать бесконечно. Можно было также заявить, что добыты новые свидетельские показания и что они требуют новых пыток.

Упрямую жертву подвергали тем же или еще более тяжелым пыткам. В тех случаях, когда не добивались ничего после мучений, найденных судьями достаточными, по мнению некоторых «правоведов», следовало отпускать несчастных на свободу с удостоверением, что за ними не найдено никакой вины; другие же

считали, что их следует оставлять в тюрьме. Чтобы обойти запрет повторных пыток, расследователи могли во всякий момент следствия приказать применить пытку по одному пункту и бесконечно продолжать ее по соприкасающимся пунктам. Обычно пытка применялась до тех пор, пока обвиняемый не выражал желания сознаться; тогда его развязывали и вносили в соседнее помещение, где выслушивали его признания. Если же признание было сделано в камере пыток, то его после читали узнику и спрашивали, правдиво ли оно. Существовало, правда, правило, предписывавшее перерыв в двадцать четыре часа между пыткой и признанием или подтверждением признания, но обычно это не исполнялось. Молчание считалось знаком согласия. Продолжительность молчания определялась судьями, которые должны были принимать во внимание возраст, пол и физическое или нравственное состояние узника. Во всех случаях признание записывалось в протокол с отметкой, что оно сделано добровольно, без угроз и принуждения. Если обвиняемый отрекался от своего признания, то его можно было снова подвергнуть пытке, которая считалась продолжением прежней, если не решали, что он уже был «достаточно» подвергнут пытке. Так как отречение от признания представляет «помеху деятельности инквизиции», его карали отлучением от Церкви, которому подвергали и нотариусов, помогавших составлять отречение. Инквизиторы считали признание правдивым, а отречение – клятвопреступлением, свидетельствующим, что обвиняемый нераскаянный еретик и рецидивист, которого следует выдать светским властям. Если человек сознался и, отпущенный на свободу с наложением на него епитимьи, публично утверждал, что он был вынужден к признанию страхом, то на него смотрели как на не раскаявшегося еретика., которого следует сжечь как рецидивиста. Если взятое обратно признание обвиняло третьи лица, в этом случае или оставляли в силе это признание, или наказывали сделавшего его как лжесвидетеля.

Так как ни одно сознание не считалось достаточным, если не были названы имена соучастников, то инквизиторы, даже не считавшие отрекшихся рецидивистами, могли присудить их к пожизненному тюремному заключению за лжесвидетельство. Ни один обвиняемый не мог ускользнуть, когда судья инквизиции уже заранее

решил осудить его. Форма, в которую облеклось это судопроизводство в светских судах, была менее произвольна и менее действенна. Однако она отдавала жизнь каждого человека на волю его врага, который мог подкупить двух неизвестных свидетелей для поддержания обвинения.

Глава 10. СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ

Инквизиционный суд носил характер поединка между судьей и обвиняемым. Свидетельским показаниям в этой борьбе придавали большое значение, если они давали повод к задержанию и преследованию или были средством устрашения. С этой целью собирали самые незначительные слухи, даже заведомую клевету, так как клеветника можно было освободить от явки на суд. Судопроизводство регулярных духовных судов, основанное на гражданском праве, признавало и применяло правила последнего относительно свидетельских показаний и обязывало обвинителя подтвердить свое обвинение. Но уже с начала XIII в. инквизиторы считали себя свободными от всякого ограничения и утверждали: «Обвиняемые не должны быть осуждены, если только они не сознаются или не будут уличены свидетелями; конечно, при этом надо сообразоваться не с обычными законами, как при других преступлениях, а с частными узаконениями и привилегиями, предоставленными инквизиторам Святым Престолом, ибо есть много иного такого, что свойственно одной только инквизиции».

В самом начале деятельности святого трибунала была сделана попытка определить, в чем состояло проявление ереси. Нарбоннский собор 1244 г. постановил: для такого проявления достаточно, если обвиняемый будет уличен в том, что «он выказывал доверие еретикам или считал их добрыми людьми».

Добытые свидетельские показания были настолько же ничтожны и неосязаемы, как и те факты, которые желали подтвердить ими. Инквизиция не только предоставляла свидетелям право, но даже убеждала их говорить все, что взбредет на ум. Огромное значение придавали народной молве и общественному мнению; для его подтверждения принимали на веру все слова свидетеля, даже основанные на личном предубеждении, на сплетнях, на пустых слухах или бессмысленной болтовне. Все, что могло повредить обвиняемому, разыскивалось и тщательно записывалось.

Инквизиторами был составлен длинный перечень признаков ереси. Собор в Альби в 1254 г. постановил, что посещение дома заведомого еретика изменяло простое подозрение в ереси на сильное. Некоторым инквизиторам для осуждения было достаточно посещения еретиков, подачи им милостыни, указания им дороги и т. п. Инквизитор все, чего нельзя истолковать в пользу обвиняемого, должен был рассматривать в неблагоприятном для него смысле. Безуспешно искать среди задаваемых инквизитором вопросов хотя бы один о веровании обвиняемого. Всю свою энергию инквизитор употреблял на то, чтобы получить показания касательно его внешних поступков.

При подобной системе самый набожный католик ни одной минуты не мог чувствовать себя в безопасности. В большинстве случаев только одно признание обвиняемого могло удостоверить факт ереси; поэтому, чтобы не оправдать тех, от кого нельзя было добиться сознания, измыслили новое преступление – «подозрение в ереси». Различали три степени подозрения – легкое, сильное и тяжелое; толкователи трудились над определением количества и качества свидетельских показаний, обуславливавших одну из трех степеней подозрения, причем заранее принималось, что окончательное решение этого вопроса зависело от усмотрения судьи. Инквизитор же считал несправедливостью отпустить безнаказанным человека, католицизм которого находился под сомнением. Это учение, принятое инквизицией, проникло с XIII в. в уголовное право всех стран Европы и в течение многих столетий искажало его.

Обычно признавали, что для осуждения человека, пользующегося хорошей репутацией, необходимы два свидетеля, хотя некоторые инквизиторы требовали большего числа. Однако если можно было опасаться, что обвинение не состоится из-за недостатка свидетелей, то вопрос разрешался всецело по усмотрению инквизитора; если нельзя было вызвать двух свидетелей для подтверждения одного и того же факта, то достаточно было двух отдельных свидетелей, которые могли бы засвидетельствовать два однородных факта. Если же был всего один свидетель, то все равно обвиняемый подвергался священному

искуплению. Если свидетель отказывался от своего первого показания, бывшего благоприятным обвиняемому, то первое показание не принималось во внимание; но если показание было неблагоприятно, то уже отречение не имело значения.

Когда Церковь начала преследовать еретиков, стали допускать в качестве свидетелей и еретиков, и людей заведомо нечестивых и опороченных. Эдикты Фридриха II лишали еретиков права выступать свидетелями, но они допускались свидетелями против других еретиков. Этот принцип был принят повсеместно, внесен в каноническое право и утвержден практикой. Если бы дело обстояло иначе, то инквизиция была бы лишена одного из наиболее плодотворных приемов для раскрытия и преследования еретиков. Отлученные от Церкви, клятвопреступники, опороченные, ростовщики, публичные женщины и все, кто по уголовным законам той эпохи был лишен права выступать в качестве свидетелей, имели законное право показывать против еретиков; и только личная смертельная вражда к обвиняемому признавалась законным поводом для отвода свидетелей.

Согласно действовавшему уголовному закону государств Италии, никто не мог быть свидетелем моложе двадцати лет; но в делах о ереси допускались показания и более молодых людей, и эти показания, хотя и не законные, признавались достаточными для оправдания пытки. Во Франции возраст не был строго определен и решение этого вопроса предоставлялось на усмотрение инквизитора. Ввиду того, что собор в Альби в 1254 г. определил, что семилетние дети должны посещать Церковь и знать «Верую», «Отче Наш», «Богородицу», не допускались показания лиц моложе этого возраста. В протоколах инквизиции возраст свидетелей указывается редко; однако в деле 1244 г. об открытии гнезда еретиков Монсегюра свидетелем выступает десятилетний мальчик. Его показание против отца, сестры и против других семидесяти лиц было принято серьезно; и показания ребенка были решающими для всех поименованных им несчастных.

Жены, дети и слуги обвиняемых не могли свидетельствовать в их пользу; но если их показания были неблагоприятны обвиняемым, то их

принимали и даже считали особенно вескими. В таком же положении были и свидетели еретики, показания которых принимались только в том случае, если они были направлены против обвиняемых. Когда дело шло о покойнике, то показанию священника, исповедовавшего и напутствовавшего его, не придавали значения; но если тот же священник свидетельствовал, что покойник признался ему в ереси, отрекся от нее и получил разрешение, то кости его не вырывались и не сжигались, но его наследники должны были подвергнуться штрафу или конфискации, которым подвергся бы он при своей жизни.

Никто не мог отказаться выступить в качестве свидетеля; никакая привилегия, никакой обет, никакая присяга не освобождали от этой обязанности. Если свидетель не желал или колебался давать показания, то рядом с залом суда находился застенок, к орудиям которого прибегали для убеждения свидетелей чаще, чем для убеждения обвиняемых инквизиторы. Полагали, что их применение устраняло всякое сомнение относительно искренности показаний. Священникам было приказано требовать от исповедующихся сообщений всего, что они знали о еретиках и о людях, сочувствующих ереси. Если исповедник узнавал что-либо, касающееся ереси, то он должен был остановиться на этом и приложить все усилия, чтобы убедить кающегося донести об этом властям; если же его убеждение оставалось тщетным, то он должен был, не называя имен, посоветоваться с людьми «опытными и богобоязненными» и спросить их, как ему поступить в данном случае; уже один тот факт, что в подобном деле приходилось обращаться за советами, показывает, что тайна исповеди не считалась инквизицией неприкосновенной. Ересь считалась таким грехом, отпустить который мог только один папа, а не заурядный исповедник.

При таком отношении инквизиционного суда к свидетельским показаниям осуждение за ересь выносилось легче, чем за какое-либо другое преступление. Инквизиторов учили, что достаточно самого легкого показания. Обвиняемому не сообщали имен свидетелей, выступавших против него. Уже в 1244 и 1246 гг. соборы в Нарбонне и Безье запрещают инквизиторам объявлять имена свидетелей, мотивируя это «благоразумным желанием» Святого Престола не

подвергать их опасности. Бонифаций VIII ввел в каноническое право статью об умолчании имен свидетелей. Иногда предъявляли имена свидетелей, выписав их предварительно на особый лист в таком порядке, что невозможно было узнать, кто из них что показал, или их перемешивали с именами других лиц так, что защита никоим образом не могла отделить имен свидетелей. Иногда часть свидетелей приносила присягу в присутствии обвиняемого, а остальные допрашивались в его отсутствие. В некоторых процессах стали держать в тайне и сами свидетельские показания. Обвиняемого судили тогда на основании данных, которых он не видел и которые исходили от неизвестных ему свидетелей. Так как за обвиняемым в принципе не признавали никаких прав, то инквизитор мог позволять себе все, что, по его мнению, могло послужить интересам веры. Так, например, если свидетель обвинения брал свои слова назад, то это держалось в тайне от обвиняемого, так как это могло бы сделать его защиту более смелой; но в то же время судье рекомендуется иметь это в виду при вынесении приговора. Забота инквизиции о безопасности свидетелей заходила так далеко, что инквизитор мог, если находил это нужным, отказать обвиняемому в выдаче копий свидетельских показаний.

Эта таинственность, освобождавшая свидетелей и обвинителей от всякой ответственности, вызывала массу злоупотреблений и полную возможность удовлетворять наветами свою личную ненависть. Покровительство, которое она оказывала доносчикам и еретикам, сделало инквизицию орудием и пособницей бесконечного числа лжесвидетелей, хотя инквизиторы предупреждали свидетеля о наказаниях, налагаемых за ложную присягу, заставляли его дать согласие подчиниться им и тщательно допрашивали его, чтобы узнать, не подкуплен ли он.

Хотя лжесвидетельство каралось очень строго, но тем не менее оно становилось частым, так как раскрытие его было трудным. Бывали случаи, когда свидетели сговаривались погубить невинного. Инквизиция считала, что свидетель, отрекшийся от своего неблагоприятного обвиненному показания, должен быть наказан как лжесвидетель, но тем не менее его показание должно быть сохранено и иметь решающее влияние на приговор.

С лжесвидетелем, если его уличали, поступали так же строго, как с еретиком. Совещение экспертов в январе 1329 г. постановило, что лжесвидетели должны не только подвергаться тюремному заключению, но и возмещать убытки, причиненные ими обвиняемым. В 1518 г. Лев X предписал испанской инквизиции выдавать в руки светской власти тех лжесвидетелей, которые нанесли существенный ущерб своим жертвам. Однако и лжесвидетели, как правило, наказывались по усмотрению инквизитора.

Отношение к свидетелям и свидетельским показаниям – пример тенденции, пронизавшей все инквизиционное судопроизводство, ставить как можно меньше преград трибуналам и давать им неограниченную власть.

Глава 11. ЗАЩИТА

Каноны Латеранского собора предписывали епископским судам, чтобы обвиняемый присутствовал при расследовании его дела, если оно не велось в его отсутствие из-за его неявки; ему предъявлялись все жалобы, чтобы он мог дать на них свои объяснения; имена свидетелей и их показания должны быть обнародованы, и должны быть допущены все законные отводы, «так как сохранение имен в тайне могло возбуждать клевету, а отказ в отводе мог бы помочь лжесвидетелям». Резко отличалось от этого положение обвиняемого инквизицией по подозрению в ереси, который заранее всегда считался виновным. Инквизитор стремился заставить обвиняемого сознаться в своем прегрешении и умолять о воссоединении его с церковью. Чтобы легче этого добиться, систематически низводили до минимума все преимущества защиты. Правда, собор 1246 г. в Безье постановил, чтобы обвиняемому была предоставлена возможность защиты, отводов и опровержения; но инквизиторы не обращали внимания на эти попытки ограничить их произвол. Таинственность позволяла судье делать все, что ему было нужно. Чтобы сделать произвол еще более абсолютным, обвиняемого лишили права иметь защитника. В то же время в епископских судах часто давали бедным бесплатного защитника. Это подтверждалось в хартии 1212 г. Симона де Монфора и в испанских законах той эпохи. Но декреталий Иннокентия III, внесенный в каноническое право, запрещал адвокатам и нотариусам оказывать содействие еретикам и лицам, сочувствующим ереси, а также выступать вместо них в судах. Это запрещение, которое касалось лишь заведомо закоснелых еретиков, было вскоре распространено на людей, только подозреваемых, пытавшихся доказать свою невиновность. Соборы Баланса и Альби в 1248 и в 1254 гг. предупреждали инквизиторов против адвокатских уловок в защиту еретика, признавали сочувствующими ереси адвокатов еретиков; объявленный сочувствующим ереси признавался по закону еретиком, если в течение года не мог это опровергнуть инквизитору. Постоянно повторяли напоминания инквизиторам вести дела, не обращая внимания на законные формальности и на крючкотворство адвокатов.

Нотариусов постоянно предупреждали, что редактирование отречения от признания делало их единомышленниками еретика. Хотя формально обвиняемый имел право взять себе защитника, инквизитор мог возбудить преследование против адвоката или нотариуса, выступившего защитником еретика, как против сочувствующих ереси. Если защитниками были лица духовного звания, их лишали навсегда бенефиций.

Принципом канонического права стало: адвоката еретика должно отрешать от своих обязанностей и отмечать навсегда пятном позора. В конце концов стали запрещать адвокатам выступать в судах инквизиции. Обращение к помощи адвоката могло быть столь же опасно для обвиняемого, как и для его защитника. Инквизиция имела право пользоваться всеми справками, какие только можно собрать; она могла вызвать адвоката в качестве свидетеля, заставить его выдать ей имевшиеся у него документы и узнать от него все, что было сказано ему его клиентом.

По общему признанию защита могла прибегать только к отводу свидетелей обвинения. Свидетель мог быть отведен в случае смертельной вражды к обвиняемому; но чтобы вражда была признана таковой, необходимым условием было пролитие крови, или, по крайней мере, ссора между сторонами должна была быть настолько крупной, чтобы могла вызвать кровопролитие. В этом была вся надежда защиты, но и она разрушалась сокрытием от обвиняемого имен свидетелей обвинения. Несчастному приходилось наудачу называть имена лиц, которые могли быть замешаны в его деле. Если он указывал на кого-либо из свидетелей как на своего личного врага, то его допрашивали о причинах вражды; инквизитор рассматривал мотивы ссоры и решал, достаточны ли они для отвода свидетеля. Одна из уловок судей состояла в том, что они в конце допроса спрашивали у обвиняемого, не имеет ли он таких озлобленных врагов, которые стали бы показывать ложно против него; если он отвечал отрицательно, то для него защита уже не была возможной. В других случаях обвиняемому предъявляли самого враждебного ему свидетеля и спрашивали, знает ли он его; отрицательный ответ лишал возможности ссылаться в будущем на личную вражду. Обвиняемому обыкновенно

никогда не позволяли вызывать своих свидетелей, за исключением случая, когда требовалось установить враждебное отношение кого-либо из его обвинителей. Если обвиняемому не удавалось угадать имен своих врагов и опровергнуть их показания, то осуждение его было неизбежно.

Инквизиционная система предусматривала: если обвиняемый отказывался защищаться, это признавалось равным отказу явиться на суд, в нем видели акт признания, и обвиняемого немедленно выдавали в руки светской власти на сожжение. Но обвиняемый, пытавшийся защищаться, имел так мало надежды на успех, что часто в самом начале отказывался от защиты. Часто в приговорах есть выражение, устанавливающее факт, что осужденный имел возможность защищаться, но отказался от этого; подобные отказы не были исключением.

В случае возбуждения дела против умерших на суд для защиты покойника вызывались его дети или его наследники. Оглашением по церквам вызывали на суд всякого заинтересованного в деле. В третьем оглашении объявлялось, что если никто не явится в назначенный день, то все равно будет вынесен приговор. В приговорах по делам об умерших всегда тщательно отмечаются эти предварительные оглашения. Иногда в делах об еретиках на одре смерти дети ссылались на непричастность, но так как подтвердить это могли только безукоризненные католики, посторонние семейству умершего, то очень редко подтверждалось заявление наследников.

В теории обвиняемый имел право, как и в других судах, отвести своего судью, но этого никогда не бывало на деле. Нельзя было оправдываться невежеством. Того, кто упорно отрицал приписываемую ему вину и даже выражал готовность исповедовать веру и во всем повиноваться Церкви, считали закоренелым и нераскаянным еретиком, недостойным снисхождения. Самоубийство в тюрьме считалось не раскаянием, а сознанием в преступлении. Правда, сумасшествие или опьянение могли быть признаны обстоятельствами, смягчающими слова еретиков, если обвиняемый раскаянием искупал свою вину; но при всяком положении дела он прежде всего должен

был признать заключение, к которому пришел инквизитор, а в противном случае его выдавали светским властям.

Слова Бернара Делисье – францисканского монаха из Каркассона – были святая истина, когда он в присутствии Филиппа Красивого и его двора заявил, что если бы апостолы Петр и Павел были обвинены в преклонении перед еретиками и инквизиция возбудила бы против них преследование, то они никоим образом не могли бы оправдаться.

Спрошенные о вере, они ответили бы, как магистры богословия и отцы Церкви; но когда им сказали бы, что они преклонялись перед еретиками, и они спросили бы: «перед какими?», то им назвали бы нескольких известных в стране людей, не дав никаких объяснений. Если бы они попросили указания на время и место, то им не дали бы их, и если бы они спросили имена свидетелей, то не услышали бы ни одного. «Каким же образом,- вскричал Бернар,- могли бы святые апостолы говорить в свою защиту, особенно при том условии, что всякого, явившегося к ним на помощь, сейчас же обвинили бы в сочувствии ереси?»

В теории, правда, можно было в случае медленности или неправильности судопроизводства жаловаться на инквизицию папе; но эту жалобу нужно было принести раньше объявления приговора, который был окончательным. Но от инквизиторов зависело принять или отвергнуть грамоты о направлении дела папе. Вся эта процедура благодаря своей сложности была доступна людям только очень хорошо осведомленным в законах. Руководства для инквизиторов поучали их коварным и мошенническим уловкам, при помощи которых они могли, бы обойти все попытки подать на них жалобу.

Но были, однако, нередки случаи, где папа мог вмешаться в дело, ибо Святой Престол не признавал для себя никаких законов. Курия всегда была жадна до денег. Поэтому богатые люди, все состояние которых было поставлено на карту, соглашались разделить его с папским двором, лишь бы добиться его всемогущего вмешательства. Уже в 1245 г. епископы Лангедока жалуются Иннокентию IV, что многие еретики, благодаря подобной уловке, ускользают от наказания.

Грамоты папских духовников давали неприкосновенность не только тем, кто попал под суд, но и тем, кто опасался вызова в суд, тем, кто был отлучен от Церкви за уклонение от суда, и тем, кто был уже осужден.

Папское вмешательство противоречило закону и было, вообще говоря, исключением. Осуждение в той или иной форме все равно считалось неизбежным. В реестре каркассонской инквизиции с 1249 по 1258 г. записано около двухсот дел, и нет ни одного случая, чтобы заключенный был выпущен из тюрьмы как невиновный. Коли против человека не было никаких улик и он отказывался признаться во взводимом на него преступлении, его держали в тюрьме столько времени, сколько было угодно инквизитору; если поводом к его обвинению была косвенная улика и подозрение было легкое, то он мог быть отпущен на свободу с внесением залога и под условием стоять у дверей инквизиции по целым дням, пока инквизитор не будет в состоянии доказать его виновность, признанную несомненной. К северу от Альп было общим правилом, что никто не должен быть оправдан. Если обвинение совершенно падало, то инквизиционный суд выносил вердикт: «обвинение не доказано»; но не говорили, что обвиняемый был невиновен. Инквизиторам приказывали никогда не объявлять никого невиновным, так как это могло бы служить помехой возбуждать дело впоследствии на основании новых обвинений.

Климент V, правда, внес в каноническое право запрет инквизиторам судить несправедливо, действовать лицеприятно, руководиться ненавистью или алчностью, грозя за это отлучением от Церкви, снять которое может только Св. Престол. Но благонамеренные усилия Климента не увенчались успехом.

Признание подозрения виной значительно облегчило инквизиции возможность не выносить оправдательных приговоров. Эдиктом Фридриха II предписывалось, что подозреваемые в ереси должны были доказать свою невиновность, если этого требовала Церковь; в противном же случае они лишались покровительства закона; если на них было наложено это наказание и тяготело оно над ними в течение

года, то их с полным правом осуждали как еретиков. Это узаконение значительно отягчало подозрение в ереси и тщательно соблюдалось.

Подозрение могло возникнуть разными путями, но особенно порождала его общественная молва. Достаточно было не принести в определенное время клятвенного отречения от ереси, наложенного на всех жителей Лангедока в XIII в., не донести на еретика, иметь у себя еретические сочинения. Но инквизитору предоставили в каждом случае определять степень подозрения. Считалось, что подозреваемые не суть еще еретики, что их нельзя осуждать наравне с последними и что на них следует налагать более легкое наказание, за исключением случаев тяжелого подозрения. Но обвиняемый не мог снять с себя «тяжелое» подозрение, так как не мог выставить свидетелей. Обвиняемый мог совершенно не быть еретиком, но если он отказывался отречься от ереси, т. е. если он, другими словами, отказывался косвенно сознаться в своей мнимой вине, то его следовало выдать в руки светской власти; если он признавался и просил воссоединить его с Церковью, то его следовало заключить в тюрьму на всю его остальную жизнь.

В случае легкого или сильного подозрения обвиняемый должен был представить несколько лиц, которые вместе с ним клятвенно подтвердили бы его невиновность. Эти лица (соприсяжники) должны были принадлежать к одному с ним сословию, знать его лично и прежде всего принести клятву в том, что они всегда считали его хорошим католиком и что они считают вполне искренней его клятву о невиновности. Число их менялось по усмотрению инквизитора и сообразно со степенью подозрения от трех до двадцати-тридцати и даже более. Если ему не удавалось представить назначенное число соприсяжников или если он не успевал сделать это в течение года, то применялся закон Фридриха II и обыкновенно подозреваемого приговаривали к костру как еретика; некоторые инквизиторы, правда, признавали, что это было лишь косвенной, а не прямой уликой и что подозреваемый мог избежать костра, раскаявшись и отрекшись от заблуждений, чтобы после этого подвергнуться пожизненному тюремному заключению. Если же обвиняемому удавалось оправдаться соприсягой, то его все равно не объявляли невинным. Если

подозрение, падавшее на него, признавалось тяжелым, его имели право наказать; даже в том случае, если подозрение было легкое, уже то, что он попал в число подозреваемых, навсегда накладывало на него пятно бесславия. Подозреваемого заставляли отречься от ереси даже после того, как соприсяжники подтвердили его невиновность; это отречение хранилось в его деле, и если впоследствии против него снова возникало обвинение, то, что он ускользнул от первого обвинения, считалось доказательством его виновности. Если искупление было вызвано легким подозрением, то в случае нового обвинения на него налагалось более тяжелое наказание; если же подозрение было тяжелым, то на обвиняемого смотрели как на рецидивиста, но заслуживающего снисхождения, и его выдавали без суда в руки светской власти. Так как этот порядок был чересчур строг, то к очищению прибегали сравнительно редко.

Во всех случаях, когда обвиняемому разрешалось присоединиться к Церкви, от него обязательно требовали отречения от ереси. Было несколько формул отречения, смотря по тому, какое было подозрение – легкое, сильное или тяжелое – и сознался и раскаялся ли обвиняемый. Обряд совершался публично, на аутодафе, за исключением редких случаев, в которых обвиняемыми являлись духовные лица. Часто отречение сопровождалось денежным штрафом, гарантировавшим соблюдение обвиняемым наложенных на него обязательств. Самым главным пунктом отречения было то, что кающийся отрекался от ереси вообще, в частности и от той ереси, в которой его обвиняли. После этого в случае нового заблуждения его можно было всегда без всякого суда выдать в руки светской власти, если только отречение не было вызвано легким подозрением. В тех случаях, когда подозреваемые в ереси доказывали свою невиновность путем соприсяги, отречение, естественно, не заключало в себе сознания. Но при обвинении в ереси на основании свидетельских показаний, от обвиняемого раньше, чем его допускали до отречения, требовалось сознание в том, в чем его обвиняли. Отрицание вины считалось признаком закоснелости и в силу этого влекло за собой костер; признание было обязательным условием допущения до отречения. В обычных случаях, где применялись пытки, признание давалось почти всегда; но бывали

исключительные случаи, когда обвиняемый отрицал все возводимые против него улики.

Глава 12. ПРИГОВОР

По теории, в задачу инквизиции не входило налагать наказания; миссия ее была в том, чтобы спасти души заблудших, направить их на путь спасения и наложить епитимьи на тех, кто вступал на этот путь, подобно тому, как делал это исповедник в отношении своих духовных детей. Ее приговоры не имели своей целью при помощи внушаемого ими страха помешать распространению преступления; они имели в виду лишь благо заблудших душ, очищение или искупление их от грехов. Когда инквизиция приговаривала к пожизненной тюрьме, то это было простое повеление виновному предать себя тюремному заключению и посадить себя на хлеб и воду, что представляло епитимью; затем ему объявляли, что он не должен выходить из тюрьмы под страхом отлучения от Церкви и признания его клятвопреступником и нераскаявшимся еретиком. Если ему удавалось бежать, то в приказе о его выдаче он выставлялся безумцем, отвергшим спасительное лекарство.

Инквизитор никогда не приговаривал к смертной казни, но просто лишал покровительства Церкви закоренелого и не раскаявшегося грешника или рецидивиста. За исключением Италии инквизитор никогда не подвергал конфискации имущество еретика, но лишь констатировал наличие преступления, которое по светским законам лишало виновного права владеть собственностью. Инквизитор мог наложить штраф в виде епитимьи, причем деньги шли на добрые дела. Он судил грехи и предписывал духовные врачевания, следуя внушению Евангелия, которое всегда лежало раскрытым перед ним. Инквизитор не был связан никакими законами и правилами; вызванные им были в его полном распоряжении, и никакая сила, кроме Св. Престола, не могла изменить ничего в его приговоре.

Сопrotивлявшиеся усилиям инквизиции становились виновными в неблагодарности и непослушании, недостойными снисхождения. Инквизитор мало обращал внимания на человеческие страдания; он не давал права предполагать, что будет мягким; только сознавшийся в

своим преступлением и раскаявшийся в нем являлся перед трибуналом, чтобы принять надлежащее наказание; все же остальные предавались в руки светской власти.

Юридические права инквизиции распространялись не на одних только еретиков, добровольно отступивших от догматов Церкви. Защитники ереси и люди, сочувствовавшие ей, все, кто давал еретикам пристанище, милостыню или покровительство, кто не доносил на них властям или не задерживал их, – все эти люди, как бы ни была известна их преданность католицизму, навлекали на себя подозрение в ереси. Если подозрение было тяжелое, то оно приравнивалось к ереси; если же оно было сильное или легкое, то все же представляло опасность. Инквизиторы считали, что еретик может освободиться от ада, если он раскается, исповедует свои грехи священнику, на него будет наложена епитимья и он получит отпущение грехов. Но он не должен избежать земного наказания и предается в руки инквизиции. При этом инквизиция запретила священникам исповедовать еретиков.

Епитимьи, обычно налагаемые инквизицией, не были очень разнообразны: чтение молитв, посещение храмов, строгое исполнение обрядов, посты, паломничество по святым местам, пожертвования на благотворительность. Затем шли епитимьи унижительные и позорные, из которых наиболее тяжелой было ношение желтых крестов на одежде.

Тюрьма – самое суровое наказание, какое могла наложить инквизиция. Конфискация была побочным наказанием и зависела, наравне с костром, от светских властей. Соборы в Нарбонне и Безье в начале XIII в. предписывали временное или пожизненное изгнание из страны, но эта мера наказания применялась редко, она упоминается в наиболее древних приговорах и фигурирует среди духовных наказаний, подвергнуться которым согласились раскаявшиеся еретики.

Ересь была тяжелым преступлением. Хотя Церковь и объявляла, что она с радостью принимает в свои объятия заблудших и раскаявшихся еретиков, но тем не менее обратный путь к ней был труден для виновного. Он должен был месяцами и даже годами строго

выполнять суровые епитимьи, пока инквизитор не найдет возможным освободить от них кающегося. Всякое нарушение епитимьи превращает его в клятвопреступника и еретика, которого должно изгнать из общества верных.

Духовный отец по своему усмотрению мог соединять воедино много различных видов епитимьи. Епитимьи могли разнообразиться до бесконечности по желанию инквизитора.

Обычным условием епитимьи было бичевание: часто оно подразумевалось, когда предписывались паломничества и посещение церквей. Соборы в Нарбонне и Безье в 1244 и 1246гг., а также собор в Таррагоне в 1242г. упоминают о бичевании как о легком наказании, налагаемом на добровольно обращающихся и кающихся в течение срока милосердия. Эта епитимья длилась часто до самой смерти несчастного; только инквизитор мог положить ей конец.

Паломничество считалось одной из самых легких форм наказания; но это только в сравнении с другими: идти на поклонение святым местам надо было пешком, а число этих мест было обыкновенно так велико, что обход их всех требовал нескольких лет жизни, в течение которых семья кающегося могла умереть с голоду. В одном случае паломничество в Компостелло было предписано более чем девятидесятилетнему старцу за то только, что он разговаривал с еретиками.

Паломничества, налагаемые инквизицией, делились на два разряда – большие и малые. В Лангедоке в случае больших паломничеств назначались Рим, Компостелло, Кэнтербери и Кельн. Малых было девятнадцать – к местным святыням Парижа и Булони. За какие преступления накладывались они, видно из приговора в 1322 г. по делу трех обвиняемых, вся вина которых состояла в том, что они видели вальденских наставников в домах своих родителей, не зная, что это за люди. Чтобы загладить это преступление, кающиеся должны были посетить в течение трех месяцев семнадцать святых мест между Бордо и Виенной и принести из каждого места удостоверение о том, что они там были. В 1308 г. осужденный был освобожден от хождения

по святым местам ввиду его преклонного возраста и слабости; но он должен был посещать два раза в год все церкви «по месту жительства», в Тулузе. В первое время деятельности инквизиции назначалось паломничество в Палестину, куда кающиеся должны были вербоваться в качестве крестоносцев. Но в 1242 или 1243 г. папа запретил вербовать крестоносцев среди еретиков, а в 1246 г. собор в Безье предоставляет на усмотрение инквизитора разрешение вопроса, должны ли кающиеся лично нести службу за морем, или посылать вместо себя вооруженного человека, или сражаться за веру против еретиков или сарацин ближе к своему дому. Также по своему усмотрению инквизиторы могли определять срок службы, который обыкновенно был от двух до трех лет и в исключительных случаях от семи до восьми. Отправлявшиеся в Святую Землю должны были принести удостоверение, скрепленное патриархом Иерусалима или Акры. Падение в 1291 г. Иерусалимского королевства вывело из обычая эту форму епитимьи, хотя и в начале XIV в. ее еще накладывали.

Эти наказания не затрагивали ни социального положения, ни репутации кающегося. Не таково было на первый взгляд несравненно более легкое осуждение носить кресты. Это было прежде всего наказание унижительное. После того как Церковь стала употреблять его как знак греха и позора, люди охотно предпочли бы ему всякую другую опалу. Эти кресты – две больших холщовых нашивки шафранного цвета на спине и на груди – кающийся должен был носить как дома, так и вне его и должен был заменять их новыми, когда они приходили в ветхость. Во второй половине XIII в. отправлявшимся в крестовый поход за море разрешалось снять эти кресты на время похода с условием снова нашить их по возвращении. В начале деятельности инквизиции это унижительное наказание обычно ограничивали сроком от одного года до восьми лет; но впоследствии наказание это накладывалось постоянно на всю жизнь, хотя инквизитор имел право отменить его ввиду хорошего поведения кающегося.

Нарбоннский собор 1229 г. предписал ношение крестов всем обращенным, которые добровольно отреклись от ереси, как

доказательство того, что они питают отвращение к своим прежним заблуждениям. Собор в Безье 1234 г. грозит конфискацией имущества тем, кто откажется носить эти знаки позора или будет скрывать их. Другие соборы, подтверждая это постановление, распространяли его на всех, кто воссоединится с Церковью. Валанский собор 1248 г. постановил, что ослушники должны загладить свою вину, а в случае повторения с ними нужно поступить, как с бежавшими из тюрьмы, и к ним должны быть применены наказания, как к нераскаявшимся еретикам.

Несчастный кающийся был предметом всеобщих насмешек, и ему было страшно трудно зарабатывать себе дневное пропитание. Собор в Безье в 1246 г. запретил насмехаться над кающимися и отказываться от контактов с ними. Но хотя кающиеся и находились под особым покровительством Церкви, она настолько ревностно проповедовала ненависть к ереси, что не могла смягчить отношений массы к тем, которых она клеймила.

Поэтому инквизиция молодым девушкам разрешала снимать кресты, так как с ними они не могли бы выйти замуж. Среди мотивов освобождения кающихся от ношения крестов были: преклонный возраст или слабость, наличие у кающегося семьи, которую нужно кормить, или дочерей, которых нужно выдать замуж. Инквизиция угрожала осуждением на ношение крестов всем, кто будет издеваться над кающимся, будет гнать их или мешать им нести покаяние. Все это показывает, что ношение креста, этой эмблемы христианства, было одним из самых тяжелых наказаний. Санбенито (одеяние еретика) позднейшей испанской инквизиции происходит от наплечника с крестами шафранового цвета, который надевали на приговоренных к тюремному заключению, когда в праздники их выставляли у дверей церкви, чтобы их вид и унижение предостерегали народ от непослушания инквизиции.

В первое время возникновения инквизиции вопрос о том, могут ли инквизиторы налагать штрафы, был спорным. Нарбоннский собор 1244 г. в своих инструкциях инквизиторам предписывает им не приговаривать к денежным наказаниям в интересах доброго имени

ордена, члены которого давали, как известно, обет бедности. Папа Иннокентия IV буллой от 1245 г. повелевает, чтобы штрафы получали два лица, избранные епископом и инквизитором, и чтобы они шли на постройку тюрем и на содержание заключенных. Собор в Безье в 1246 г. отменил постановление Нарбоннского собора и также постановил, чтобы штрафы шли на тюрьмы и на покрытие расходов инквизиции. Но уже в 1249 г. Иннокентий IV жестоко упрекал инквизиторов за их лихоимство, а в 1251 г. совершенно запретил инквизиторам накладывать штрафы во всех тех случаях, когда можно было наложить другое наказание. Но инквизиторы добились отмены этого запрещения и присвоили право накладывать денежные наказания по своему усмотрению. Суммы, собранные таким путем, должны были идти на добрые дела и расходы инквизиции; все деньги поступали в руки лично инквизиторам.

Позднее инквизиция решила, что штраф принципиально не допустим, так как если обвиняемый – еретик, то все его имущество должно быть конфисковано, если же он невиновен, то он не должен быть наказан; но кроме еретиков есть еще сторонники и защитники ереси, на которых следовало накладывать штрафы. Таким образом, злоупотребление осталось, так как оно было выгодно для инквизиции.

От штрафов нельзя отделять замену наложенных наказаний уплатой известной суммы. В 1248 г. папский духовник Альгизий приказал от имени Иннокентия IV освободить десять заключенных, сознавшихся в ереси, на том основании, что они пожертвовали крупные суммы на Св. Землю. В том же году Иннокентий официально разрешил Альгизию сложить наказание нескольким еретикам без согласия инквизиторов. В 1249 г. Альгизий был послан в Лангедок с полномочиями заменять наложенные инквизиторами наказания штрафами, предназначенными на нужды Церкви и Св. Земли, и раздавать все необходимые разрешения грехов, не обращая внимания на привилегии инквизиции. Инквизиторы не замедлили последовать этому примеру и пользовались почти безгранично легкой возможностью вымогать деньги у беззащитных жертв. Эта система сохранялась до последних дней инквизиции. Но смертный приговор законным путем никогда не мог быть выкуплен деньгами.

Когда кающийся умирал, не выполнив своей епитимьи, то случай для подобных сделок был особо благоприятен. Смерть не освобождала людей от инквизиции и отнюдь не смягчала ее преследования; по букве закона невыполнение духовного наказания влекло за собой обвинение в ереси безразлично как для живого, так и для мертвого. Так, например, в 1329 г. каркассонская инквизиция приказала вырыть и сжечь кости семи лиц, которые, не исполнив наложенных на них епитимий, умерли в ереси; это естественно влекло конфискацию их имущества и грозило их потомкам кроме разорения еще известными ограничениями прав. Соборы Нарбонны и Альби предписали инквизиторам требовать удовлетворения от наследников тех, кто умер до суда, если они должны были быть осуждены на ношение крестов, а также от наследников тех, кто сознался и был осужден, но умер раньше, чем мог начать или выполнить епитимью. Даже в том случае, если дело шло только о предполагаемых сторонниках ереси, которые не были еретиками, их наследники все равно должны были подчиняться всякому денежному наказанию, которое было бы наложено на умерших.

Другим, более законным, источником доходов, но также породившим крупные злоупотребления, был обычай требовать залог. Последний мог быть оставлен обвиняемым и служил незаконным поводом к смягчению наказания. Этот обычай вошел в употребление с первых дней инквизиции и применялся в течение всего судопроизводства от первого вызова на суд до объявления окончательного решения и даже после, так как случалось, что заключенных освобождали под условием, что они явятся по первому требованию, а в виде гарантий они вносили залог. Обращенный, получивший прощение после отречения от ереси, также должен был внести залог, обещая не впасть более в заблуждение. Гарантия всегда требовалась денежная, и инквизитору было запрещено принимать ее от еретиков, вина которых влекла полную конфискацию всего имущества; но это правило соблюдалось плохо, и часто находили друзей обвиняемого, которые вносили за него требуемый залог. Оставленный залог должен был поступать в пользу инквизитора иногда непосредственно, иногда при посредстве епископов и идти на

покрытие расходов инквизиции. Обычная форма залога предоставляла в распоряжение инквизитора все имущество заинтересованного лица и имущество двух поручителей, каждого порознь и обоих вместе; по общему правилу к залогу можно было прибегнуть всегда, кроме тех случаев, когда обвинение было очень тяжелое или когда преступник не мог внести никакого залога.

Чтобы получить разрешение на внесение залога, нужно было заручиться согласием инквизитора, действия которого были окружены такой таинственностью, что он ничем не рисковал, назначая цену за свою снисходительность. Если принять во внимание, что всякий старше семи лет мог быть заподозрен в ереси и это неизгладимое пятно мог наложить один простой вызов в суд, то алчности инквизитора, его фискалов и слуг раскрывалась широкая арена.

Инквизиторское могущество часто было средством для вымогательств и шантажа. В 1304 г. папа Бенедикт XII был вынужден сделать серьезное внушение инквизиторам Падуи и Пьяченцы ввиду доходивших до него жалоб по делам добрых католиков, которых преследовали при помощи лжесвидетелей. На Виеннском соборе 1311 г. папа велел принять каноны, внесенные в Corpus Juris, чтобы воспрепятствовать инквизиции пользоваться своим могуществом для вымогательства денег с невинных и за деньги оставлять на свободе виновных. В наказание за подобные проступки Климент грозил отлучением от Церкви. Инквизиторы часто заменяли телесные наказания штрафами и даже налагали ежегодный оброк за свою снисходительность.

Как ни были ужасны мрачные тюрьмы, куда инквизитор запирал своих мучеников, инквизиция гораздо больше внушала страха и отчаяния постоянной угрозой лишения имущества, которую, как Дамоклов меч, занесла над головой всех и каждого. Она могла довести до нищеты любое семейство. Богатые люди рано поняли, что благоразумнее для них было заручиться расположением могущественных мздоимцев. В 1244 г. доминиканский капитул Кагора приказал инквизиторам не брать подарки и подношения, которые подрывали доброе имя их ордена; но эти запреты скоро были забыты.

Так как инквизиция представляла свои отчеты только папской канцелярии, то ее служителям нечего было бояться расследований или доносов. Им нечего даже было бояться и гнева небесного, так как уже сами их служебные обязанности обеспечивали им полное отпущение всех грехов, в которых они исповедовались и раскаивались. Защищенные таким образом, они действовали как хотели, и никакое угрызение совести не смущало их духа.

Только одно чисто светское наказание входило в компетенцию инквизиции: указание домов, подлежащих уничтожению, как оскверненных ересью. Уже в 1166 г. предписывалось сносить все дома, где еретики находили приют. Подобный же указ был издан императором Генрихом VI в 1194 г. (Празский эдикт), Отгоном IV в 1210 г., Фридрихом II в 1232 г. (Равеннский эдикт). Оно было уже внесено в Веронский кодекс 1228 г. для всех тех случаев, когда владельцы дома в недельный срок не удалят из дома своих жильцов еретиков. Такое предписание было в статутах Флоренции. Оно фигурирует в папских буллах, определяющих судопроизводство инквизиции. Во Франции Тулузский собор 1229 г. постановил, что всякий дом, в котором был принят еретик, подлежал разрушению. Место, на котором были построены сносимые дома, считалось проклятым и должно было служить для свалки нечистот; однако материалы, оставшиеся от ломки, могли быть употреблены на благотворительные цели, если только в приговоре инквизиции не говорилось об их окончательном истреблении. Этот приговор препровождался приходскому священнику, который был обязан объявлять его во время обедни три воскресенья подряд.

Со временем инквизиторы присвоили себе право давать разрешение на возведение построек на проклятых участках и извлекали из этого крупные доходы.

Самая суровая кара, которую могли наложить сами инквизиторы, было тюремное заключение. Согласно учению инквизиции, это, в сущности, не было наказанием, но средством для кающегося, подвергнув себя посту на воде и хлебе, получить отпущение своих прегрешений. Разумеется, это духовное наказание налагалось только

на обратившихся. Еретик, упорствовавший в своем непослушании, упрямо отказывавшийся сознаться в ереси и твердивший о своей невинности, не мог быть подвергнут этому духовному наказанию: его передавали в руки светской власти, т. е. в руки палача.

В силу буллы Григория IX «Отлучение от Церкви» от 1229 г. всех, которые отказывались от заблуждений из страха смерти, следовало подвергать пожизненному заключению. То же предписал и Тулузский собор, добавив, что нужно помешать обратившимся против воли совращать других. Равеннский эдикт Фридриха II 1232 г. надолго узаконил это правило. Арльский собор 1234 г. обращал внимание на постоянное возвращение к ереси обращенных силой и предлагал епископам строго наблюдать за тем, чтобы к ним применялось пожизненное тюремное заключение. В то время еретики-рецидивисты не считались еще погибшими безвозвратно; их не передавали светской власти, но пожизненно заключали в тюрьму. Инквизиция это правило применяла с неумолимой энергией, объявляя его особой милостью по отношению к людям, потерявшим всякое право на снисхождение. Исключений здесь не допускалось. Нарбоннский собор 1244 г. точно объявил, что, если нет особой папской индульгенции, не следует никогда мужа щадить ради жены, жену ради мужа, отца ради детей, единственным кормильцем которых он был; ни возраст, ни болезнь не должны были влиять на смягчение приговора. Всякий, кто не являлся в течение срока милосердия, чтобы сознаться и выдать своих единомышленников, должен был подвергнуться этому наказанию, которое всегда должно быть пожизненным. Ввиду широкого распространения ереси в Лангедоке в самом начале XIII в. толпа пропустивших срок милосердия стала так велика, что епископы заявили о невозможности кормить такую массу заключенных и даже о невозможности найти достаточно камней и извести для сооружения тюрем. Тогда было предписано инквизиторам отсрочить до решения папы заключение обращенных, кроме предупреждения случаев закоснелости в грехах, вероотступничества и бегства. Но уже в 1246 г. собор в Безье предписал заключать в тюрьму всех, пропустивших срок, советуя, впрочем, смягчать наказание в тех случаях, когда оно грозило смертью родителям или детям. Таким образом, тюрьма сделалась обычным наказанием для всех, за исключением

упорствующих еретиков, которых сжигали. Только одним решением, объявленным в Тулузе 19 февраля 1287 г., было приговорено к этому наказанию от двадцати до тридцати кающихся, которых пришлось временно запереть в частные дома, пока не освободились для них места в тюрьме. Тулузская инквизиция с 1246 по 1248 г. осудила сто двадцать семь лиц на пожизненное тюремное заключение, шесть на десять лет, шестнадцать на неопределенный срок, как пожелает Церковь; несколько позднее, согласно решению Нарбоннского собора, стали приговаривать к тюрьме всегда пожизненно.

Было два вида тюремного заключения: строгое и смягченное. Но в обоих случаях заключенный получал только хлеб и воду, содержался в одиночной камере и не мог ни с кем иметь сношений из боязни, чтобы его не совратили другие или он других. Заключенный в карцер содержался в ножных оковах в узкой и темной камере; часто он был прикован еще к стене. Это наказание налагалось на тех, преступные деяния которых носили характер соблазна, или на тех, кто нарушал присягу, дав неполное признание; но это всецело зависело от усмотрения инквизитора. Если виновные принадлежали к монашескому ордену, то обычно наказание хранилось в тайне, и осужденный заключался в тюрьму монастыря своего ордена; для этого при монастырях обычно имелись одиночные камеры, в которые никто не должен был входить, никто не должен был видеть заключенных, пищу ему передавали через специальную форточку. Это была могила живых. Лишь после 1350 г. было предписано настоятелю монастыря два раза в месяц навещать и утешать заключенного; последнему же предоставлялось право просить, чтобы два раза в месяц его навещали монахи.

Тюремное начальство не заботилось о том, чтобы облегчить участь заключенных. Для еретиков добиться лучшего обращения было почти невозможно, так как имущество их было конфисковано и было опасно всякое малейшее проявление участия к ним.

Огромное число узников вследствие энергичных действий инквизиции уже в начале XIII в. выдвинуло трудный вопрос о постройке и содержании новых тюрем. В 1254 г. собор в Альби решил,

чтобы владельцы конфискованных имений выделяли средства на помещение в тюрьмы и содержание там своих предшественников по владению, а если еретики окажутся без средств, то города или сеньоры, на земле которых они были захвачены, были обязаны под страхом отлучения от Церкви нести расходы по содержанию «своих» еретиков в тюрьме. Святой Людовик, король Франции, извлекавший большие доходы от конфискаций, в 1233 г. взял на себя содержание тюрем в Тулузе, Каркассоне и Безье. В 1246 г. он приказал своему сенешалю передать в распоряжение инквизиторов подходящие тюрьмы в Каркассоне и Безье и доставлять заключенным их ежедневную порцию хлеба и воды. В 1258 г. он предписал своему каркассонскому сенешалю немедленно окончить постройку тюрем. В 1304 г. субсидия от короля на пищу каждого заключенного была три денье в день.

При постройке тюрем, естественно, старались сократить расходы и сэкономить место, нисколько не заботясь о здоровье и удобствах их подневольных жильцов. Папские инструкции гласили, что они должны состоять из маленьких одиночных камер без воздуха и света. В течение долгих лет в них находились несчастные кающиеся, участь которых оказывалась гораздо хуже, чем короткая агония костра. Они были предоставлены всецело на произвол тюремщиков; жалоб их никто никогда не слушал; если заключенный жаловался на какой-либо акт насилия, то его даже клятвенное показание устраняли с пренебрежением, тогда как всякое слово тюремных служителей принималось на веру.

Конец страданиям заключенных приносила смерть, вызываемая ужасной грязью, в которой им приходилось гнить. Смертность в этих тюрьмах была огромна. В аутодафе часто объявлялись приговоры по делам заключенных, умерших до окончания процесса. На ауто в 1300 г. упоминается десять лиц, умерших уже после того, как они созналась в ереси, но раньше решения их дела; в ауто 1319 г. было восемь подобных случаев. В ауто 1326 г. имеются приговоры по делу четырех умерших; к ауто 1328 г. пяти. Тюрьма, вполне естественно, была мерой наказания, которую чаще всего применяли инквизиторы.

Нужно еще отметить одну особенность инквизиторских приговоров: они всегда оканчивались стереотипным выражением, оставлявшим за инквизитором право по произволу изменять, смягчать, увеличивать и возобновлять наказание. Уже в 1241 г. Нарбоннский собор предписал инквизиторам оставлять всегда за собой это право, и с течением времени это вошло в неизменное правило. В 1245 г. Иннокентий IV предоставил инквизиторам, действовавшим совместно с епископами, право изменять наложенное наказание. Однако ни епископ, ни инквизитор не мог отменить наказание; эта привилегия принадлежала одному только папе: ересь была таким неизгладимым преступлением, что только представитель Бога обладал властью снять это пятно.

Право смягчения наказания применялось часто; им пользовались, чтобы добиться от кающихся более точных показаний как доказательства их чистосердечного раскаяния, а, возможно, также и для того, чтобы чрезмерно не наполнять тюрем. В 1328 г. одним постановлением были освобождены двадцать три заключенных в Каркассоне; тюрьма была заменена им ношением крестов, паломничествами, бичеванием и другими духовными подвигами. При подобных условиях жизнь на свободе была невыносимой и смерть являлась освободительницей.

Как в приговорах обвинительных, так и в смягчающих наказание за инквизитором оставлялось право изменения и восстановления наказания с указанием или без указания оснований к тому. Инквизиция никогда не выносила помилования. Собор в Безье 1246 г. и Иннокентий IV в 1247 г. объявили инквизиторам, что в тех случаях, когда они освобождали заключенного, они должны были предупредить его, что при первом поводе к подозрению он будет наказан без всякой жалости, и должны были оставить за собою право заключить его снова в тюрьму без всякого суда и следствия, если этого требовали интересы Церкви. Эти условия сохранялись в обрядниках и предписывались руководствами. Кающийся должен был знать, что свобода, предоставленная ему, всецело зависит от усмотрения и произвола судьи, который во всякое время мог опять заключить его в тюрьму и

заковать в цепи; в своем клятвенном отречении он ручался своею личностью и всем своим имуществом, что явится по первому зову.

Когда дело было выдающейся важности, например поимка видного ученого еретика, то инквизиторы могли обещать полное и совершенное помилование его ученикам, если они выдадут его. Если были наложены особые духовные епитимьи, то инквизитор мог, по их выполнении, объявить кающегося человеком хорошей жизни и честных нравов; но это никоим образом не уничтожало первоначальный приговор. Снисходительность инквизиции никогда не доходила до прощения; она лишь давала отсрочку, и человек, над которым был уже раз вынесен приговор, мог всегда ожидать, что его позовут и снова подвергнут или прежнему, или еще более тяжелому наказанию. Вся жизнь его отныне принадлежала молчаливому и таинственному судье, который мог разбить ее, не выслушав его оправданий, не объяснив причин. Он навсегда отдавался под надзор инквизиционной полиции, состоявшей из приходского священника, монахов, духовных лиц и всего заседания, которым приказывалось доносить о всяком упущении, сделанном им при исполнении наложенной на него епитимьи, о всяком подозрительном слове или действии — за что он подвергался ужасным наказаниям как еретик-рецидивист. Ничего не было легче для личного врага, как уничтожить подобного человека, и сделать это было тем легче, что доносчик знал, что имя его будет сохранено в тайне. Было ли положение жертв костра и тюрьмы более печально, чем участь множества мужчин и женщин, ставших рабами инквизиции после того, как она пролила на них свое лицемерное милосердие? Вся жизнь их была сплошным беспокойством, и не было у них надежды на отдых.

Даже смерть жертв инквизиции не отнимала у нее оружие. Не раз выкапывался прах тех, кого своевременная смерть, казалось, отдала уже на суд Божий. Если обвиняемый умирал после признания и раскаяния, то он все равно должен был понести то наказание, которое понес бы, оставаясь в живых; и выкапывание тела из земли заменяло заключение в тюрьму; живые наследники его должны были подвергнуться легкой епитимьи, которую можно было заменить деньгами. Но если обвиняемый умирал, не принеся признания, и если

были указания на его ересь, то он попадал в число нераскаявшихся еретиков, останки его выдавались в руки светской власти, а имущество конфисковалось. Если светские власти колебались вырыть тело, то их принуждали к этому угрозой отлучения от Церкви.

Такую же ярость испытывали на себе и потомки несчастных. Измена, по римскому праву, наказывалась с неумолимою жестокостью; а ересь- измена Богу. В Кодексе Юстиниана дети виновного в измене признавались не имеющими права занимать общественные должности и наследовать по боковой линии. Тулузский собор 1229 г. объявил не имеющими права избрания на должности даже тех из еретиков, кто обратился добровольно; Фридрих II применил к ереси римский закон и распространил его действие и на внуков виновного. Это увеличение наказания было весьма охотно принято Церковью. Однако Александр IV в булле 1257 г., много раз повторявшейся его преемниками, пояснил, что это не распространялось на те случаи, где виновный дал публичное покаяние и выполнил епитимьи; Бонифаций VIII отменил ограничение прав для внуков с материнской стороны. Измененный таким образом закон Фридриха сохранился в каноническом праве.

Инквизиция так сильно нуждалась в содействии светских чиновников, что до известной степени ее можно извинить, что она старалась лишать права службы тех, кто мог бы иметь известную симпатию к еретикам. Но так как не было установлено никакой давности, чтобы остановить ее в процессах против мертвых, то нельзя было остановить и ее наступательные действия в отношении наследников еретиков. Архивы инквизиции сделались, таким образом, источником бесчисленных притеснений, направленных против тех, кто давно или недавно имел связь с еретиком. Никто не мог быть спокоен, что в один прекрасный день не откроют или не сфабрикует какого-нибудь свидетельского показания против кого-либо из его родителей или предков, давно уже умерших; этого было бы достаточно, чтобы навеки разбить его карьеру. В этом случае к королевской власти прибегли, чтобы она отрешила чиновника от должности; но учение инквизиции предоставляло и самому инквизитору право удалять со службы любое лицо, отец или дед которого был еретиком или сторонником ереси. Поэтому, когда кающийся выполнял наложенную

на него епитимью, то дети его часто из предосторожности брали об этом официальное удостоверение, которое впоследствии давало им возможность получать службу. В отдельных случаях инквизитор имел право снимать с наследников еретиков тяготевшее над ними ограничение гражданских прав; но, как и в вопросе об епитимьи, это было лишь отсрочкой наказания, которую во всякое время можно было отменить по первому подозрению в симпатиях к ереси. Благодаря этому бывали и такие случаи, что потомки еретиков занимали даже духовные должности. Если кто-либо был посвящен в священники и получил бенефиций до осуждения своих родителей, то закон не имел обратной силы.

В основе всех приговоров инквизиции лежал приговор об отлучении от Церкви, на котором зиждилось все ее могущество. В теории духовные наказания, налагаемые инквизицией, были тождественны с теми, при помощи которых всякое облеченное властью духовное лицо могло лишить человека вечного спасения; но духовенство так осрамилось, что анафема в устах священника, которого не боялись и не уважали, потеряла, по крайней мере в рассматриваемую эпоху, в значительной степени свое значение. Наоборот, духовные наказания инквизиции были оружием в руках небольшого числа энергичных людей, и никто не мог безнаказанно относиться к ним без уважения; к тому же светские власти были обязаны изгонять всякого, как еретика или сторонника ереси, кого отлучал от Церкви инквизитор, и конфисковать его имущество. Не без основания инквизиторы хвалились, что их проклятие по четырем причинам могущественнее проклятия остального духовенства: они могли заставить светскую власть признать отлученного вне закона; они могли принудить ее конфисковать его имущество; они могли осудить как еретика любого, который оставался отлученным в течение года; и, наконец, они могли отлучать всякого, кто стал бы поддерживать сношение с отлученным. Таким образом инквизиция добилась, чтобы беспрекословно слушались ее призыва и подчинялись налагаемым ею наказаниям. Для приведения в исполнение своих приговоров она пользовалась услугами светской власти; она устраняла все законы и статуты, которые противоречили ее судопроизводству; она подтверждала, что царствие Божие, представляемое ею на земле, было

выше царств земных. Из всех отлучений самым страшным было отлучение инквизитора, и самые отчаянные не решались бравировать этим, так как они знали, что за это им грозила в близком будущем ужасная месть.

Глава 13. КОНФИСКАЦИЯ

Хотя конфискация не была прямым делом инквизиции, она сама собой вытекала из ее приговора.

Король Рожер, занимавший престол Сицилии в течение первой половины XII в., первый предписал конфискацию имущества всех, кто отпал от католической веры и исповедовал восточное православие, магометанство или иудейство. Но Церковь ввела это во все законодательства Европы как наказание за ересь. Большой Турский собор в 1163 г. предписал всем светским князьям заключать еретиков в тюрьму, а имущество их конфисковать. Луций III попытался в своих Веронских декретах 1184 г. повернуть в пользу Церкви все конфискуемое имущество еретиков. Иннокентий III в своем эдикте объявил: «Мы повелеваем, чтобы имущества еретиков подвергались конфискации; чтобы эта мера применялась светскими князьями под страхом наложения на них духовных наказаний. Имущества еретиков, отрекающихся от ереси, не будут возвращены им, если только не будет благоугодно кому-нибудь сжалиться над ними... Должны быть отсечены от Христа и лишены имущества те, кто уклоняется от веры и оскорбляет Сына Божьего».

Когда духовные суды объявляли кого-либо еретиком, то конфискация делалась сама собой; наложение запрещения на имущество было на обязанности светской власти, и только от нее одной зависело пощадить имущество виновного. Князья стали пополнять свои скудные доходы при помощи конфискаций.

Отношение инквизиции к конфискованным имуществам в разные эпохи и в разных странах было различно. Во Франции право на собственность, раз вина была установлена, переходило фиску; инквизитор там только устанавливал степень виновности подсудимого. Приговоры французской инквизиции вообще не упоминают о конфискации. В осуждениях, вынесенных против отсутствующих и умерших, иногда указывалось на конфискацию.

Как только подозреваемый в ереси вызывался на суд или задерживался, светские власти накладывали секвестр на его имущество и сообщали об этом его должникам. Когда выносился приговор, состоялось осуждение, инквизитор извещал о нем власти; среди обязанностей инквизитора была и обязанность наблюдать за тем, чтобы конфискация была произведена.

В Италии буллой Иннокентия IV от 1252 г. предписывалось властям Ломбардии, Тревизо и Романии конфисковать имущество всех отлученных от Церкви, как еретиков или как помощников или сторонников еретиков; признавалось, что право конфискации принадлежало светской власти. Но скоро, согласно буллам «Для искоренения» Иннокентия IV и Александра IV, инквизиция получила в ней прямой интерес. В обвинительных актах итальянской инквизиции конфискация предписывалась официально, и светские власти не вмешивались, если только их не просили об этом.

В первой половине XIII в. в некоторых городах итальянские инквизиторы не только предписывали, но и контролировали конфискации, а уже с XIV в. инквизиторы становятся полными хозяевами всего получаемого от конфискаций.

В Германии Вормсский сейм (1321) ересь уравнил с изменой и установил, что аллодиальные земли и личные владения осужденного еретика поступают его наследникам, а ленные поместья переходят в пользу сюзерена. Если он был рабом, то его имущество поступало во владение его господина; но из общей суммы удерживали расходы по приведению в исполнение казни на костре и судебное вознаграждение сеньора-судьи. В 1323 г. Майнцский собор постановил, чтобы имущество обвиняемых оставалось неприкосновенным до окончания суда, и грозил отлучением от Церкви всякому, кто до этого времени захватил бы это имущество или откупил бы его. Когда император Карл IV сделал попытку ввести инквизицию в Германии (1369), то он приказал третью часть конфискованного имущества отдавать инквизиторам.

Даже в тех государствах, где инквизитор номинально не имел никакой доли в конфискации, он был полным хозяином имущества обвиняемого. Приговор инквизиции подлежал беспрекословному исполнению светскими властями. Собор в Безье в 1233 г. настаивал, чтобы она применялась и против обратившихся и воссоединенных с Церковью, которые были осуждены на ношение крестов; соборы в Безье 1246 г. и Альби 1254 г. требовали ее применения во всех случаях, когда инквизиторы присуждали к тюрьме. Тюрьма и конфискация были нераздельны. Иногда даже в приговорах относительно умерших говорится, что они признаны достойными тюремного заключения с единственной целью: лишить их наследников права наследования. В конце концов юристы условились признавать тюремное заключение как условие, достаточное для конфискации имущества.

Людовик Святой, король Франции, своими указами 1229 и 1259 гг. предписал конфисковать имущество не только тех, кто был присужден к тюрьме, но и тех, кто не являлся по вызову, и тех, в домах которых были обнаружены еретики; его чиновники должны были узнать от инквизитора до окончания суда, заслуживает ли обвиняемый тюрьмы, и, в случае утвердительного ответа, наложить арест на его имущество. Наследники восстанавливались во владении имуществом в тех случаях, когда еретик заявил готовность обратиться раньше вызова инквизиции или когда он вступил в монашеский орден. Конфискация широко применялась повсеместно, и с неумолимой жестокостью одно ничтожное проявление ереси лишало человека права собственности. Даже в конце XV в. было общим правилом, что конфискация была вполне законна, тогда как возврат имущества воссоединенному с Церковью еретику являлся актом милосердия, требовавшего особого мотивированного постановления.

В начале преследователи подвергали конфискации все. Но в 1237 г. Григорий IX признал, что приданое жен-католичек должно в известных случаях оставаться неприкосновенным, а в 1247 г. Иннокентий IV повелел приданое возвращать женам, хотя ересь и не обуславливала развода. Людовик Святой принял это правило в 1258 г. Однако по каноническому праву жена не могла ничего требовать назад, если во время своего выхода замуж она знала о ереси своего мужа, а по

мнению некоторых юристов, даже и в том случае, если она, узнав об ереси своего мужа, продолжала жить с ним и, наконец, если не донесла об этом в сорокадневный срок после обнаружения ереси мужа. А так как дети лишались права на наследство, то жена еретика сохраняла свое приданое только при жизни, а после ее смерти оно поступало в фиск.

Луций III пытался отдать Церкви исключительное право на доходы от конфискации. Иннокентий IV в своей булле «Для искоренения» 1252 г. одну треть предоставлял местным властям, одну треть- служителям инквизиции, а остальное- епископу и инквизитору с тем, чтобы они употребляли эти деньги исключительно на розыск еретиков. Эти предписания были сохранены Александром IV и Климентом IV. Александр IV в 1260 г. приказал инквизиторам Рима и Сполето продать конфискованное у еретиков имущество и вырученные деньги передать самому папе; а в 1261 г. Урбан IV получает триста двадцать ливров, вырученных от конфискаций в Сполето.

Со временем в Италии установился обычай распределять выручку от конфискаций между общиной, инквизицией и папской канцелярией; епископы, по словам Бенедикта XI, присваивали лично себе часть, которая полагалась им на преследование ереси. Распределение доходов, предписанное папой, обыкновенно не соблюдалось; инквизиторы захватывали себе все, тратили доходы от конфискаций на себя лично или раздавали их своим родственникам. В архивах Флоренции сохранилось несколько документов XIV в., подтверждающих это.

В Неаполе с первого дня установления инквизиции король Карл Анжуйский обеспечил за собой исключительное право на конфискации. В 1290 г. Карл II приказал, чтобы штрафы и конфискации распределялись на три части; одна в пользу королевского фиска, другая – на пропаганду веры и третья – на инквизицию. Исключение было сделано для феодальных владений, которые должны были идти короне или их непосредственному сюзерену.

В Венеции соглашение 1289 г. между синьорией и Николаем IV, которым республика признавала введение инквизиции, оговаривало, что все доходы святого трибунала будут находиться в распоряжении государства. В Пьемонте конфискации делились между государством и инквизицией, пока во второй половине XV века Амедей IX не присвоил их все фиску, предоставив инквизиции лишь оплату расходов по ведению дела.

Но уже в первой четверти XIV столетия Церкви в Италии, удалось присвоить себе все доходы от конфискаций, которые равномерно делились между инквизицией и папской канцелярией. Только в 1438 Г. Евгений IV предоставил итальянским епископам свою часть. Там, где епископы были в то же время светскими владыками, конфискации распределялись между инквизицией и ними.

В Испании было правило, если еретик являлся лицом духовного звания или светским вассалом Церкви, то Церковь получала его конфискованное имущество; в остальных случаях оно поступало светскому сеньору.

Светская власть и без напоминаний Церкви спешила завладеть имуществом своих подданных-еретиков. В 1246 г. евреев Каркассона, как иноверцев, равных еретикам, заключили в тюрьму. В июле Людовик писал своему сенешалю, что он хочет извлечь из этих евреев как можно больше денег, поэтому их должно держать крайне строго; король просит сообщить ему, какую сумму можно выжать с них. В августе он пишет, что предложенная ими сумма мала, и поручает сенешалю вымучить с них столько, сколько можно.

В начале XIII в. в Лангедоке инквизиция вначале пыталась присвоить себе доходы от конфискаций, чтобы употребить их на постройку и содержание тюрем. Но быстрое распространение королевской юрисдикции во Франции в течение второй половины XIII в. сделало короля почти исключительным обладателем конфискованных имений. В 1229 г., после долгих споров с Церковью, право короля на конфискованное имущество было признано неоспоримым.

Дело преследования еретиков было не менее прибыльно для кармана и епископов. В 1247 г. епископ Бертран в Альби получил от Иннокентия IV особые инквизиторские полномочия, а в следующем году он продавал осужденным и раскаявшимся еретикам смягчение наказаний. Эта торговля была очень прибыльна, но и тогда незаконна. В 1460 г. во время преследования колдунов Арраса их движимое имущество было присоединено к богатствам епископа, а их недвижимое имущество было конфисковано в пользу фиска.

Лишь только подозреваемый вызывался инквизицией, как на его имущество накладывался секвестр, и его должников уведомляли, чтобы они уплатили королю все должные ими суммы. В Неаполе королевский указ об аресте шестидесяти девяти еретиков в 1269 г. приказывал сразу отобрать их имущество в пользу короля. Чиновники уже заранее были так убеждены, что суд окончится осуждением обвиняемых, что часто, не дожидаясь окончания дела, производили конфискацию. Это злоупотребление восходит к первым дням инквизиции. В 1237 г. Григорий IX запретил его. В 1246 г. собор в Безье снова осудил это злоупотребление, разрешив, однако, конфискацию до осуждения в том случае, если подсудимый заведомый еретик. В 1259 г. Людовик Святой смягчил суровые приемы конфискации, он косвенно запретил поспешное наложение ареста на имущество, предписав своим чиновникам во всех тех случаях, когда обвиняемый не был присужден к тюрьме, допускать его или его наследников ходатайствовать о снятии секвестра; но если имелось подозрение в ереси, то имущество могло быть возвращено только при условии представления залога в обеспечение того, что оно перейдет к государству в случае, если в течение пяти лет подозрение в ереси будет доказано; до того же времени оно не могло быть отчужденно. Однако продолжали по-старому производить предварительные конфискации, так что Бонифаций VIII внес в каноническое право новое запрещение этого хищничества. Но инквизиция настолько распространила идею, что всякий обвиняемый виновен и что из ее рук нельзя выскользнуть, что по-прежнему чиновники действовали по простому подозрению.

Нередко чиновники позволяли еретикам за взятки сохранять часть имущества и осуждали на костер несчастных с единственной целью захватить их имущество и с особым старанием разыскивали повсюду, что бы конфисковать. В деле одного богатого заключенного потребовалось до десяти лет, чтобы подвести актив, причем было восемьсот пятьдесят девять должников, из которых один был должен всего пять денье. Но никогда не поднимали вопроса об уплате долгов обвиненного, так как еретик не мог законно делать долги, и обирали его должников. Вельможи настаивали, что суммы, должные одним вассалам, должны были поступать в их пользу, но Филипп Валуа решил в 1329г., что все долги по месту жительства еретика должны поступать в королевскую казну.

Не менее энергично разыскивались и отчужденные имения. Всякая продажа, всякий дар, сделанные еретиком, считались не имеющими законной силы даже в том случае, если отчужденный предмет перешел после этого через несколько рук. Новый владелец должен был выдать его без всякого вознаграждения.

Чиновники не упускали случая нагреть себе руки. В 1304 г. Яков де Полиньяк, бывший в течение двадцати лет смотрителем инквизиционной тюрьмы в Каркассоне, вместе с несколькими другими чиновниками, ведавшими конфискацией, был уличен в присвоении одного замка, нескольких ферм, виноградников, садов и многочисленной движимости; их всех присудили вернуть королю все незаконно присвоенное.

В опись конфискуемого имущества вносилось все до домашней утвари и наличной провизии включительно.

Массовые конфискации не только навлекали бедствия на тысячи женщин и беззащитных детей, доведенных до нищенства, но они буквально парализовали общественную жизнь и повседневные сношения между собой людей. Ни один заимодавец, ни один покупатель не мог быть уверен в правоте того лица, с которым имел дело; кроме утраты права на владение в случае ереси, почти неограниченное право возбуждать процессы против умерших через

много лет мешало всякому спокойно пользоваться своим благоприобретенным или унаследованным имением.

Давность относительно требований римской Церкви была установлена столетняя, считая при этом не со дня совершения преступления, а со времени его раскрытия. В обычных случаях церковная давность определялась в сорок лет, но, чтобы сослаться на нее, собственник имения должен был доказать, что он никогда не подозревал прежнего владельца в ереси и что прежний владелец умер твердым католиком. В противном случае право на владение являлось спорным и нового владельца легко могли разорить. Осуждение распространялось на детей и внуков давно покойного еретика; все они лишались имущества и подвергались ограничению прав, как потомки еретика.

И не только все то, что еретик отчуждал, отнималось у новых владельцев, но долги, заключенные им, залоги и другие его обязательства не имели значения. Так как никто не мог поручиться за правоверие своего соседа, были стеснены и парализованы самые простые сделки. Инквизиция не только душила умственные стремления XIII в., но также остановила и материальный прогресс. Это вместе с ужасами преследования способствовало уничтожению многообещающей цивилизации в Южной Франции и перенесению ее центра в Англию и Голландию, где инквизиция не пользовалась большим влиянием, первенства в торговле и промышленности, проложившего дорогу богатству, могуществу и свободе.

Во Флоренции требовали от продавца земли гарантии против возможности инквизиторской конфискации; обыкновенно эта гарантия представлялась в виде третьей части, которую также могли отобрать. Поэтому республика обратилась к Мартину V с жалобой на недоразумения, происходящие благодаря конфискациям имений еретиков, перешедших в руки верных католиков. Папа буллой от 22 ноября 1283 г. приказал флорентийским инквизиторам на будущее воздерживаться от подобных конфискаций.

Князья, получавшие выгоду от конфискаций, были обязаны нести на себе издержки инквизиции; но их личный интерес был настолько

значителен, что побуждал их поддерживать учреждение, столь выгодное для их фиска.

Но в 1237 г. Григорий IX жалуется, что королевские чиновники не платят ничего на содержание заключенных, имущество которых они конфисковали, так что поддержка светской властью инквизиции не всегда соответствовала притязаниям последней.

Любопытные данные о расходах Инквизиции за 1322-1333 гг. содержались в счетах Арно Ассали, прокурора Каркассона и Безье. Из доходов от конфискации прокурор оплачивал все расходы инквизиции – содержание заключенных, розыск свидетелей, преследование беглецов, расходы по аутодафе, включая сюда угощение экспертов и сукно шафранного цвета для крестов кающимся. Согласно счетам, жалование инквизитора достигало ста пятидесяти ливров в год, но уплачивалось оно очень неаккуратно: брат Отберт, назначенный весной 1316г., не получал ничего до 1322 г., когда по распоряжению короля Карла Красивого ему уплатили разом жалование за шесть лет – девятьсот ливров. Хотя в эту эпоху число конфискаций начало падать, все же оно было еще значительно. Ассали за год получил две тысячи двести девятнадцать ливров семь су и десять денье; расходы же его за это время, считая довольно крупные судебные расходы и уплату сразу большой суммы Отберту, достигли тысячи ста шестидесяти восьми ливров одиннадцати су и четырех денье, так что короне осталось чистых тысяча пятьдесят ливров. В 1317 г. доходы были гораздо меньше. До нас дошла квитанция королевского казначея в Каркассоне, выданная Ассали 24 сентября 1317 г.; чистый доход, за вычетом жалованья чиновников и других расходов, равнялся четыремстам девяноста пяти ливрам шести су одиннадцати денье.

Бесспорно, постоянное преследование всецело опиралось на конфискации. Когда катары исчезли к середине XIII в. под ударами инквизиции, другие еретики – спиритуалы, дольчинисты, фратичелли – были нищие, которые отрицали всякую собственность; изредка давали хорошую поживу колдун или ростовщик; тем не менее еще до 1337 г. обязанность балы по делам конфискаций за ересь в Тулузе была

довольно прибыльная, и желающих занять ее находилось много; за 1336 г. она дала шестьсот сорок ливров десять су.

Наиболее распространенным среди духовенства было мнение, что содержание инквизиции было обязанностью светских князей, которые пользовались доходами от конфискаций. Но около 1375 г. инквизитор Эмерик отмечает: мало уже упорствующих еретиков, еще менее еретиков-рецидивистов, и почти нет еретиков богатых, так что князья, не получая больших доходов, мало расположены производить расходы.

Однако еще в 1337 г. в отчеты тулузского сенешальства вносятся расходы на аутодафе, на поддержание недвижимых имений инквизиции, на жалование инквизитору и его помощникам и на содержание заключенных. Но беспорядок и бедность, бывшие следствием Столетней войны, скоро вычеркнули из бюджета эти статьи расхода. В 1375 г. Григорий XI убеждал короля Сицилии Фридриха разрешить инквизитору взять конфискованные имения, чтобы инквизиция не нуждалась в средствах. Одновременно он сделал энергичную попытку уничтожить вальденцев, число которых размножилось в Дофинэ. Нужно было строить новые тюрьмы, нужно было кормить массу заключенных, и вскоре инквизитор потребовал часть конфискованных имуществ, мотивируя это требование полным отсутствием средств на содержание своего трибунала. Королевские чиновники настаивали на удержании всего конфискованного. Король Карл Мудрый в 1378 г. опубликовал указ, которым сохранял за собой все доходы конфискации и назначал инквизитору ежегодное содержание в сто девяносто турских ливров (то же, что получали трибуналы Тулузы и Каркассона), из которых должны были оплачиваться все расходы инквизиции; при этом король добавлял, что если эта сумма не будет уплачиваться правильно, то инквизитор имеет право брать эти деньги сам лично из конфискованных имуществ. В 1409 г. Александр V предоставил на решение своего легата вопрос, должен ли инквизитор Дофинэ получать по триста флоринов золотом в год, уплату которых следовало или возложить на евреев Авиньона, или брать по десяти флоринов в год с каждого епископа своей провинции, или, наконец, возложить содержание инквизитора и его людей во время их пребывания в епархии на епископа этой епархии.

Скупость и жажда к грабежу играли видную роль в действиях инквизиции. Все занимавшиеся преследованием всегда имели в виду материальную выгоду.

Глава 14. КОСТЕР

Смертную казнь, как и конфискацию, в теории инквизиция не применяла. Первоначально приговор был только простым осуждением за ересь и сопровождался отлучением от Церкви или объявлением, что виновный не считается больше подсудным суду Церкви; иногда добавлялось, что он передается светскому суду, что «он отпущен на волю»; это обозначало, что кончилось прямое вмешательство Церкви в его судьбу. Со временем в приговорах часто упоминалось, что Церковь ничего не может больше сделать, чтобы загладить прегрешения виновного; передача его в руки светской власти объявляется словами: «да будет наказан по заслугам». Лицемерное обращение, в котором инквизиция заклинала светские власти пощадить жизнь и тело отпавшего, не встречается в приговорах XIII в. и никогда не формулировалось точно в более позднее время.

Воззвание к милосердию было пустой формальностью, к нему прибегали, только чтобы не казалось, что инквизиторы согласны на пролитие крови, так как это было бы нарушением канонов. Но в то же время Церковь зорко следила за тем, чтобы ее резолюция не толковалась превратно, она и поучала, что не может быть и речи о каком-либо снисхождении, если еретик не раскается и не выдаст всех своих единомышленников. Один из богословов XIII в. провозгласил: «Цель инквизиции – уничтожение ереси; ересь же не может быть уничтожена без уничтожения еретиков; а еретиков нельзя уничтожить, если не будут уничтожены также защитники и сторонники ереси, а это может быть достигнуто двумя способами: обращением их в истинную католическую веру или обращением их плоти в пепел, после того как они будут выданы в руки светской власти». В XIV в. инквизитор Алонзо де Спина замечает, что, прежде чем осудить их на уничтожение, нужно дважды обращаться к ним с предупреждениями, чтобы они не грозили спокойствию Церкви, в случае нераскаяния их следует уничтожать без промедления и следствия.

Сожжение на костре

Светские власти, однако, верили, что, сжигая еретиков, они исполняли приказания инквизиции. В предписании, данном 9 ноября 1431 г. Филиппом Красивым Бургундским своим чиновникам, говорится, что их обязанность наказывать еретиков, «как предпишет это инквизитор и согласно обычаю». Шпренгер, инквизитор XV в., уже не стесняясь, говорит о жертвах, «которые он приказал сжечь».

Церковь давала отпущение грехов всем, кто приносил дрова для костра, чтобы возбудить ярость простого народа. Еще в XVII в. ученый кардинал Альбицио заявлял: «Инквизиторы во всех процессах обычно выносят окончательный приговор, и если это смертный приговор, то он непосредственно и обязательно приводится в исполнение дожем и сенатом» (речь идет о Венеции). Еще в XIII в. Григорий IX не стеснялся утверждать, что Церковь была обязана проливать кровь еретиков. Бонифаций VIII внес в каноническое право напоминание светским властям под угрозой отлучения от Церкви, чтобы все, кого выдаст им инквизиция, подвергались «быстрому и справедливому» наказанию. Инквизиторам было приказано возбуждать судебное преследование против упорствующих чиновников.

Законы всех государств Европы присуждали еретиков к сожжению живыми; в лице инквизитора признавали судью, приговоры которого подлежали слепому исполнению. Граф Раймунд Тулузский в 1249 г. приказал сжечь живыми в Берлеже, близ Ажана, восемьдесят еретиков, которые сознались в его присутствии.

Если, однако, по той или другой причине светские власти не решались предать казни еретика, то тотчас всей силой своей власти вмешивалась Церковь, чтобы привести их к повиновению. Так, например, инквизиторы в 1237 г. осудили как еретиков десять мужчин и женщин; консулы и вигье отказались «принять» осужденных, конфисковать их имущество и «поступить с ними, как принято поступать с еретиками», другими словами – отказались сжечь их живыми. Немедленно инквизиторы торжественно отлучили от Церкви чиновников. В 1288 г. Николай IV повелел отлучить от Церкви и отстранить от должности светские власти многих городов, уклонявшиеся от приведения в исполнение приговоров инквизиции, а также наложить интердикт на их городские общины. В 1458 г. в Страсбурге бургомистр и его товарищи отказались сначала сжечь гуситского миссионера и его служанку; но Церковь заставила их исполнить приговор. В 1486 г. городские власти Брешии отказались сжечь несколько колдунов и колдуний, осужденных инквизицией; гражданские юристы пытались доказать, что светские власти имеют право ознакомиться с делом. Но Иннокентий VIII не замедлил объявить, что желание городских властей Брешии оскорбительно для веры, и приказал отлучить их от Церкви, если они в шестидневный срок не казнят осужденных; всякий муниципальный закон, противоречивший этому, был объявлен недействительным и не имеющим силы. В 1521 г. папа Лев X в энергичных выражениях подтвердил инквизитору и епископским судьям Венеции, что их приговоры должны быть исполнены без всяких пересмотров и расследований и что они могли наложить на ослушников любое духовное наказание. Светские власти были обязаны отправлять на костер, под угрозой быть самим причисленными к еретикам.

Не раскаявшийся еретик, предпочитавший мученическую смерть вероотступничеству, не был единственной жертвой костра. Еретиком, также достойным костра, считался тот, кто отказывался от исторгнутого у него признания. Человек, торжественное обращение которого было признано ложным, был неисправимый еретик, его требовал костер.

Уже в 1184 г. Веронский декрет папы Луция III предписывал, что всякий еретик-рецидивист, т. е. впавший после отречения в ту же ересь, должен выдаваться светским судам даже без нового допроса. Равеннский эдикт Фридриха II 1232 г. предписывает предавать смерти всех, кто снова впал в ересь, чье обращение было притворным с целью избежать наказания за ересь. В 1244 г. Нарбоннский собор упоминает о большом числе подобных случаев и повелевает передавать виновных в руки светской власти без нового суда. За исключением одного, все руководства для судопроизводства инквизиции XIII в. предписывают еретиков-рецидивистов выдавать в руки светской власти, притом без всякого суда. Зачастую светские судьи не обращали внимания на снисходительные приговоры инквизиции и сжигали несчастные жертвы без всякого милосердия; в свое оправдание гражданские власти ссылались на то, что иначе не удастся очистить страну от еретиков и что снисходительность поведет к усилению ереси. В 1258 г. Александр IV предписывает выдачу рецидивистов в руки светской власти. При этом утверждалось, что Церковь нисколько не закрыта для рецидивистов, принесших раскаяние, так как они могут получить святое причастие даже и на костре, но даже раскаяние не может избавить их от смерти. Мотивированное таким образом папское решение было внесено в канонические законы. В подобных случаях обещание дать причастие в последнюю минуту вносилось в приговор и жертву всегда сопровождали на костер священнослужители, старавшиеся «спасти ее душу».

Аутодафе

Мнимое или действительное преступление возвращения в ересь стало с середины XIII в. наиболее частым поводом к смертной казни. Еретики, жаждавшие мученического венца, были сравнительно редки, но было много людей, которые не могли искренне отречься от своей веры и, избежав смерти, надеялись, что сумеют лучше скрывать свое преступление против Церкви.

Все это потребовало строго законно определить понятие преступления возврата к ереси, когда виновный не мог быть даже выслушан, а также определить степень его виновности по первому и второму преступлению, совокупность которых оправдывала его осуждение как не раскаявшегося еретика.

Бывали случаи, когда при первой судимости обвиняемый оставался только под подозрением без всяких улик. Папа Александр IV заявил вполне определенно: если подозрение было тяжелое, то следовало рассматривать его как законное доказательство виновности обвиняемого, и поэтому обвиняемый должен быть осужден. Если же подозрение было легкое, то обвиняемого следует наказать более строго, чем наказываются за преступление в первый раз, но не применять к нему полностью наказаний, наложенных для рецидивистов. Для установления вторичного преступления достаточно

было, если обвиняемый вступил в сношение с еретиком или выказал ему какое-либо дружеское расположение. Осуждение рецидивистов было внесено в каноническое право и стало ненарушимым законом Церкви. В подобных случаях не может быть ни малейшего снисхождения.

Был еще разряд преступников: те, кто убегал из тюрьмы или небрежно исполнял наложенную на них епитимью. По теории, чистосердечно обратившимися считались кающиеся, с радостью принявшие епитимью, но, не выполняя ее, они показывали или то, что их обращение было неискренне, или то, что их неустойчивая душа снова впала в старые заблуждения. Поэтому уже с самого начала на них смотрели как на рецидивистов. Валансьенский собор 1248 г. постановил, чтобы сначала их милостиво усовещивали, после чего, если они продолжали оказывать неповиновение, с ними следовало поступать как с закоренелыми еретиками; это решение даже иногда вносилось в приговор, причем тем, кто стал бы небрежно исполнять епитимью, грозили наказанием, определенным для клятвoprеступников и не раскаявшихся еретиков. Бежавший из тюрьмы считался еретиком-рецидивистом, и его следовало сжечь живым без всякого суда. Обратившийся, если он не выдал всех известных ему еретиков, поклявшись сделать это, часто считался рецидивистом. Решительный отказ выполнить епитимью считался признаком упорной ереси и вел прямо на костер.

Факт сжигания человека только за то, что он верит иначе, чем мы, представляется такой драматической жестокостью и так поражает ужасом, что в конце концов в нем стали видеть существенную черту деятельности инквизиции. Но необходимо помнить, что среди других наказаний, налагаемых ее приговорами, костер был сравнительно менее употребителен. Бернар Ги за время своей инквизиторской деятельности в Тулузе (1308-1323 гг.) отправил на костер шестьсот тридцать семь еретиков, не считая шестидесяти семи приговоров сожжения останков умерших еретиков. На деле инквизиторы более добивались обращений, разоблачений и конфискаций, чем увеличения числа мучеников. Костер, зажигаемый время от времени, поддерживал в населении ужас, который считали спасительным. Главным и самым

страшным оружием святого трибунала, притом оружием страшным, были тюрьмы, массовые конфискации, унижительные епитимьи и, наконец, невидимая полиция, благодаря которой она парализовала ум и сердце всякого, кто имел несчастье раз попасть в ее руки.

Теперь о самой казни. Когда собиралась толпа смотреть предсмертную агонию мучеников, то старались не выказать никакой к ним жалости, чтобы не смягчить фанатизма зрителей. Виновного не удушали раньше, чем поджигали дрова, как это практиковалось в позднейшей испанской инквизиции; порох еще не был изобретен, и поэтому еще не обвязывали шею жертвы мешком с порохом, чтобы сократить ее мучения, когда пламя охватит ее. Несчастного привязывали живым к столбу, возвышавшемуся над грудой дров настолько высоко, чтобы верные могли видеть все. Монахи сопровождали его до последней минуты в надежде вырвать, если возможно, его душу из когтей дьявола; если он не был рецидивистом, он мог еще в последнюю минуту отречься и спасти свое тело. Монахам строго запрещалось убеждать несчастную жертву умереть без сопротивления, или взойти твердым шагом на эшафот, или мужественно отдать себя в руки палача, ибо, давая подобные советы, они могли ускорить ее конец и тем самым допустить «неправильность». Обыкновенно казнь совершалась в праздничный день, чтобы могло собраться больше народа и чтобы зрелище было поучительнее; из боязни, чтобы жертва не вызвала в собравшихся чувства жалости или симпатии, на нее накладывалось молчание.

Второстепенные подробности известны из отчета одного свидетеля казни Яна Гуса в Констанце в 1415 г. Несчастный должен был стать между двух вязанок хвороста, и его крепко привязали веревками к толстому столбу; на шею ему надели цепь. Затем заметили, что он повернулся лицом к востоку, а так как это было неприлично для еретика, то его повернули лицом к западу. Он был обложен до самого подбородка связками хвороста и соломы. После этого графпалатин, наблюдавший за исполнением казни, подошел к эшафоту вместе с констанцским предо и в последний раз предложил Гусу отречься. Когда тот отказался, они отошли и ударили в ладони, что было знаком для исполнителей казни поджечь костер. Когда огонь

пожрал все, то приступили к окончательному уничтожению обуглившегося трупа; его разорвали на части и перебили кости, а затем останки и внутренности снова бросили в огонь.

Чтобы присутствовавшие не сохранили останков мученика, после того, как огонь погасал, тщательно собирали пепел и бросали его в проточную воду.

выкапывании его тела или костей, то церемония сожжения их была, конечно, менее торжественна, но не упускали ничего, чтобы сделать ее ужасной. В 1237 г. в Тулузе было вырыто много трупов людей знатных и других покойников. Их кости и разложившиеся трупы тащили по улицам, причем впереди шел глашатай и кричал: «всякий, кто поступит так, так вот и погибнет», затем они были сожжены «во славу Бога, Блаженной Девы Марии, Его Матери, и блаженного Доминика, их служителя». Эта процедура, несмотря на то, что была довольно дорога, сохранялась все время существования инквизиции. Согласно отчетам Арно Ассали от 1323 г., вырыть кости трех еретиков, купить для них мешок, купить веревки, чтобы завязать мешок, нанять двух лошадей дотащить мешок до площади и купить дрова для костра- стоило больше пяти ливров.

Костер служил инквизиции еще для того, чтобы очищать страну от «заразительных и еретических сочинений»; это было начало цензуры, занявшей впоследствии видное место в деятельности инквизиции. В 1210 г. был издан приказ сжечь еретические сочинения ученика Амори, Давида де Динан, а также «Физику» и «Метафизику» Аристотеля. По приказу Иакова I Арагонского сожгли переводы Св. Писания. Каноны Нарбоннского собора 1229 г. запретили мирянам иметь Св. Писание. Сожгли сочинение Вильгельма де С.-Амур «Опыты». Книги евреев, в особенности Талмуд, вызывали к себе особую ненависть, и Церковь не щадила усилий, чтобы уничтожить их. Это преследование было вызвано обращенным в христианство евреем, Николаем де Рупелла, который около 1236 г. обратил внимание Григория IX на богохульство, заключающееся в еврейских книгах, в особенности в Талмуде. В июне 1239 г. Григорий писал королям Англии, Франции, Наварры, Арагона, Кастилии и Португалии, а также

прелатам этих королевств, приказывая, чтобы в субботу будущего поста, когда все евреи будут в своих синагогах, все книги их были схвачены и выданы нищенствующим монахам. В мае 1248 г. в Париже было сожжено четырнадцать возов книг, а затем еще шесть. Но Талмуд продолжал существовать. В 1255 г. Людовик Святой снова приказал в своих инструкциях сенешалем Нарбоннской провинции уничтожить все экземпляры Талмуда, а также всех книг, содержащие богохульства. В 1267 г. Климент IV предписал арагонскому архиепископу заставить короля Арагона и его сеньоров под страхом отлучения от Церкви распорядиться о том, чтобы евреи выдали инквизиторам Талмуд и другие книги. Книги, в которых не будет обнаружено богохульства, должны быть возвращены, а остальные опечатаны и спрятаны в надежное место. В 1299 г. Филипп Красивый приказывает своим судьям помогать инквизиторам в уничтожении экземпляров Талмуда. В 1309 г. в Париже были публично сожжены четыре воза еврейских книг. В 1319 г. понадобились две телеги, чтобы свезти осужденные книги на аутодафе в Тулузе. В 1554 г. Юлий III подтвердил указ инквизиции: евреям было приказано под страхом смерти выдать все книги, где встречаются богохульственные отзывы о Христе; это папское предписание было внесено в каноническое право.

Методы, изобретенные и одобренные инквизицией, епископские суды применяли к еретикам; и вскоре насилие и произвол распространились на все дела, подсудные епископским судам. Уже в 1317 г. инквизитор Бернар Ги говорит о пытке как о явлении обычном в духовных судах.

Еще более губительно сказалось влияние инквизиции на светское судопроизводство. До конца XVIII в. в большей части Европы инквизиционное судопроизводство, развившееся в целях уничтожения ереси, стало обычным методом, применявшимся в отношении всех обвиняемых. В глазах светского судьи обвиняемый был человеком, стоящим вне закона, виновность его всегда предполагалась, и из него надо было во что бы то ни стало хитростью или силою вырвать признание. Так же относились и к свидетелям. Узник, сознавшийся под пыткой, подвергался новым пыткам, чтобы он выдал «других преступников», которых он мог знать. Равным образом инквизиция

ввела в обычный суд преступление «подозрения»; если не удавалось обличить обвиняемого в преступлении, которое приписывалось ему, то его можно было наказать как подозреваемого, причем наказание предоставлялось усмотрению судьи.

Вся эта порожденная инквизицией система до XVIII в. отдавала несчастных и беззащитных на произвол жестоких судей. Еще в 1823 г. один суд на Мартинике осудил человека на пожизненные каторжные работы, так как на него пало «тяжелое подозрение» в том, что он колдун. Валенсийская «хунта веры» (под таким наименованием в 1823 г. Фердинанд VII восстановил инквизицию в Испании) 29 сентября 1824 г. арестовала учителя Кайетано Ритюл'я по обвинению в иудаизме: он утверждал, что (согласно «Деяниям Апостолов», гл. 15, стихи 20 и 29) суть религии заключается в изречении: «Не делай другому того, что не желаешь, чтобы делали тебе». Около двух лет он томился в тюрьме, а 1 августа 1826 г. в Валенсии его торжественно сожгли на костре. Это было последнее сожжение; оно вызвало бурю негодования в Европе, но только 1 июля 1835 г. была прекращена деятельность религиозных судов. Настал конец инквизиции, действовавшей более шестисот лет. Но ее методы уже в XX в. вновь позаимствовали и возродили судилища всех без исключения тоталитарных режимов.